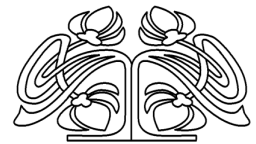

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Славнитский Н. Р.** Привлечение гарнизонных солдат к строительным работам в Кронштадте и Санкт-Петербурге в 1710-е и 1720-е годы 4
- Селивоненко А. Н.** Влияние России на взаимоотношения между Запорожской Сечью и Гетманщиной 8
- Оськин М. В.** Снабжение фронта мясными продуктами в годы Первой мировой войны: заготовки скота для армии 14
- Мирзабеков М. Я.** Тенденции развития и география промышленности Дагестана в 1990–2010-е годы 20

Всеобщая история

- Мокрополова А. Д.** Формирование образа святого короля в скальдической поэзии XI века 27
- Лушина М. Г.** Гнезно и Познань в XIII веке 33
- Булаева М. Н.** Преступность в Лондоне в начале XIV века 36
- Киясов С. Е.** Власть и масонство в эпоху нового времени: противостояние или союз? 43
- Жолудов М. В.** «Памфлетная война» и принятие великого акта о реформе 1832 года в Великобритании 52
- Мишин А. В.** Проблема немецкого меньшинства в германо-югославских отношениях 1920–1933 годов 58
- Ражев А. В.** Сухопутные силы Великобритании к середине 1930-х годов: проблемы модернизации 64

Международные отношения

- Цыплин В. Г.** Советско-турецкие контакты по военным вопросам в начале 1920-х годов 69
- Пивоварова Е. О.** Египетская политика первой администрации Дж. Буша-мл.: формирование и эволюция 76
- Насибова А. С.** От А. Муталибова к Г. Алиеву: формирование внешней политики независимого Азербайджана 81
- Саркулова Г. С.** Использование ресурсов Каспийского моря через призму казахстанских интересов в 1990-е и начале 2000 годов 87
- Косова А. Ю.** Парадипломатия канадской провинции Онтарио в XXI веке 93

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Экономическая жизнь в левобережном Саратове в третьей четверти XVII в.: хозяйственная деятельность, местное гражданское население 97
- Руфин С. М.** Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии) 104
- Корнелиук В. Г.** Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы) 109
- Воейков Е. В.** Лесной фонд Саратовской губернии в 1920-е годы 116
- Ищенко Ю. В.** Специализированная медицина в селах Саратовской области во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов 122

Критика и библиография

Представляем книгу

- Вдовин А. И.** Рецензия на книгу: Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 гг.): от общей Победы к кризису межэтнического доверия. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2017. 196 с. 129

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Крылова Елена Борисовна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 28.02.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,34 (16,5).
Тираж 500 экз. Заказ 21-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ORCID, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Slavnitsky N. R.** Involvement of Garrison Soldiers into Construction Works in Kronstadt and St. Petersburg in the 1710s and 1720s 4
- Selivonenko A. N.** Russia's Influence on the Relationship between the Zaporozhian Sich and the Hetmanate 8
- Os'kin M. V.** Supply of Meat Products to the Front during the First World War: Harvesting Cattle for the Army 14
- Mirzabekov M. Ya.** Development Trends and Geography of Industry of Dagestan in the 1990s–2010s 20

World History

- Mokropolova A. D.** The Formation of the Image of a Saint King in the Scaldic Poetry of the 11th Century 27
- Lushina M. G.** Gniezno and Poznan in the XIII Century 33
- Bulaeva M. N.** Crime in London at the Beginning of the 14th Century 36
- Kiyasov S. E.** The Authority and Masonry in the Modern History: Confrontation or Union? 43
- Zholudov M. V.** «The Pamphlet War» and the Adoption of the Great Reform Act of 1832 in Great Britain 52
- Mishin A. V.** The Problem of German Minority in the German-Yugoslavian Relations in 1920–1933 58
- Razhev A. V.** The Land Forces of Great Britain in the Middle of the 1930s: Problems of Modernization 64

International Relations

- Tsyplin V. G.** Soviet-Turkish Contacts on Military Matters in the Early 1920s 69
- Pivovarova E. O.** The Egyptian Policy of the First George Bush Jr. Administration: Formation and Evolution 76
- Nasibova A. S.** From A. Mutalibov to G. Aliyev: Formation of Foreign Policy of Independent Azerbaijan 81
- Sarkulova G. S.** Use of Resources of the Caspian Sea through the Prism of Kazakhstan Interest in the 1990s and Early 2000s 87
- Kosova A. Ju.** Paradiplomacy of the Canadian Province Ontario in the 21st Century 93

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Economic Situation in Left-Bank Saratov in the Third Quarter of the 17th Century: Agricultural Activity, Local Civilian Population 97
- Rufin S. M.** The Question of the Legal Status of Religious Sects of Baptists and Adventists in of the Russian Empire at the End of the 19th Century – the Beginning of the 20th Century (Based on Saratov's Province Sources) 104
- Korneluk V. G.** Migration State Policy and the Refugees of the First World War from Belarus in the Saratov Province (1915–1918) 109
- Voyeikov E. V.** The Forest Fund of the Saratov Province in the 1920s 116
- Ishchenko Yu. V.** Specialized Medicine in the Villages of the Saratov Region in the Second Half of the 1940s – Early 1950s 122

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Vdovin A. I.** Book Review: Myakshev A. P. Ethnic Relations in the USSR (1945–1985): from the Common Victory to the Crisis Inter-Ethnic Confidence. Saratov: Saratov University Publishing House, 2017. 196 p. 129

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhauz (Luneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald Rayleigh (Chapel Hill, USA)

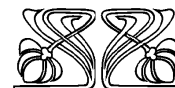
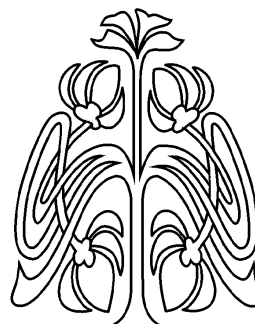
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

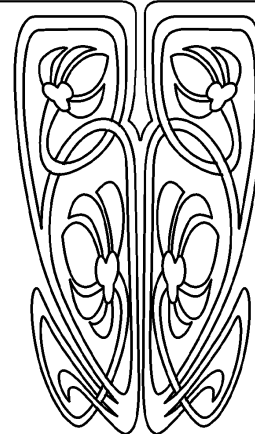
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 390.1(470.2)

Привлечение гарнизонных солдат к строительным работам в Кронштадте и Санкт-Петербурге в 1710-е и 1720-е годы

Н. Р. Славнитский

Славнитский Николай Равильевич, кандидат исторических наук, архивариус, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, slavnitski@bk.ru

В статье рассматривается вопрос о привлечении солдат гарнизонных полков при возведении укреплений в Санкт-Петербурге и Кронштадте первой трети XVIII в. Использовать солдат стали на о. Котлин в 1710-е гг., когда там развернулись масштабные строительные работы. Военнослужащие выполняли несложные работы. Их число по сравнению с общим количеством рабочих людей в то время было невелико, и тогда использование солдат, вероятнее всего, было связано с секретностью – они были задействованы там, куда не хотели допускать обычных работников. В 1720-е гг. солдат стали использовать в большом количестве, в это время речь уже шла исключительно об использовании дешевой рабочей силы.

Ключевые слова: Северная война, Санкт-Петербург, Кронштадт, гарнизонные полки.

Involvement of Garrison Soldiers into Construction Works in Kronstadt and St. Petersburg in the 1710s and 1720s

N. R. Slavnitsky

Nikolay R. Slavnitsky, <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>, State Museum of the History of St. Petersburg, 1 Pionerskaya Str., St. Petersburg 197198, Russia, slavnitski@bk.ru

The article deals with the question of involving soldiers of garrison regiments to build fortifications in St. Petersburg and Kronstadt in the first third of the 18th century. Soldiers were recruited on the island of Kotlin in the 1710s, when large-scale construction works were launched there. The servicemen did not perform hard tasks. Their number, compared with the total number of working people at that time was small. At that time recruitment of soldiers, most likely, was associated with secrecy as they were involved wherever ordinary workers did not want to be admitted. In the 1720s soldiers began to be involved in large numbers, and at this time it was already solely about using cheap labor.

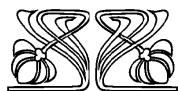
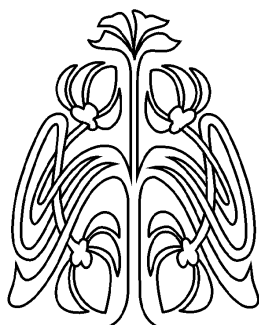
Keywords: Northern war, St. Petersburg, Kronstadt, garrison regiments.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-4-7>

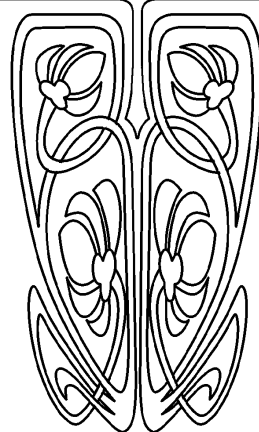
В 1710-е гг. на о. Котлин развернулось масштабное строительство – по царскому указу возводили гавани (Военную и Купеческую), а также новые фортификационные сооружения. Для этого предполагалось присылать работников со всех губерний Российского государства, однако рабочих рук не хватало, и к работам порой привлекали солдат из гарнизонных полков.

В первую очередь, конечно, использовали солдат из кронштадтских полков – Толбухина и Островского. В 1713 г. из первого полка было задействовано 40 плотников, а из второго – 35 плотников¹.

Инициатором этого, скорее всего, был британский моряк капитан Э. Лейн, который с 1712 г. фактически занимался всеми строительными работами на острове. Первые упоминания о привлечении солдат содержатся в его донесениях губернатору А. Д. Меншикову в феврале 1714 г. Выполняли они следующие работы: «перенесено и положено в новые в 202 сваи, и опущено в воду а имянно в 5 струбов 106 венцов, да на те же старые струбыв нарублено вновь прошлых недель 19 венцов да нынешней недели перенесенные досталные 12 венцов, да на те же 12 венцов нарублено 4 венца; всего на прошлых и нынешней недели тех венцов нарубле-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

но 23 венца, да для укрепления караблей прошлых недель каторжными неволниками и арестантами побито косых 130 свай, да нынешней недели 17, итого 147 свай, да прошлых недель полковыми и адмиралтейскими лошадми також которые взяты от поручика Пасынкова свезено з берегу камня и положен в перенесенные струбы 58 сажен да нынешней недели досталные рязанского полку салдат 8 сажен, да нынешней недели, на тех же лошадях их вывозили на корабли для грузу с берегу балласт»². Это были солдаты Белозерского полка и полка Санкт-Петербургского коменданта М. О. Чемесова. Обе эти воинские части входили в состав Санкт-Петербургского гарнизона. Получается, что солдат из полков, расположенных непосредственно на Котлине, к работам тогда не привлекали.

Люди из этих полков появились в Кронштадте в феврале 1714 г., помимо них были военнослужащие из других частей: «Владимирского и Новгородского полков обер- и унтер-офицеров и рядовых – 120; Чемесова и Белозерского полков обер- и унтер-офицеров и рядовых – 186; дивизии генерала Вейде погонщиков – 140»³.

23 декабря 1716 г. Э. Лейн доложил А. Д. Меншикову, что «драгунов есть только у рубки корабельных амбаров 50 человек, еще 50 человек рубят срубы под амбары, а иных солдат при работе нет, только зело нужны под амбары срубы, а ежели срубы в готовности не будут, то сваи под амбарами изломает. А 50 человеками зачинать Кроншлота не кем работать»⁴.

21 января 1717 г. он же сообщил адмиралу Ф. М. Апраксину: «Сего января 21 дня к старой гавани на 50 сажен начали рубить и положили один венец, да побито 62 сваи, а у той помянутой работы... московской, казанской и азовской губерний по расположенному от меня рапорту люди от них в работе сполна, а прочих губерний, именно: архангельской, сибирской и нижегородской при новой гавани никого нет от офицеров, также и от работных людей.

Да московской губернии срублено на берегу новой гавани на 70 сажен один венец, а другой рубят; казанской губернии срублено же гавани на берегу 6 венцов, а седьмой рубят же, да Кроншлота срублено драгунами и солдатами в длину на 56 сажен 6 венцов, да новоприсланными солдатами сей недели сработано же нового Кроншлота в длину на 50 сажен, положен только один венец, к тому побито 15 свай.

На вышеозначенных работах было людей:

При работе у пристройки старой гавани на 50 сажен

Московской губернии – 267;

Казанской – 30;

Азовской – 45;

Итого у гавани – 342.

У работы нового Кроншлота:

драгун – 100;

солдат Толбухина полка – 30;

солдат Островского полка – 30;

Солдат полка подполковника Зезевитова у рубки Кроншлота – 121;

Сваи бьют – 70;

В срубы кладут камня – 71;

Камень возят – 50;

Арестантов – 80;

Итого при Кроншлоте – 542.

У рубки новой гавани ящиков:

Московской губернии – 95;

Казанской – 220;

Азовской – 386;

Итого у рубки ящиков – 701.

Всего на вышеозначенных работах людей 1585 человек»⁵.

Из этого документа видно, что солдат, действовавших в строительстве, насчитывалось 281 человек, занимались они строительством укрепления нового Кроншлота. Притом что всего на Котлине тогда было 1585 человек, долю военнослужащих нельзя назвать значительной, но необходимо учитывать, что они занимались возведением фортификационного объекта, куда обычных рабочих (и тем более арестантов), по всей видимости, допускать не хотели.

В те же дни комендант Кронштадта бригадир В. И. Порошин составил ведомость «сколько при Котлине острове каких работ драгунами и солдатами зачато, и что окончено». В ней указывалось:

«Церковь срублена и поставлена и порешетена, верхняя подволка наведена и черепица на крышку привезена.

Построен пороховой корабельный погреб.

Погреб гарнизонный пороховой.

Построена лаборатория.

К лаборатории поварня.

К лаборатории же амбар.

Пильная мельница с фундамента и почали обивать досками.

Старого Кроншлота исподние и верхние жилья изрешечены и кирпич на фундамент привезен.

В гавани корабельные припасные амбары, один срублен наемными людьми, в нем 12 жилей, другие рубят солдаты в ту же меру, третий той же меры рубят наемными»⁶.

Под церковью подразумевалась деревянная церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного, которую построили во дворе будущего итальянского дворца А. Д. Меншикова (– штурманского училища, затем Морского инженерного училища)⁷. И, судя по всему, построена она была полностью силами солдат гарнизона, которые стали ее первыми прихожанами.

В июле 1717 г. Э. Лейн снова поднял вопрос об использовании в строительстве работ военнослужащих: «Плотники наемные с вышеозначенной торговой гавани просят с каждого венца за работу по 30 рублей, а по мнению моему, кажется, что прибыльнее и работать будут солдаты поспешнее, и были бы беспеременно, хотя бы им давать за оный труд с каждого венца по 5 рублей, или что Ваше сиятельство изволит, и они будут за такие деньги

работать с прилежанием; а есть в островском полку солдаты, которые плотничать знают»⁸.

Здесь речь откровенно идет о том, чтобы сэкономить и воспользоваться «более дешевой» рабочей силой.

В 1719 г. было принято решение о строительстве канала на острове (позже он стал называться «петровский док»), и тут первоначально были задействованы солдаты, причем из более отдаленных от Котлина гарнизонов. Указом 8 мая на имя М. М. Самарина предписывалось:

«1) Принять ему солдат из военной канцелярии, а именно: которые пришли из Выборга, из Пернова и с Москвы, также мужиков из здешней губернии (которым взять о числе ведомость из губернской канцелярии) и оными начать делать канал близ соборной церкви св. апостола Андрея Первозванного от берега морского до доков, и доки также и стороны у канала обделать, и разделить всю ту работу им поурочно и сказать: которые скорей свой урок отделают, те немедленно и отпустятся; и для той работы вышепомянутых мужиков разделить по батальонам между солдатами, дабы они лучше работали и не бежали, а провиант на тех солдат и на мужиков требовать из коллегии штатс-конторы.

2) Тележки для той работы, которые делали драгуны, принять у генерал-фельдмаршала Меншикова до 5000, что подрядил в Ладоге секретарь Макаров у ландрата Подчеркова; а лопатки, кирки, топоры к той работе требовать от него же князя Меншикова.

3) Для досок все суда, кои будут приходиться сверху (кроме шкут, эверсов и прочих морских), чьи бы они не были, кой час выгрузятся, не давая разбивать в дрова, но сплавливать на Котлин и там разбивать, также и те суда, кои по подряду Корсакова с дубовыми лесами, ему же велено отдавать»⁹.

Здесь хотелось бы обратить внимание, что солдат старались своеобразным образом стимулировать – тех, кто быстрее заканчивали работу, отпускали со строительства.

Для рытья канала было прислано:

«из петербургского и выборгского гарнизона
14 мая – 916 человек.

Из рижского:

19 мая – 705 чел.

21 мая – 466 чел.

25 мая – 962 чел.

Из Перновского:

17 мая – 849 чел.

19 июня – 189 чел.

Всего – 4087 чел.

Из них:

померло – 109 чел.

Бежало – 13 чел.

В расходе – 224 чел.

Больных – 322 чел.

Посохи разных уздов.

Выборгского и нейшлотского (14 мая) – 470 чел.

Кексгольмского – 404 чел.

В июне: копорского, нарвского, шлиссельбургского, ямбургского, кексгольмского – 250 чел.

В июле: копорского и кексгольмского – 27 чел.

Из них: померло – 238 чел.

Бежало – 79 чел.

За болезнь в дома отпущено – 364 чел.

За тем на лицо здоровых 436, больных – 44»¹⁰.

Работа эта затянулась, как видно из донесения Э. Лейна А. Д. Меншикову 29 августа 1722 г.: «В котлинском канале где работали солдаты от петербургской стороны выложено каменной стены в вышину по морскую воду и ниже, а в ином месте и выше, а кроме того где быть башне...»¹¹ И, скорее всего, на этой работе военнослужащие использовались всё то время.

Во второй половине 1720-х гг. к этой практике вернулись. 25 сентября 1727 г., когда на заседании Верховного тайного совета было принято решение «Санкт-Петербургской крепости недоделанные болварки будущим летом доделывать. И для того из военной коллегии осмотреть, сколько надобно каких материалов порознь, и к тому делу работных людей, и сколько же на те материалы и на дачу работным людям надобно денежной казны»¹². 7 февраля 1728 г. это постановление приняло силу закона¹³. В октябре 1727 г. обер-директор над фортификациями Б. Х. Миних приказал архитектору Д. Трезини составить ведомость «сколько к доделке... крепости надобно материалов, работных людей и денег»¹⁴, а 4 ноября сам осмотрел крепость вместе с У. А. Сенявным¹⁵.

После этого осмотра Б. Х. Миних составил «смету» и отправил ее в военную коллегию. По ней предусматривалось, что в 1728 г. следует в первую очередь заняться возведением бастиона Зотова, на что, по мнению Б. Х. Миниха, требовалось 62 817,25 руб. (в том числе на возведение фундамента – 27 187 руб.), но если вместо работников использовать солдат – 57 925,25 руб.¹⁶ Всего же работы по крепости (предполагались также работы по внутренней отделке Трубецкого, Государева и Нарышкина бастионов и установка барельефа и статуй на Петровские ворота) должны были обойтись в 78 770, 41 руб., но при использовании солдат вместо работников было достаточно 69 368, 41 руб.¹⁷ По-видимому, соображения экономии взяли верх, и при строительных работах стали использовать солдат Санкт-Петербургского гарнизона.

Кроме того, в октябре 1727 г. Б. Х. Миних получил распоряжение императора Петра II осмотреть Кронштадт и «учинить мнение»: «есть ли нужда оную по прежней модели всю доделывать, или надлежит что убавить а сделать только потребное к обороне неприятельской»¹⁸.

В декабре обер-директор над фортификациями осмотрел укрепления вместе с А. Де Кулоном, после чего подал в Верховный тайный совет доклад, в котором указал, что на строительство в соответствии с планом Петра I потребуются многие годы «и многие миллионы денег, доколе в такое состояние приведется, чтобы от неприятельского

приступа обороняться могла»¹⁹. И он, с одной стороны, предложил максимально упростить проект, и в то же время предложил значительную часть работ выполнить силами гарнизона.

В Санкт-Петербурге солдаты приступили к работе в феврале 1728 г. Они очищали снег и расставляли копры. С 14 по 22 февраля работали: обер и унтер офицеров и капралов – 21, рядовых – 300, итого – 321. С 22 по 29 число – обер и унтер офицеров и капралов – 34, рядовых – 500, писарь – 1, итого – 535 человек²⁰. В начале марта количество рядовых увеличилось до 500, а с 11 марта их количество возросло до 700 (с офицерами и капралами – 735 человек)²¹. В основном работы в тот период производились по расчистке бастиона Зотова, а также производилась набивка свай у бастиона Меншикова. В апреле 1728 г. у работ сохранялось то же количество солдат, продолжавших выполнять те же задачи²². Однако этого количества, по-видимому, оказалось мало, и в конце апреля число рядовых, задействованных при работах, увеличилось до 1000 человек (всего вместе с офицерами – 1056 человек)²³. Это количество сохранялось практически до конца июня²⁴. Кроме того, в конце мая к работе приступили вольные подрядные каменщики, вследствие чего у солдат прибавилось работы – требовалось доставлять кирпич к бастиону Зотова²⁵. Всего же за первое полугодие 1728 г. на зарплату солдатам вышло 1982 руб. 10 коп.²⁶

В дальнейшем число солдат продолжало возрастать: с 25 августа по 9 сентября при работах было задействовано 1468 человек (из них 1400 рядовых, а с 9 сентября – 1573 человека (1500 рядовых)²⁷. Лишь в конце сентября количество рядовых сократилось до 1400²⁸, в ноябре осталось всего 943 человека из них 900 рядовых, а с 19 ноября и вовсе всего 100 человек «для нужных плотничных работ»²⁹.

Таким образом, значительную часть работы, связанной со строительством укреплений Санкт-Петербурга и Кронштадта, выполняли гарнизонные солдаты, главным образом тем, что не требовала высокой квалификации. И если в царствование Петра I (при возведении укреплений Кронштадта) можно говорить о том, что их привлекали там, где требовалась секретность, то в 1720-е гг. речь уже шла исключительно об использовании дешевой рабочей силы.

Примечания

¹ См.: Ведомость о числе людей при Кроншлоте у строения гавани // Материалы для истории русского флота

(далее – МИРФ) : в 17 ч. Ч. III. СПб., 1866. С. 573.

² Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (далее – Архив СПб ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 6427. Л. 1.

³ Донесение о числе рабочих людей у строения гавани на Котлине острове, февраль 1714 г. // МИРФ. Ч. III. С. 574.

⁴ Там же. С. 578.

⁵ Там же. С. 581–582.

⁶ Там же. С. 581.

⁷ См.: Тимофеевский Ф. А. Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта. Кронштадт, 1913. С. 66.

⁸ См.: МИРФ. Ч. III. С. 594.

⁹ Справка о постройке канала на острове Котлин // МИРФ. Ч. III. С. 602.

¹⁰ Справка о числе рабочих людей, находившихся при рытье канала на Котлине, август 1719 г. // МИРФ. Ч. III. С. 605.

¹¹ Донесение Э. Лейна А. Д. Меншикову // МИРФ. Ч. III. С. 638.

¹² Сб. Русского исторического общества (далее – Сб. РИО) : в 148 т. Т. 69. СПб., 1889. С. 335.

¹³ См.: Именной указ, объявленный из Верховного тайного совета – Об окончательной отстройке Санкт-Петербургской крепости // Полное Собрание Законов Российской империи. 1-е изд. (далее – ПСЗ-1) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 8, № 5237. С. 12.

¹⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИ-ВиВС). Ф. 2. Оп. 3. Д. 185. Л. 79.

¹⁵ Там же. Л. 95 об.

¹⁶ Там же. Л. 119.

¹⁷ Там же. Л. 120.

¹⁸ Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 95.

¹⁹ Там же. С. 96.

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 3. Д. 98. Л. 148.

²¹ Там же. Л. 84.

²² Там же. Л. 144, 184.

²³ Там же. Д. 89. Л. 102.

²⁴ Там же. Л. 214, 216, 218, 219.

²⁵ Там же. Л. 217–218.

²⁶ См.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера – данная опись в архиве указана не номером, а наименованием). Д. 98. Л. 278 об.

²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 98. Л. 248, 266.

²⁸ Там же. Л. 266, 280.

²⁹ Там же. Л. 291.

Образец для цитирования:

Славнитский Н. Р. Привлечение гарнизонных солдат к строительным работам в Кронштадте и Санкт-Петербурге в 1710-е и 1720-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 4–7. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-4-7>

Cite this article as:

Slavnitsky N. R. Involvement of Garrison Soldiers into Construction Works in Kronstadt and St. Petersburg in the 1710s and 1720s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 4–7 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-4-7>

УДК 94/99(1–87):94(477)

Влияние России на взаимоотношения между Запорожской Сечью и Гетманщиной

А. Н. Селивоненко

Селивоненко Анатолий Николаевич, независимый исследователь, Шостка, Украина, wise.61@mail.ru

В статье освещается политическое противостояние между Гетманщиной и Запорожской Сечью, важную роль в котором играла русская дипломатия, стремившаяся ограничить автономию Украины. Автор показывает, что политическая ориентация гетманов могла меняться в зависимости от политической конъюнктуры. Противоречия между разными политическими силами умело использовало российское правительство с целью постепенной ликвидации автономии Гетманщины. Казачьей старшине были предоставлены права русского дворянства, а простые казаки переводились в статус крестьян.

Ключевые слова: Гетманщина, Россия, Польша, гетман, Запорожская Сечь, казаки, власть, взаимоотношения.

Russia's Influence on the Relationship between the Zaporozhian Sich and the Hetmanate

A. N. Selivonenko

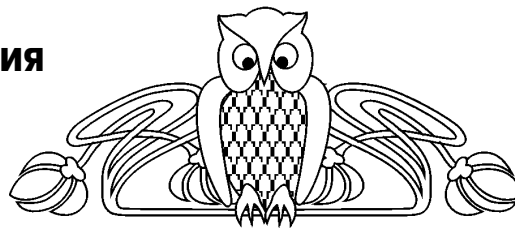
Anatoly N. Selivonenko, <https://orcid.org/0000-0002-9697-8112>, Independent Researcher, 3 Shevchenko Str., Shostka 412308, Ukraine, wise.61@mail.ru

The article highlights political confrontation between the Hetmanate and the Zaporozhian Sich and an important role of Russian diplomacy, which sought to limit the autonomy of Ukraine. The author shows that political orientation of the hetmans could vary depending on the political environment. The Russian government skillfully used contradictions between different political forces and Moscow diplomats in order to eliminate the Hetmanate autonomy. A Cossack leader was granted the rights of the Russian nobility, and ordinary Cossacks acquired the status of peasants.

Keywords: Hetmanate, Russia, Poland, hetman, Zaporozhian Sich, cossacks, power, relationships.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-8-13>

Развитие отношений Гетманщины с Запорожской Сечью во второй половине XVII в. в значительной степени совпадает с эпохой «Руины». Особое значение этой научной проблемы связано с дискуссией об истории украинской государственности, оценкой казацкого государства, особенностью и перспективой его развития. Поэтому исследования этого сложного и неоднозначного периода истории Украины во многом были и остаются чрезмерно политизированными. Существует определенный дисбаланс между западным украиноведением, которое всегда уделяло этим событиям большое внимание, и наработками украинской советской историографии, которая была

вынуждена довольствоваться политизированной схемой, основанной на официальной концепции воссоединения Украины с Россией. Широкая дискуссия об украинской государственности раннего модерна, которая начиналась в начале 90-х гг. XX в., к сожалению, не касалась вопроса отношений между Гетманщиной и Запорожской Сечью.

Цель статьи состоит в рассмотрении этого вопроса на основе анализа архивных материалов и научной литературы. Автор использовал архивные материалы института рукописей национальной библиотеки им. В. И. Вернадского. Главную ценность здесь составляет многотомное собрание копий и оригиналов документов, составленное А. Лазаревским. Из этого собрания автором были впервые использованы документы, касающиеся событий Левобережной Украины. Во время работы над статьёй были использованы документы архива Института истории Украины. Анализ и сопоставление этих документов дали возможность глубже понять природу конфликта между запорожцами и гетманской администрацией; установить взаимосвязь между социально-политической ситуацией второй половины XVII в. и разрушительными процессами в обществе, суть которых заключалась в жестокой борьбе за власть между различными казацко-старшинскими группировками. Здесь хранятся письма гетмана И. Брюховецкого к царю, а также кошевого атамана к И. Брюховецкому, которые позволяют более глубоко понять роль российского влияния на социально-политические процессы, которые происходили на Украине. Богатый материал об исторических событиях, которые происходили в левобережье, находится в опубликованных источниках, в частности в Актах, относящихся к истории Юго-Западной России. Эти источники проливают свет на взаимоотношения между запорожцами и гетманской администрацией. Кроме того, здесь много сведений об организации военного дела на Запорожье. Автор статьи реализовал новый взгляд на историю взаимоотношений между Гетманщиной и Запорожской Сечью, суть которого заключается в выявлении роли России в этом историческом процессе. Ранее роль России учитывалась в контексте тесно взаимосвязанных процессов формирования новой социальной структуры украинского общества как результат восстания Б. Хмельницкого и проблемах государственного строительства. Сложное положение сложилось на Украине после смерти Богдана Хмельницкого. Руководству надо было

решить важный вопрос, оставить ли страну под гарантированной автономией России или вернуть Украину под власть Польши? Социальная поляризация того времени привела к концентрации власти в руках старшины и украинской шляхты, которые пытались в социальной политике преследовать свои собственные интересы¹. Из этого можно сделать вывод, что в перспективе эта политика не могла поддерживаться народом Украины, который был в своем большинстве оказаненным. Центром недовольства такой политикой была Запорожская Сечь.

В этой ситуации И. Брюховецкий выступил как глава пророссийской политики, следствием которой стало углубление противоречий между запорожцами и гетманской властью. В 1665 г. он поехал в Москву и попросил царя расположить на Украине воинские части в Киеве и других городах. Опасаясь запорожских казаков, И. Брюховецкий предлагал увеличить численность российских солдат в Кодак с 300 человек до 1000. Кроме того, И. Брюховецкий просил царя: «...з Полтави дозволив би великий государ, посилати в Запорожжя своїх великого государя ратних людей до 1000 чоловик. Це військо на думку Брюховецького повинно підлягати російському воеводі, який зобов'язаний постійно проживати на Січі. Утримувати це військо повинне було місцеве населення»².

Во время пребывания И. Брюховецкого в столице России он подписал с царским правительством Московские статьи, усиливающие административную и финансовую зависимость Левобережья от России, что означало значительное ограничение автономии Украины. Вслед за приглашенными на Украину русскими войсками прибыли сборщики налогов, подчиненные российским властям. Они переписывали жителей и начали собирать налоги в царскую казну. Сюда входили поволощина, откуп мельниц и сукновален, аренда кабаков, таможенные сборы. Населению вводилось в обязанность содержать материально и поставлять продукты питания российским войскам, которые стояли на украинской территории. Конечно, в такой ситуации, когда со стороны царских воевод и казацкой старшины усиливались претеснения, народ, как и раньше, стал убегать на Запорожье. На Запорожской Сечи волна недовольства царской и гетманской властью росла с новой силой. Г. Косагов сообщал И. Брюховецкому: «А із задніпровських міст для великих і рушення із Черкас із інших буде навесні козаків багато Дніпром, і проте б він гетьман, розмислився»³. Особое недовольство вызвала у запорожцев первая из восьми статей, подписанных И. Брюховецким в Москве. По этой статье гетман отдавал все города Левобережной Украины под власть России, «... понеже надлежащее и от Бога врученное дело городами и землями владети и оные заступати монархом, а не гетманом. А что б Богу и всему свету явно было, что он гетман, со

всем Войском Запорожским и со всеми малороссийскими городами и с сёлами в совершенном и истинном подданстве государскому ныне и впредь вечно пребыти хочет, и что самому истинною монарха своего знати желает...»⁴

В Москве ждали случая, чтобы ввести в главные города Украины воевод. Гетман и старшина сделали царю предложение по этому поводу. Царь, похваливши их за это, издал указ о командировке в украинские города воевод⁵. Согласно постановлению Переяславского совета, которое было подписано в 1654 г., российского воеводу допускали только в Киев. По соглашению, которое было подписано в 1659 г. с Ю. Хмельницким, русские воеводы имели право быть в Чернигове, Нежине, Переяславе, Умани, Брацлаве. При Б. Хмельницком, так и при его сыне Ю. Хмельницком русским воеводам входило в компетенцию только руководство российскими войсками, которые были на Украине согласно царского указа. По статьям, которые подписал И. Брюховецкий, ситуация кардинально изменилась. С этого момента российские воеводы взяли в свои руки административное и финансовое управление в определённых им городах Украины. Количество воеводских городов, как и численность русского войска в городах, увеличили. Со своей стороны гетман, когда был на приёме у русского царя, настаивал на необходимости послать воевод с войском в Запорожье, Кременчуг, Кодак: «А гетьман бив чолом великому государю, щоб у Кодаку були великого государя знатні люди, щоб козакам у Кодак одяг посилати і щоб Кременчуг зміцнити й людей поставити, бо Кодак на першому порозі, а Кременчуг вище Кодака, й на Запороги пройти ніхто не зможе, то Запорожжя, буде під государською високою рукою»⁶. По новому положению российские воеводы имели право управлять городами, распределять налоги собирать их. Воеводы имели помощников, особых писарей, которые занимались переписью украинского населения, определяли для каждого человека его повинности⁷.

Заслуживает внимания еще одна из статей, подписанных И. Брюховецким во время визита к русскому царю, которая касалась назначения митрополита в Киеве. В этой статье И. Брюховецкий просил царя, чтобы он, учитывая большое влияние, которое имел киевский митрополит на казацкое войско на Украине, прислал в Киев российского священника на эту должность⁸.

Все статьи, которые подал И. Брюховецкий в Москву, были подписаны старшинами и полковниками, которые приехали вместе с ним. Среди этой делегации было три человека из Запорожской Сечи. «Великого государя, его царского пресветлаго величества, вернаго низового кошевого запорожского войска, вместо Ивана Лященко, Горбаня Мартына Горба, письма не умеющих, по их прошению на сих подтверждённых статьях и их же товарищ куренный Захарко Андреев руку свою властную приложил»⁹.

Пока И. Брюховецкий вёл переговоры в Москве в крепости «Кодак» начало расти недовольство казаков. По этому поводу наказной гетман Д. Ермоленко получил сообщение о бедственном положении гетманских казаков от полковника крепости Харка Кривого, который просил наказного гетмана прислать ему муки, кожухов, сапог, шапок, полотна и несколько десятков бочек пороха на зимнее время. Д. Ермоленко выполнил просьбу полковника крепости частично, выдал лишь муку и кожухи, а об остальном доложил И. Брюховецкому и просил его скорее отдать распоряжение, чтобы войско не покинуло «Кодак». Этот вопрос так и не был до конца решён.

От Д. Ермоленко гетман получил ещё одно сообщение, которое касалось появления П. Дорошенко в Западноднепровской Украине. В письме к запорожцам П. Дорошенко просил казаков дать согласие на его гетманство. Поддерживая П. Дорошенко, запорожцы на тот момент не знали его черт характера и политических взглядов. П. Дорошенко был человеком, лишённым самолюбия. Он стоял выше личных сословных интересов и желал спасти государство от внутренних распрей, мечтал поставить его на путь политической автономии. Пути реализации этой мысли у П. Дорошенко и запорожских казаков не совпадали. Объявив себя гетманом обеих сторон Днепра, П. Дорошенко решил отдать всю Украину под власть турецкого султана и заключил с ним соглашение об этом¹⁰. Он думал, что Украина, имея одну веру и почти один язык с русскими, потеряет свою политическую независимость и полностью сольётся с великороссами. Поэтому лучше, по мнению П. Дорошенко, отдаться не московскому царю, а турецкому султану, и тогда из-за отличия языка и веры можно рассчитывать, что Украина навсегда сохранит свою самостоятельность.

Именно на этой почве у П. Дорошенко с запорожцами возник конфликт. Казаки Запорожской Сечи залог своей воли видели в русском царе. Расходясь в вопросе с П. Дорошенко о подчинении царю, запорожцы сходились с ним в ненависти к И. Брюховецкому, который проводил политику, направленную на постепенную потерю ими запорожских вольностей¹¹. Вернувшись на Украину после переговоров с российским царем, гетман И. Брюховецкий встретил здесь единодушную ненависть со стороны простых казаков, украинских масс и духовенства, и особенно запорожских казаков¹². 6 февраля 1665 г. русский царь получил от Г. Косагова сообщение, что в Запорожье ратным людям жить опасно, и в самой Сечи осталось лишь 500 человек, а остальные разъехались. Сообщение Г. Косагова подтвердил киевский воевода В. Шереметьев. Он писал царю, что запорожцы не любят московских ратных людей: по их милости войско не имеет добычи и хочет мириться с татарами и П. Дорошенко¹³.

После получения этих сообщений царь принимает решение послать 9 августа 1665 г.

из Москвы в Киев И. Леонтьева, чтобы тот объявил приговор переяславским бунтарям и разведдал состояние дел на Запорожье. Царь также передал И. Леонтьеву инструкцию относительно запорожцев, в которой шла речь о том, что «... боярин-гетьман має писати від себе в Запороги кошовому отаманові Ждану Рогу з козаками і усіляко переконувати їх не затівати нічого лихого, а діяти проти неприятелів»¹⁴.

Независимо от этого народное возмущение против гетмана и московских бояр нарастало. Это было вызвано тем, что бояре на Украине конфисковывали имущество. Например, полтавский воевода Я. Хитрово отбирал у казаков лошадей, сеножатки, а заслуженных казаков обременял обязанностью предоставлять квартиры для своих людей. В. Шереметьев велел отобрать мельницы в разных местах Полтавского полка, несмотря на обычай, по которому хлебная дань с казацких и мещанских мельниц Полтавы отсылалась в Запорожье¹⁵. По этому поводу дьяк И. Песков сообщал царю: «У многих казаков случилось слышать, что великая беда чинитца от воевод и им разоренье изволил бы великий государь их держать под своею великого государя высокою державою и беречь своим государевым воеводам»¹⁶.

Катализатором народного возмущения было заключение в январе 1667 г. Андрусовского перемирия между Россией и Польшей. По этому договору Правобережная Украина отходила к Польше, за исключением Киева, который переходил под власть Москвы всего на два года, а затем снова должен был отойти к Польше. Кроме этого Польша возвращала России Смоленские и Северские земли. Об этом перемирии по соглашению между русским царем и польским королем решено было уведомить турецкого султана и крымского хана и пригласить их присоединиться к мирному союзу. В статьях договора были два пункта, которые касались запорожских казаков. В одном из них шла речь о том, что «... тамошние козаки, живущие по островам и остающиеся в оборонах, должны оставаться в послушестве под обороною и под высокою рукою обоих великих государей для услуги против наступающих бусурманских войск»¹⁷. В другом пункте было сказано, что запорожцы должны помогать российскому и польскому обладателям в том случае, когда крымский хан откажется сохранять дружбу с Польшей и Россией после объявления ему особыми послами об Андрусовском перемирии. Казацкие послы не были приглашены в Андрусово, и только после заключения перемирия на Украине в Запорожье пришло сообщение об этом от стольника И. Телепнева.

Андрусовский договор закрепил это разделение и тем самым нарушил условия Переяславского договора 1654 г. Без воли народа и без объявления ему Украина была разделена на две части, в одной из которых вводились польские порядки, а во второй – воеводское управление со стороны России. Без согласия и уведомления казаков За-

порожье объявили одновременно зависимым от Польши и от России. Конечно, это вызвало протест казаков Запорожской Сечи, на что гетман И. Брюховецкий немедленно отреагировал, заявив стольнику И. Телепневу, что в Кременчуг и Кодак надо послать московских ратных людей, лишить запорожцев снабжения хлебом и уменьшить их количество, потому что от них следует ожидать больших беспорядков¹⁸. Не довольствуясь этим, И. Брюховецкий послал в Москву отдельного посланника А. Селецкого и через него сообщил, что он пытался уговорить запорожцев, посылая им различные подарки, чтобы они жили в согласии с московскими ратными людьми. В своём послании царю И. Брюховецкий акцентировал внимание на том, что препятствием в этом был епископ Мефодий, который делает всё, чтобы на Запорожье был мятеж. Вторая причина, которую назвал И. Брюховецкий, – это насилие и несправедливость со стороны воеводы Ф. Протасьева. Обиженные воеводой пошли на Запорожье, подстрекая всех на бунт. Опасаясь, чтобы искра бунтов не залетела из Запорожья на Украину и не вспыхнула в ней огромным пожаром, И. Брюховецкий просил царское величество прислать ему для безопасности ратных людей, потому что собственным он не доверяет, ведь многие из них могут «...подчиниться запорожцам»¹⁹. Недовольство русскими войсками на Запорожье росло всё больше. Кошевой Запорожской Сечи Ж. Рог писал И. Брюховецкому: «Почули ми, що Москва буде на Кодаку, але її там треба. Погано робиш, що починаєш з нами сваритись, зброя не допоможе у полі, коли дома ради не буде. Хоч ты від царської величності дістав жалуванья, однак достоинство своє отримав від Війська Запорозького, Військо не знає, що таке боярин, знає тільки гетьмана»²⁰. Из этого письма видно, что между гетманом и Запорожской Сечью нарастала конфронтация, и стержнем в ней было московское влияние. Проект И. Брюховецкого о присутствии бояр на Запорожской Сечи поставил в очень опасное положение российских ратников на Запорожье.

Как только запорожцы поняли социальную и национальную сущность политики И. Брюховецкого, сразу стали к нему в оппозицию. Об очень сильном обострении ситуации на Запорожской Сечи свидетельствует тот факт, что воевода Г. Косагов ее покинул, опасаясь за свою жизнь²¹. Запорожцы все больше стали поддерживать гетмана П. Дорошенко. Об этих событиях И. Брюховецкий писал царю: «Розповідали мені мої посланці із Запорог, що татешні козаки називають королів дідичними своїми государями і ненавидять тих, хто вірно служить вашій царській величності, особливо ненавидять дворян, полковників Війська Запорозького, як і мене самого, за те, що в малоросійськи міста послано воевод, які почали відати усякими справами»²².

Недовольство Андрусовским миром вызвало волну нового восстания на Левобережье.

Это восстание начали казаки Запорожской Сечи. Запорожцы думали, что благодаря Андрусовскому миру состоится объединение Польши и России против них, что российское правительство начнёт долговременные мирные отношения с союзником Польши Крымом. Осенью 1667 г. казаки нанесли татарам и туркам много сильных ударов в то время, когда они шли на помощь П. Дорошенко, который возобновил борьбу с Польшей. Запорожцы очень быстро захватили Перекопскую крепость, которая была главными воротами в Крым. Казаки разделились на два отряда и двинулись вглубь полуострова. Один отряд казаков возглавил атаман Ждан Рог, а во главе второго был Иван Сирко. В результате сильного и неожиданного удара казаков по Крыму среди татар началась паника. Часть из них ушла в горы. Сам хан бросил Крым на произвол и морем бежал в Турцию. Казаки предположили, что та часть татар, которая пошла на помощь П. Дорошенко, может вернуться и закрыть им выход с полуострова. Поэтому они повернули назад к Сечи, освободив большое количество украинских невольников²³.

В 1668 г. народное восстание охватило все Левобережье. Отряды запорожцев двинулись на Полтаву. Гетман Петр Дорошенко решил воспользоваться восстанием с целью объединения Украины. Он мечтал быть гетманом обеих частей Украины. П. Дорошенко понимал, что перед тем как начать воплощать свои мечты в жизнь, нужно знать, что думает по этому поводу правительство Москвы. Для этого брат гетмана Григорий Дорошенко начал переговоры с стряпчим Тяпкиным, где высказывался, что «...під великодержавною рукою царської величності хочемо бути, тільки у нас в містечках воевод, ратних людей та всяких московських начальників не було, вольності наші козацькі права були б не порушені і гетманом би на обох берегах Дніпра бути Петру Дорошенкові»²⁴.

Из этих слов видно, что П. Дорошенко мечтал вернуть Украину в эпоху Б. Хмельницкого. Приём в Москве Григория Дорошенко был прохладным. Поэтому у Петра Дорошенко было стремление «...як найшвидше очистити Україну від російських гарнізонів»²⁵. Во главе военного отряда он переправился через Днепр и пошел на Полтавщину. И. Брюховецкому он предлагал отказаться от гетманства. И. Брюховецкий в ответ с войском отправился на встречу П. Дорошенко. Возле Опишек в армии И. Брюховецкого вспыхнуло восстание. Казаки припомнили гетману договорённости с российским царём, направленные на ограничение их вольностей, лежавших в основе традиций запорожского казачества. И. Брюховецкий был убит, а его войско перешло к П. Дорошенко²⁶.

После И. Брюховецкого был провозглашен казаками гетманом всей Украины Петр Дорошенко. Как только он покинул Левобережье с целью дать отпор полякам на правом берегу, Демьян Многогрешный, который был названным гетманом, стал

во главе старшинской группировки промосковской ориентации. К этой группе присоединился черниговский архиепископ Лазарь Баранович. В Новгород-Северском старшина избрала гетманом Левобережья Демьяна Многогрешного. Войска из России снова вернулись на Украину. Д. Многогрешный в 1669 г. в Глухове подписал статьи, предложенные царем, в которых предусматривалось ограничение гетманской власти. Согласно этим статьям гетману запрещалось иметь дипломатические отношения с другими странами. На посольских съездах в Москве украинские представители не имели права голоса, а могли только присутствовать, когда решалась судьба Украины²⁷.

Российская власть все же пошла на некоторые уступки казацкой старшине. На территории Украины войска присутствовали только в Киеве, Нежине, Остре, Чернигове и Переяславе. Российское руководство обещало не вмешиваться во внутренние дела, а только ограничивалось делами военными. Старшина согласно этим статьям имела право по рекомендации гетмана получить дворянское звание. Эти статьи усиливали проявление российской роли в усугублении конфликта запорожцев с гетманской властью. Если старшина кроме дворянского звания имела право на другие привилегии, то крестьяне, наоборот, ограничивались в своих правах. Для них ограничивался переход в казачество, а для казаков закрепощение увеличивалось²⁸. В этой ситуации Запорожская Сечь усиливала оппозиционные настроения к П. Дорошенко и не поддерживала его.

Обстоятельства так складывались, что П. Дорошенко оказался в кругу врагов. Это были: ставленник Польши, М. Ханенко, Россия с ее сторонником Д. Многогрешным, Суховеенко с запорожцами, татары, поддерживавшие Суховеенко. В таких условиях П. Дорошенко принял протекторат Турции в 1669 году. На бумаге он выглядел привлекательно. Украина имела право на автономию и не обязана была платить налоги в турецкую казну. Но гетман был обязан помогать султану в случае необходимости казацким войском. П. Дорошенко согласно этому документу имел право передачи гетманства потомкам. В результате заключения договора с Турцией П. Дорошенко на некоторое время укрепил свое положение. В союзе с И. Сирко он разгромил Суховея, который после этого бежал к татарам в Крым. Летом в 1669 г. он вновь выступил против П. Дорошенко. В этой ситуации гетман получил помощь от турецкого посла, по приказу которого татары прекратили военные действия²⁹.

В это время изменилась ситуация в Запорожской Сечи. Казаки перестали поддерживать Суховея и провозгласили гетманом уманского полковника М. Ханенко, у которого была польская ориентация. Если сравнивать двух врагов П. Дорошенко, Суховея и Ханенко, то последний был опаснее. Понимая это, П. Дорошенко попытался сблизиться с Польшей, но последняя не приняла

его предложение относительно возвращения Украине прав согласно Гадячскому трактату³⁰. Польша отвернулась от П. Дорошенко и провозгласила гетманом Правобережья Михаила Ханенко. Заключив с ним договор, Польша признала автономию только за казаками³¹. В этой ситуации П. Дорошенко имел поддержку только от Турции, благодаря которой он был скомпрометирован в глазах собственного народа³². Во время военных событий 1672 г. на Правобережье в Левобережной Украине в очередной раз сместили гетмана. Казацкая старшина промосковской ориентации выступила против Демьяна Многогрешного, которого подозревала в контактах с П. Дорошенко. Заговор возглавил Карп Мокриевич³³. На казацком совете, проходившем в 1672 г., гетманом избрали И. Самойловича, который был сторонником выступления И. Брюховецкого против Москвы. И. Самойлович мечтал объединить Украину под своей властью. Внешняя военно-политическая ситуация давала возможность ему реализовать свои планы. Андрусовский договор потерял силу после подписания Польши с Турцией Бучацкого договора, на основании которого Правобережная Украина вошла в состав Османской Порты и компетенцию ее союзника П. Дорошенко. Воспользовавшись этой ситуацией, Россия начала военные действия против П. Дорошенко. Российские войска вместе с левобережными казацкими полками и казаками Запорожской Сечи в 1674 г. отправились за Днепр. Десять правобережных полков присоединились к Левобережью, а это было равнозначно, что присоединиться к России. В этой ситуации гетман Правобережной Украины, который имел пропольскую ориентацию, перешел на сторону России. В марте 1674 г. на Переяславском совете правобережная казацкая старшина избирает гетманом обеих частей Украины Ивана Самойловича.

В 1677 г. турки предприняли попытку захвата Чигирина. Стотысячное турецко-татарское войско осадило Чигирин, но казаки во главе с И. Самойловичем разбили врага. Через год турки сделали вторую попытку и захватили город, но закрепиться здесь им не удалось. В 1679 г. турки готовились к захвату Киева, но узнав о подготовке российско-казацкой армии обороны, отказались от похода. В 1681 г. Турция с Россией заключила Бахчисарайский мир, по которому граница между этими государствами должна проходить по Днепру. К России должны были отойти Киев, Васильков, Триполье, Дедовщина и Радомышль, Запорожье оставалось на стороне России³⁴. Польша в это время пыталась сблизиться с Россией потому, что опасность со стороны Турции угрожала многим европейским странам, прежде всего Польше. Россия входила в Священную лигу, в которой активными членами были Австрия и Венеция. Целью лиги было объединение этих государств против Турции.

В 1683 г. польское войско под руководством Яна Собесского победило турок под Веной.

Вскоре Польша воспользовалась этой победой и восстановила свою власть на Правобережной Украине. В 1686 г. был подписан между Польшей и Россией «Трактат о Вечном мире». Согласно этому трактату Россия имела право на Левобережную Украину, Киев и Запорожье. Правобережная Украина оставалась под властью Польши. Турция владела Подольем.

Из этого контекста напрашивается вывод о том, что присоединение к России Левобережной Украины было углубляющим фактором развития противостояния между запорожцами и гетманом. Левобережная Украина развивалась под влиянием процессов, происходивших в России. Обострение отношений между Гетманщиной и Запорожской Сечью было обусловлено российским влиянием на ход исторических событий того времени. Наиболее это сказывалось, когда гетман позволял России строить крепости в пределах Запорожской Сечи, что давало ей возможность контролировать казачьи воинские соединения³⁵. В противостоянии с запорожцами гетман и российский царь достигали своей цели с помощью угроз и экономических форм влияния. Манипулируя экономическими и политическими методами, российский царь и гетман не разрешали Запорожской Сечи подняться до уровня политического лидера.

Примечания

- 1 См.: Акты Юго-Западной России (далее – АЮЗР) : в 15 т. СПб., 1873. Т. 7. С. 12.
- 2 Там же. 1869. Т. 6. С. 22.
- 3 Институт рукописей национальной библиотеки имени В. И. Вернадского. Ф. 2. Д. 14218. Л. 15. Письмо Г. Косагова гетману И. Брюховецкому (копия).
- 4 *Яворницкий Д. И.* История запорожских казаков. Киев, 1994. С. 117.
- 5 *Герасименко Н. И.* Историчні події на Україні 1657–1659 рр. Київ, 1999. С. 58.
- 6 *Дорошенко Д. П.* Нариси історії України. Київ, 1992. С. 159.
- 7 *Ефименко А.* История украинского народа. Киев, 1990. С. 175.
- 8 *Рігельман О. І.* Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі. Київ, 1994. С. 92.
- 9 Архив інститута історії України. Ф. 2. Оп. 3. Спр. 22. Посольські справи в часи правління гетьмана І. Брюховецького.
- 10 *Морковин Н.* Очерки истории запорожского казачества. СПб., 1878. С. 35.
- 11 АЮЗР. СПб., 1869. Т. 6. С. 157.
- 12 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 6, т. 11. С. 163–174.
- 13 АЮЗР. СПб., 1867. Т. 4. С. 125.
- 14 Там же. СПб., 1869. Т. 6. С. 200.
- 15 Институт рукописей национальной библиотеки имени В. И. Вернадского. Ф. 2. Д. 14218. Л. 125. Копия письма дьяка И. Пескова царю Алексею Михайловичу.
- 16 АЮЗР. СПб., 1875. Т. 8. С. 130.
- 17 Там же. С. 131.
- 18 Там же. СПб., 1853. Т. 5. С. 231.
- 19 *Божко С.* Гетьманщина. Полтава, 1923. С. 101.
- 20 Архив інститута історії України. Ф. 2. Оп. 5. Спр. 39. Лист кошового отамана Ж. Рога гетьману І. Брюховецькому.
- 21 АЮЗР. Т. 5. С. 233.
- 22 Архив інститута історії України. Ф. 2. Оп. 5. Спр. 45. Лист гетьмана І. Брюховецького царю Олексію Михайловичу.
- 23 *Марченко М. І.* Боротьба Росії і Польщі за Україну. Київ, 1991. С. 56.
- 24 Архив інститута історії України. Ф. 2. Оп. 3. Спр. 25. Копії посольських документів доби «Руїни».
- 25 *Замлинський В. О.* Українська козацька держава. Київ, 1992. С. 68.
- 26 АЮЗР. Т. 5. С. 243–244.
- 27 Там же. СПб., 1878. Т. 9. С. 245.
- 28 Там же. СПб., 1879. Т. 11. С. 245.
- 29 *Липинський В.* Историчні студії та монографії. Відень, 1920. С. 180.
- 30 *Брехуненко В. А.* Історія запорозького козатства. Київ, 2006. С. 350.
- 31 АЮЗР. Т. 11. С. 239.
- 32 Там же. С. 240.
- 33 Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 100–101.
- 34 *Дорошенко Д. П.* Нарис історії України. Київ, 1992. С. 170.
- 35 Там же. С. 177.

Образец для цитирования:

Селивоненко А. Н. Влияние России на взаимоотношения между Запорожской Сечью и Гетманщиной // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-8-13>

Cite this article as:

Selivonenko A. N. Russia's Influence on the Relationship between the Zaporozhian Sich and the Hetmanate. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 8–13 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-8-13>

УДК 94.47

Снабжение фронта мясными продуктами в годы Первой мировой войны: заготовки скота для армии

М. В. Оськин

Оськин Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин, Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Тула, maxozv@yandex.ru

Статья посвящена проблеме заготовок скота для русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Снабжение фронта являлось важным составным элементом в системе обороноспособности России. Поэтому государственная власть, и прежде всего отвечавшее за продовольственное дело Министерство земледелия, делали все возможное, чтобы рационально использовать скотоводческий фонд страны. Региональное распределение поставок скота для армии, привлечение земских структур, снижение мясного потребления в тылу – все эти факторы работали на достижение победы в мировом конфликте.

Ключевые слова: заготовки скота, Министерство земледелия, разверстка, мясное потребление, животноводство.

Supply of Meat Products to the Front during the First World War: Harvesting Cattle for the Army

M. V. Os'kin

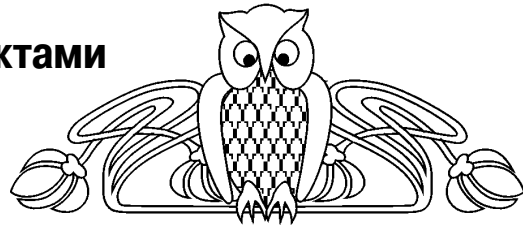
Maxim V. Os'kin, <https://orcid.org/0000-0003-1112-8715>, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association, 98 Boldina Str., Tula 300028, Russia, maxozv@yandex.ru

The article is devoted to the problem of cattle harvesting for the Russian army during the First World War of 1914–1918. Supplies to the front played an important part in Russian defense capability. Therefore, the government and first of all, the Ministry of Agriculture, which was responsible for the food issues, made great effort to use the livestock fund of the country reasonably. Regional distribution of livestock supplies for the army, involvement of the county, and reduction of meat consumption at the home front – all served to achieve victory in the world conflict.

Keywords: harvesting of cattle, Ministry of agriculture, development, meat consumption, livestock.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-14-19>

Первая мировая война 1914–1918 гг., став первой «тотальной» войной, в ходе которой военные нагрузки в полной степени испытывали не только фронт, но и тыл, в качестве важной задачи достижения победы в войне выдвинула проблему продовольственного снабжения действующей армии. До войны мясное потребление населения было небольшим, так как животноводство развивалось «в меньшей прогрессии, чем рост населения и городского и фабричного (как потребителей мяса)». Еще до войны стало понятно, что «мы шли скорее к мясному кризису, чем к избытку скота»¹.

Оценки продовольственного состояния России в период Первой мировой войны в отечественной историографии традиционно базировались на изучении хлебного ресурса, где непоколебимой основой является труд Н. Д. Кондратьева². Соответственно, господствующим стал вывод о достаточности продовольствия в стране, а кризис объяснялся прежде всего субъективными факторами – деятельностью продовольственной организации страны. Современный исследователь справедливо подметил: «что же касается животноводства, то этот вопрос вообще не поднимался»³. Разумеется, проблема мясного снабжения не оставалась в стороне, не имея, однако, ведущего значения в исследовании данной проблематики, хотя мясо является вторым основным продуктом потребления после хлеба, а нехватка мясного ресурса обозначилась уже спустя год войны.

Еще в ходе мирового конфликта появляются работы, посвященные именно мясной проблематике⁴, среди которых выделяется исследование помощника главноуполномоченного по закупке мяса, скота и жиров для армии⁵. До революции В. Н. Бреславец занимал пост уполномоченного по закупкам скота на Южном Урале и, используя свой непосредственный опыт работы, что называется, «на земле», он использовал в своем исследовании не только общероссийские данные, которые получал в качестве помощника главноуполномоченного, но и рекомендовал умения и навыки практического применения в работе регионального уполномоченного.

Важной, хотя и небольшой по объему, работой по данной проблематике стала книга, изданная в разгар Великой Отечественной войны⁶. В. И. Попов указал массу статистических данных по заготовкам мясных продуктов в годы войны, разбил эти сведения не только в хронологии, но и в географии – по отдельным фронтам и крупным войсковым единицам в определенные временные периоды. Работа Попова затрагивает прежде всего проблему мясного снабжения армии. Однако большую часть мясного пайка войска получали в живом виде – скотом, почему Попов непременно затрагивает этот вопрос. Хотя в его исследовании не так много места отводится собственно заготовкам скота, но статистические сведения представляют важное значение. Невзирая на прикладной характер – использование опыта империалистической войны, – она стала фактически первой обобщающей работой в данном отношении.

Задачи исследования возможностей российского животноводства в 1914–1917 гг. четко поставлены в фундаментальном труде одного из ведущих аграрников советской историографии⁷. А. М. Анфимов показывает, что отчетливо проявившийся перед войной регресс животноводства «явился выражением хронического кризиса русского скотоводства», который «не бросался в глаза отчасти потому, что по статистическому учету скота числилось еще много»⁸. Анфимовым были сделаны выводы о необходимости изучения всего продовольственного ресурса России, во всем его номенклатурном многообразии. Тем не менее особенного внимания на проблему достаточности всех продовольственных ресурсов (а не только хлеба) для ведения войны не обращалось. Однако совсем недавно А. В. Островский, в подробностях изучавший сельское хозяйство России периода поздней империи, в том числе продовольственную проблематику, посвятил отечественному животноводству отдельный труд⁹.

Россия являлась сельскохозяйственной страной, опиравшейся на громадный хлебный экспорт, потому считалось, что в случае войны затруднений с питанием армии не возникнет. Однако в отношении продукции животноводства ситуация была не только не столь радужной, но и вообще пессимистичной. В сравнении с Россией, положение врага являлось даже лучшим, так как вес животных в Германии и Австро-Венгрии в среднем был больше, чем в России. К тому же неприятель имел более благоприятное соотношение в численности скота и населения¹⁰.

Русское скотоводство немного уступало по крупному рогатому скоту (если учитывать вес животных, то неравенство переходит на сторону неприятеля), в несколько раз – по свиньям и сильно превосходило Австрию и Германию в овцах. Но последняя отрасль имела существенные цифры за счет поголовья у кочевых народов азиатской части страны, а в крестьянских хозяйствах овцеводство «носило почти исключительно потребительский характер, играя крайне незначительную роль в торговом мясном балансе»¹¹. То есть подвозить баранину пришлось бы из Азии, чему в годы войны препятствовало отсутствие необходимой сети железных дорог.

В первый год войны удовлетворение потребностей действующей армии в мясных продуктах не представило особенных затруднений. В кампании 1914 г. русские войска опирались на местные средства (ресурсы прифронтового района), пока еще затронутые войной, а в кампании 1915 г. использовали для своих нужд эвакуируемый из оставляемых западных регионов скот. До весны 1915 г. уполномоченные Министерства земледелия, отвечавшего за продовольственное дело в империи, покупали почти исключительно само мясо, сдавая отходы местному населению по низким ценам. Затем с расширением военных действий, увеличением действующей армии и на-

чавшимся в апреле отступлением русских армий Восточного фронта, стала превалировать закупка живого скота.

Боевые действия первого года войны на приграничной территории истощали ресурсы прифронтовых местностей, не затрагивая основной части страны. К сентябрю 1915 г. в армию было отправлено всего 189 574 головы скота, так как на фронте был избыток скота в связи с эвакуацией, и отправка летом 1915 г. шла по минимуму, разве только для Кавказской армии, но для нее скот закупался исключительно в Закавказье¹².

В кампании 1915 г. русская армия фактически прокормилась скотом лишь западных губерний, хотя израсходовала этот ресурс почти полностью. Эвакуированный скот поступал в войска в основном с помощью реквизиции, проводившейся «еще более безобразным порядком, чем реквизиции лошадей»¹³, либо покупкой по минимальным ценам, так как многие беженцы спешили избавиться от животных. Уже в послевоенных мемуарах главный интендант Н. И. Богатко, регулировавший процесс продовольственного снабжения армии, считал, что «для спасения эвакуированного скота необходимо было собрать его в гурты – меньшую часть оставить на месте для довольствия армии, а большую часть угнать в глубокий тыл, раздать его населению, а частью держать в готовности для подачи армии»¹⁴.

К сентябрю 1915 г. в армейских тылах скопилось около 800 тыс. голов крупного рогатого скота и столько же овец и свиней, передаваемых регионам ближайшего тыла для откорма и поправки животных во внутренних районах империи¹⁵. Скопление большого и истощенного эвакуированного скота привело к развитию эпидемий, что имело под собой объективное основание – обеспечить такую массу животных ветеринарным уходом в ситуации продолжающихся ожесточенных боев было невозможно¹⁶.

Таким образом, с начала войны до осени 1915 г., то есть в течение 1-го операционного года, войска получали мясо в основном из местных средств. Далее подвоз упал, и на фронте пришлось даже вводить рыбные и яичные дни¹⁷. С апреля 1916 г. мясной паек в армии сократился с фунта (410 граммов) вдвое. Соответственно, теперь армия могла питаться в основном посредством подвоза мясных продуктов с тыла, что потребовало проведения мероприятий по заготовке скота для фронта внутри империи. Исходя из того факта, что ситуация с мясозаготовками осложнялась нарушением хозяйственного уклада крестьянства, Министерство земледелия рекомендовало более широко использовать овец и свиней для снабжения армии¹⁸.

Проект мясных закупок в феврале 1916 г. был представлен министром земледелия А. Н. Наумовым и главноуполномоченным по заготовке скота для армии С. Н. Лениным. Они указали, что

до 1 января 1917 г. армии потребуется минимум 3,5 млн голов скота. Постановление резюмировало, что заготовки скота во всей стране станут обязательными, проводиться при посредничестве земств по твердым ценам, выработанным Особым Совещанием по продовольственному делу. Наряды распределялись по регионам в зависимости от степени обеспеченности населения скотом (на 100 душ и на 1000 десятин земли) и характеру скотоводства¹⁹.

В Министерстве земледелия было решено, что твердые цены на скот и мясо вырабатываются губернскими земствами и затем утверждаются Особым Совещанием по продовольственному делу. Министерство земледелия определяет количество скота для армии в разверстании на каждую губернию, затем губернские органы разверстывают по уездам, а те – по волостям. Отчуждение скота должно происходить по твердым ценам, которые устанавливались как на пуд живого веса, так и на пуд битого мяса. Разверстка должна производиться по параметрам крупного рогатого скота, но приветствуется его замена овцами и свиньями, примерно пуд за пуд убойного веса. Прежде всего, принимаются волы и коровы, а не быки. Требование для поставляемых на убой животных – не менее 15 пудов веса, не моложе 1,5 лет (в крайнем случае, при большой упитанности – от 10 до 12 пудов веса для маленьких пород)²⁰.

Помимо поставок скота по нарядам, военные власти продолжали политику реквизиций в районах, подчинявшихся фронтовому руководству, а на просьбы губернаторов отменить реквизиционные мероприятия «во избежание обездоления населения» военное ведомство реагировало ответными ссылками на состояние транспорта. По мнению военного министра, вопрос реквизиций напрямую зависел от подачи мяса на фронт, то есть от возможностей железных дорог: недостаточное поступление мяса на фронт из глубины империи автоматически приводило к реквизициям в прифронтовых губерниях. В то же время можно было понять и губернаторов, заботящихся о сохранении стельного скота, убой которого уничтожал будущий приплод, необходимый для восстановления сельского хозяйства, что губительно отражалось на плодородии почв и продуктивности хозяйств. Поэтому цифра поставки оказалась на треть меньшей, нежели требовала Ставка: в 1916 г. подвезенный на фронт крупный рогатый скот – 2 077 270 голов (средний вес – 10 пудов), овцы – 1 105 250 голов (1 пуд), свиньи – 2 431 голова (5,5 пудов)²¹.

Дабы увеличить подвоз мяса на фронт, было решено постепенно приступить к сокращению потребления тыла при помощи введения дней запрета убоя скота. Принятые меры в конечном счете вылились в закон, принятый 30 июня 1916 г. Согласно расчетам предполагалось, что запрещение убоя скота в течение 2 дней в неделю сохранит в

год около 2 148 тыс. голов крупного рогатого скота, 300 тыс. телят и 774 тыс. свиней²². Эти цифры были выведены чисто арифметически из уровня убоя 1914 г. – 7 516 тыс. голов крупного рогатого скота, 1 053 тыс. телят и 2 710 тыс. свиней²³. В свою очередь, в прифронтовых губерниях запретили вывоз и убой телят и нетелей до возраста 1,5 лет и барашков, и ярок до 1 года, и поросят до 8 месяцев – «в целях обеспечения в будущем армией фронта мясом»²⁴.

Твердые цены на скот и мясо были введены 19 мая 1916 г. Расценки на скот варьировались по районам от 6.00 до 7.80 руб. за пуд в зависимости от веса животного. Министр земледелия указал, что «мясо животных предполагается расценивать по нижеприведенным ценам живого веса, исходя при этом из следующей формулы:

$$X = (a - k) / Ж \times 100 / 45,$$

где X – цена пуда мяса, a – стоимость головы живого скота, k – стоимость кожи по таксам Министерства торговли, $Ж$ – живой вес. $100/45$ – это коэффициент для определения процента выхода мяса животных средней упитанности²⁵. Данные условия были приняты на проведенном 4–5 мая 1916 г. Съезде представителей земских и общественных организаций по закупке скота для армии, утвердившем твердые цены на крупный рогатый скот до 1 января 1917 г. и на свиней – по 1 мая 1917 г.

Одновременно съезд принял во внимание угрозу истощения скотоводческих ресурсов в губерниях Центральной России и предложил меры по поощрению разведения свиней (юго-западные районы страны (Малороссия)) и овец (юго-восточные районы (степи Поволжья, Калмыкия, Башкирия)) с установлением цен, закрепляемых на год. Помимо того, съезд признал статистические сведения 1914 г., которые были положены в основу плана разверстки министра земледелия на 1916 г. и определявшиеся как «несоответствующие общему состоянию скотоводства в империи в данное время», и постановил провести новую разверстку по выяснению результатов предстоящей сельскохозяйственной переписи²⁶.

«Общие положения организации поставок скота при посредстве земств или органов их заменяющих», еще 27 февраля предписываемые С. Н. Лениным, были утверждены главноуполномоченным Г. В. Глинкой 14 июня 1916 г. В то же время данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. показали готовность государства к продолжению борьбы. В основу разверстки скота на 1917 г. лег принцип А. Н. Челинцева – «размер свободного «мясного запаса», имеющегося в каждой губернии и фактически определяющегося числом молодого скота в возрасте от одного года». Размер этого запаса был исчислен в 86,9%²⁷. Способы поставок: добровольная, реквизиционная, смешанная, смешанная с преобладанием добровольной, смешанная с преобладанием реквизиции²⁸. Как

видим, достаточно своевременно принятые меры принесли свои плоды. Даже при существенном увеличении мясного потребления наличного запаса крупного рогатого скота все еще хватало для обеспечения войск, а молодежь предполагал перспективу развития.

В целом начиная с весны 1916 г., когда была введена централизованная, по предварительному разверстыванию практика поставок скота для нужд армии, в Европейской России поступило более 2,5 млн голов скота в пересчете на крупный рогатый: принималось за одну голову рогатого скота 8 овец или 3 свиньи. Из этого числа было сдано для фронта 1 608 584 головы, передано тыловым частям и военным заводам 354 390, Петрограду и Москве – 154 735. Запас скота к началу 1917 г. составил 493 214 голов. С 1 ноября до конца года следовало докупить еще 677 077 голов. К осени цифра поставок увеличилась вдвое. С 1 апреля по 1 ноября (введение новой разверстки скота) 1916 г. земствами и областными организациями было закуплено скота в 37 губерниях: 2 424 284 головы крупного рогатого скота, 2 161 456 овец, 33 657 свиней; итого при пересчете на крупный рогатый скот – 2 610 923 головы²⁹.

Свой план расчета мясного снабжения страны на 1917 г. представил и известный ученый А. В. Чайнов, показавший, что по материалам сельскохозяйственной переписи убыли скота нет, но и предложение мяса на рынок осталось невысоким. Между тем в военное время потребление значительно увеличилось, особенно фронтом, когда крестьяне, до войны потреблявшие менее пуда мяса в год, в армии стали потреблять до 6 пудов. По сведениям Министерства земледелия, годовая потребность армии, гарнизонов и флота – 53,4 млн пудов мяса в год. Вместе с организациями и пленными – 59 875 тыс. пудов, что оставляют для городов всего 31% их довоенного потребления. С учетом гужевого подвоза общее рыночное потребление страны составляло 98 802 тыс. пудов в год. За вычетом занятых неприятелем 14 губерний (16 808 тыс. пудов) – 82 млн пудов. Поэтому норма потребления мяса для горожан должна быть 1 фунт в неделю, или 1,3 пуда мяса в год, что сравняется с потреблением сельского населения (1,27 пуда). Во имя контроля над потреблением и «для возможно правильного и справедливого распределения продукта между населением» Чайнов настойчиво рекомендовал ввести карточную систему на мясопродукты «в качестве общегосударственной меры»³⁰.

На 1917 г. снабжение армии и населения мясом предполагало введение такой меры, как разверстка поставки скота по регионам империи. Ее проведение предполагалось в соответствии с данными переписи 1916 г. и характером скотоводства отдельных районов³¹. Сообразуясь с расчетами, новый министр земледелия А. А. Риттих 18 января 1917 г. назначил соответствующие заготовки мяса и сала на январь – февраль. Сорок пять губерний

и областей Центральной России должны были поставить 9 530 284 пуда мяса и 780 610 пудов свиного сала³².

Понятно, что сдача скота по твердым ценам была невыгодной для хозяев, и потому исполнение разверстки должно было производиться путем реквизиции, но с посредничеством земств, имея целью добиться большей справедливости при разверстывании наряда между отдельными хозяйствами. Специалисты же оценивали разверстку как таковую, скорее, негативно. Например, известный русский зоотехник профессор П. Н. Кулешов в мае 1916 г. предупреждал, что «реквизиция тощего скота есть уничтожение нашего скотоводства и преступление перед армией». А в письме от 10 января 1917 г. Кулешов писал, что «Ленин ввел в заблуждение бывшего министра Наумова, а через него и законодательные палаты ложным заявлением о значительном сокращении количества скота в России». Закон о реквизиции «уничтожил всякое стремление к откорму скота и вырвал из русского хозяйства крупный племенной скот и самых лучших рабочих волов. Более вредного закона не мог придумать для России и сам Вильгельм»³³.

18 января 1917 г. на срок до 1 сентября 1918 г. вновь были повышены твердые цены на скот (по различным районам от 25 до 60% в сравнении с майским уровнем³⁴), чтобы побудить владельцев скота к поставкам. Другое дело, что повышение стало вынужденным и объяснялось в первую очередь недостатком добровольного предложения скота на рынке по установленной цене. Мясная Комиссия Министерства земледелия считала, что новые цены «являются очень высокими, так как уже цены, утвержденные 12 мая 1916 г., значительно превышали по большинству губерний уровень существовавших тогда рыночных цен»³⁵, однако инфляция в стране уже приобрела опережающий характер.

Февральская революция 1917 г. не повлияла на увеличение подачи скота на фронт. Телеграмма нового министра земледелия А. И. Шингарева на места от 4 марта констатировала, что некоторые земства просят об отсрочке поставок скота до весны и даже лета, когда пойдет нагул. Однако об отсрочке не могло быть и речи, так как армия испытывала кризис снабжения, почему Шингарев требовал от земств установленных нарядов³⁶. Следовательно, продолжение войны Временным правительством не могло дать передышки тылу.

Летом 1917 г. Мясная Комиссия Общegosударственного Продовольственного комитета вновь подняла проблему об общей нехватке мяса в стране. Бюджетные данные по крестьянскому потреблению мяса существовали только по 18 губерниям³⁷. Поставка требующихся на 1917-й год 82 млн пудов мяса была возможна лишь при покушении государства на основное стадо, что автоматически увеличивало количество бескоровных и однокоровных крестьянских хозяйств.

В 1917 г. 28,6% крестьянских хозяйств не имели лошади, а 18% – коровы; почти ½ всех дворов имела лишь по одной лошади и одной корове³⁸. Таким образом, в 1917 г. количество скота, которое могло быть поставлено для фронта, объективно сократилось до уровня, при котором начинается ущерб скотоводству страны.

Оценку ситуации в отношении заготовок скота в годы Первой мировой войны дает справка Отдела животноводства Народного комиссариата земледелия 12 июля 1918 г.: «волне беженского движения во время отступления в 1915 г. нашей армии, сопутствовала гибель 2-миллионного количества крупного рогатого скота и других видов животноводства, в большинстве высоко ценного в племенном и пользовательном отношении. Аграрные волнения повлекли за собою также массовую гибель и распыление высококачественного племенного материала. Наконец, тяжелый удар в количественном отношении нанесен нашему животноводству заготовками мяса для нужд армии. Построение тех расчетов, на основании которых Министерство продовольствия производило заготовочные операции, носило такой характер, в результате коего в корне было нарушено соотношение между выращиваемыми возрастными группами, благодаря чему утеряна возможность поддерживать на прежней высоте количественный уровень стад»³⁹.

Таким образом, в целом животноводческий сектор российского народного хозяйства справлялся с тяжестью военного времени, но чем дальше, тем больше, трещал под давлением войны. За годы войны количество скота в России почти не сократилось, но это означало поддержание скотоводства на невысоком довоенном уровне с небольшим мясным потреблением населения. Вдобавок, после войны потребовалось бы восстановление поголовья западных районов империи, полностью погибшего в первый год конфликта. Резкий рост потребления мяса Вооруженными силами подрывал основное стадо в Европейской России, а вывоз скота из Сибири был затруднен из-за транспортного кризиса, что в перспективе вело к истощению основного стада страны. Революционный процесс и аграрное движение 1917 г. давали дальнейшую концентрацию крестьянского хозяйства на собственных проблемах, что предполагало введение мясных карточек и конфликт государства с деревней.

Примечания

- 1 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 8. Д. 76. Л. 17об.
- 2 См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- 3 Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М., 2016. С. 34.
- 4 См.: Лискун Е. Ф. Мясной вопрос в современной хозяйственной обстановке. Пг., 1917; Организация про-

довольственного дела за время революции 1917 года. М., 1917.

- 5 См.: Бреславец В. Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914–1918 год. М., 1918.
- 6 См.: Попов В. И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. (по архивным материалам). М., 1942.
- 7 См.: Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962.
- 8 Анфимов А. М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 67.
- 9 См.: Островский А. В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2014.
- 10 См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 369. Оп. 12. Д. 2. Л. 289об.
- 11 Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. С. 241.
- 12 См.: РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 2. Л. 17об.
- 13 Данилов Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг., 1922. С. 34.
- 14 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 81.
- 15 См.: РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1457. Л. 35.
- 16 Там же. Ф. 2072. Оп. 1. Д. 346. Л. 37–37об.
- 17 См.: Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956. С. 219.
- 18 См.: РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 2. Л. 290.
- 19 См.: ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 618. Л. 1.
- 20 См.: Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1757. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- 21 См.: РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 28об.
- 22 См.: Известия Министерства земледелия. 1916. № 11. С. 237.
- 23 См.: РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 3. Л. 56.
- 24 Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 14819. Л. 282.
- 25 См.: ГАТО. Ф. 1757. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- 26 Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 7об.
- 27 См.: ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 470. Л. 7, 125.
- 28 См.: Материалы по вопросам организации продовольственного дела. Вып. VII. Земские поставки скота на нужды армии. М., 1917. С. 30.
- 29 См.: ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 370. Л. 4–6.
- 30 Там же. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 40. Л. 29–31, 46–57.
- 31 Там же. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–13.
- 32 Там же. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 68. Л. 65–67.
- 33 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 56. ; Д. 1068. Л. 80об.
- 34 Например, в Казанском военном округе цена за пуд мяса крупного рогатого скота составила 11.82 руб., мелкого – 10.52, свиньи – 19.88. (См.: ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 252. Л. 3.)
- 35 ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 23а. Л. 62–64.
- 36 Там же. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 418. Л. 48.
- 37 Основой для расчетов послужили исследования А. В. Чайнова. См.: Чайнов А. В. Нормы потребления

сельского населения России // Статистический вестник. 1915. Кн. 2 ; Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып. 1. Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований / под ред. А. В. Чайнова. М., 1916. (Автором ис-

пользовался экземпляр работы, хранящийся в архиве. См.: ГА РФ. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 40. Л. 29–31, 46–57.)

³⁸ См.: *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 106–107.

³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 8. Д. 76. Л. 17.

Образец для цитирования:

Оськин М. В. Снабжение фронта мясными продуктами в годы Первой мировой войны: заготовки скота для армии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 14–19. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-14-19>

Cite this article as:

Os'kin M. V. Supply of Meat Products to the Front during the First World War: Harvesting Cattle for the Army. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 14–19 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-14-19>

УДК 93/94

Тенденции развития и география промышленности Дагестана в 1990–2010-е годы

М. Я. Мирзабеков

Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр РАН, Махачкала, yash831@mail.ru

С привлечением большого фактического материала показаны общее и особенное в экономическом кризисе в отраслях индустрии региона, изменения в территориальном размещении и отраслевой структуре промышленности Дагестана в 1990-е гг. – 2010 г. Как подчеркнуто в статье, несмотря на серьезные нерешенные проблемы, в анализируемый период властными структурами республики при активной материальной и иной поддержке федерального центра проводилась целенаправленная работа по преодолению трудностей и нерешенных проблем в отраслях индустрии, обеспечению их поступательного развития.

Ключевые слова: республика, промышленность, индустрия, промышленное строительство, техническое перевооружение, эффективность производства, капитальные вложения.

Development Trends and Geography of Industry of Dagestan in the 1990s–2010s

M. Ya. Mirzabekov

Mirzabek Ya. Mirzabekov, <https://orcid.org/0000-0002-8006-2177>, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 75 M. Yaragsky Str., Makhachkala, 367030 Dagestan, Russia, yash831@mail.ru

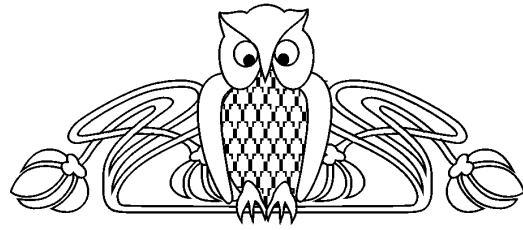
Common features and peculiarities in different industries in the region during the crisis, changes in the territorial allocation and sectoral industries in Dagestan from the 1990s to 2010 are shown. As it is stressed in the article, despite serious unresolved problems the authorities of the republic (during the analyzed period) with active material and other support from the federal center, carried out purposeful work to overcome difficulties and unresolved problems in industries and ensure their sustainable development.

Keywords: republic, industry, industrial construction, technical re-equipment, production efficiency, capital investments.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-20-26>

Изменение общественно-политического строя в стране в начале 1990-х гг. сопровождалось развертыванием либеральных рыночных преобразований и изменений, суть которых заключалась в приватизации (разгосударствлении) собственности, превращении частного сектора в преобладающий сектор экономики.

Радикальная экономическая реформа в промышленности Дагестана, как и в других регионах страны, стала осуществляться с начала 1992 г.

По указанию директивных органов была начата приватизация государственной собственности в отраслях экономики, в том числе промышленности. Силами специалистов Госимущества Республики Дагестан были разработаны и утверждены две программы приватизации, в соответствии с которыми осуществлялось преобразование собственности.

Важным условием развертывания либеральных рыночных реформ и перевода экономики на новые принципы хозяйствования являлось создание рыночных структур управления. В начале 90-х гг. в республике были созданы Государственные комитеты по управлению имуществом, земельной реформе и земельным ресурсам, внешнеэкономической деятельности, занятости, муниципальные комитеты, управление по анти-монопольной политике, центр малого предпринимательства и др., повышен статус налоговых служб¹.

Руководствуясь директивными установками, властные структуры Дагестана развернули работу по приватизации производственных объектов в промышленности, созданию и развертыванию деятельности акционерных обществ и предприятий негосударственной формы собственности.

Первые акционерные предприятия в отраслях индустрии Дагестана начали возникать в конце 1992 – начале 1993 г. Махачкалинский булочно-кондитерский комбинат был преобразован в акционерное общество в конце 1992 г., завод им. М. Гаджиева и Махачкалинский домостроительный комбинат стали акционерными предприятиями в начале 1993 г. и т. д. Однако реализация этого процесса была сопряжена со значительными трудностями. Основная часть промышленных предприятий республики не была приспособлена для функционирования в условиях рынка. Это касалось в первую очередь машиностроения, в котором доля предприятий военно-промышленного комплекса в выпуске продукции в 1990 г. составила 77%, в них было занято около 80% промышленно-производственного персонала отрасли. В 1996 г. было приватизировано 23,8% промышленных предприятий Дагестана².

В последующие годы процесс создания и усиления роли частных предприятий в отраслях индустрии получил дальнейшее развитие, охватил практически всю промышленность республики. Этому способствовала разработанная и активно реализуемая правительством Республики Даге-

стан долговременная программа создания благоприятных условий для развития предпринимательства в народном хозяйстве региона.

По состоянию на 1 января 2002 г. в Дагестане было зарегистрировано 9 тыс. малых предприятий, из них фактически действовали и работали (с учетом данных налоговой службы) лишь 30%. Из общего количества 92% являлись частными предприятиями. По сравнению с 2000 г. число субъектов предпринимательства в республике увеличилось на 20%, в строительстве – на 15%. Продолжилась тенденция изменения организационно-правовых форм субъектов малого предпринимательства, по-прежнему шел переток предпринимателей из числа предприятий – юридических лиц в физические лица.

За 2001 г. среднесписочная численность работающих в малых предприятиях Дагестана (с внешними совместителями и работниками, выполняющими работы по договорам гражданско-правового характера) увеличилась на 22%. За год малыми предприятиями в регионе было произведено продукции (работ, услуг) в действующих ценах по всем видам деятельности на сумму 4,67 млрд рублей (98,3% от общего объема производства). Продукция, произведенная малыми предприятиями, составила около 7% от выпуска продукции работ и услуг всех отраслей экономики Дагестана, занимающихся производством товаров и оказывающих рыночные услуги организациям и населению³.

Изменение форм собственности, нарушение межрегиональных производственных кооперационных связей сказалось на эффективности промышленного производства, она начала падать. Сказалась и либерализация цен, осуществленная в 1992 г., которая вызвала резкий скачок инфляции. За год потребительские цены в стране выросли почти в 26 раз. Снизился уровень жизни населения: в 1994 г. он составил 50% от уровня начала 1990-х гг. Прекратились выплаты гражданам их денежных сбережений, хранившихся в Госбанке⁴. Это привело к резкому снижению покупательной способности основной массы населения страны – одного из важнейших стимуляторов производственной активности предприятий отраслей материального производства.

Отказ от централизованного планирования и переход к рыночным механизмам регулирования сопровождались существенным сокращением объемов финансирования отраслей экономики, в том числе и промышленности республики. В 1992 г. объем капитальных вложений за счет всех источников финансирования, по данным Госкомстата России, в республике сократился на 40%, в 1993 г. – на 12%, в 1994 г. – на 26%⁵. Удельный вес федеральных источников в общем объеме инвестиций в основной капитал республики снизился с 63–71% в 1993–1994 гг. до 14,7% в 1996 г.⁶

Следствием этого являлось ухудшение состояния основных фондов производственного

назначения в отраслях индустрии. Сказанное, в первую очередь, относилось к предприятиям машиностроения, особенно оборонных отраслей. Из-за этого многие предприятия отраслей индустрии вынуждены были приостанавливать производство или работали не на полную мощность. Так, по материалам экспресс-обследований в отдельные месяцы 1992 г. приостанавливали работу или работали с перебоями 3–7% промышленных предприятий республики. В их числе такие крупные заводы, как завод фосфорных солей, «Дагэлектроавтомат», Буйнакский агрегатный, лакокрасочных изделий, шиноремонтный и др.⁷ Производственные мощности на этих и других предприятиях региона использовались лишь на 60–70%. В машиностроении республики в 1992 г. объем промышленного производства снизился на 31%, производительность труда – на 21%⁸.

В последующие годы спад производства в отраслях индустрии региона получил дальнейшее продолжение. Так, в 1994 г. по сравнению с 1990 г. объем производства в машиностроительном комплексе республики уменьшился в 4,7 раза, в пищевой промышленности – в 10,9 раза. Численность занятого населения в промышленности региона сократилась в 1991–1994 гг. на 42,1%, в оборонном комплексе – на 33,4%⁹.

В 1996 г. объем производства промышленной продукции в регионе по сравнению с 1995 г. уменьшился на 14% (по России – на 6%), в том числе потребительских товаров – на 16%, в машиностроении – 21%, в легкой промышленности – 37%. Объем промышленной продукции в 1996 г. составил 23% к уровню 1990 г., в том числе продукция машиностроения – 11,7%, в легкой промышленности – на 3,3%, а в энергетическом комплексе эти показатели выше: электроэнергетике – 79,9%, нефтедобывающей – 60,4%. В 1996 г. сохранилась положительная динамика в топливно-энергетическом комплексе, где возросли объемы производства в электроэнергетике – 102% и нефтедобывающей промышленности – 113. Был отмечен рост объемов производства в пищевой – 102,5% и стекольной промышленности – 466%¹⁰.

Трудности в развитии индустрии, как и в других отраслях народного хозяйства республики, были усугублены межнациональными конфликтами и войнами на Кавказе, особенно событиями в соседней Чечне. Из-за войны в Чеченской Республике Дагестан оказался в фактической экономической блокаде. Железнодорожное сообщение с другими регионами практически прекратилось, автомобильное было значительно затруднено¹¹.

Властные структуры многонационального региона при активной поддержке федерального центра развернули целенаправленную работу по прекращению спада производства в отраслях экономики, структурной перестройке промышленности в направлении переориентации ее на выпуск конечной продукции, особенно на маши-

ностроительных предприятиях. В 1992–1997 гг. Правительством Российской Федерации в целях стабилизации социально-экономической ситуации в республике было принято 16 нормативно-правовых актов (указы и постановления)¹².

В 1997 г. впервые с начала радикальной экономической реформы в Дагестане была преодолена негативная тенденция к спаду и обеспечено увеличение общего объема производства промышленной продукции. За год объем промышленного производства в республике по сравнению с 1996 г. увеличился на 2,5%¹³. Было освоено более 140 новых видов изделий, снято с производства 70 изделий и товаров, не пользующихся спросом потребителей. Среди вновь освоенных изделий были: обувь, производимая совместным предприятием «Макси»; стеклотара с крышкой «евростандарта», выпускаемая на стекольном заводе «Дагестанские Огни» и АО «Стекловолокно»; телевизоры пятого поколения, производимые на заводе «Электросигнал»¹⁴.

Рост объемов производства продукции в промышленности региона был обеспечен за счет улучшения показателей: в электроэнергетике – на 29,5%, пищевой и легкой промышленности на 10,2 и 3,2% соответственно, в промышленности строительных материалах – на 11,6%. Наблюдалось увеличение выпуска промышленной продукции в ряде городов: Дербенте – на 37,2%, в Каспийске – на 28,9%, в Избербаше – на 4,3%, в Южносухокумске – на 1,3%¹⁵.

На темпы прироста промышленной продукции в регионе оказали влияние ввод в действие новых мощностей на АО «Дагтекстиль», «Адам-Интернешил», а также перепрофилирование АО «Каспийская мануфактура». Помимо них были запущены в действие новые мощности на СП «Вак-Вен-Глобал» по производству ручных закаточных машин, стеклопластиковых труб для нефтяной промышленности и коммунального хозяйства на СП «Дагнефтьиндустрия». Только на отмеченных предприятиях республики за 1997 г. было создано 524 новых рабочих места¹⁶.

Однако в ряде других отраслей и предприятий властным структурам и хозяйственным руководителям республики не удалось стабилизировать ситуацию, спад производства в них продолжался. Не возросли, а снизились на 2,7% показатели в такой весьма значимой для республики отрасли, как нефтедобывающая. Хотя такие предприятия, как ОАО «Завод Дагдизель», АО «Завод точной механики», АО «Авиагрегат» и др., обеспечили рост производства. Тяжелый кризис в целом продолжался в машиностроении и металлообработке. Здесь объемы производства сократились на 18,7%. Еще выше было падение объемов производства в химической, стекольной, лесной, деревообрабатывающей и мукомольно-крупяной отраслях промышленности региона¹⁷.

Общая численность незанятого экономически активного населения в регионе в 1997 г. составила

180 тыс. человек (20,5%), что на 16,8 тыс. человек меньше по сравнению с 1996 г.¹⁸

Большую роль в наметившемся росте промышленного производства, прорыве экономической блокады, в которой оказалась республика, играло строительство в обход Чечни новой железнодорожной ветки Карланюрт – Кизляр протяженностью 78 км. Начатая в конце 1996 г. дорога была построена за год. Большую помощь Дагестану в прокладке дороги оказал федеральный центр, который его профинансировал и обеспечил квалифицированными строителями. Хотя по новой дороге поезда и шли в центр по более дальнему пути, затрачивая значительно больше времени, однако это позволило улучшить снабжение промышленности, других отраслей народного хозяйства необходимыми грузами без срывов и поставками потребительских товаров населению республики. Так, в 1998 г. железнодорожным транспортом Дагестана было перевезено 1342,7 тыс. т грузов, или на 72% больше, чем в 1997 г. Тем не менее этот впечатляющий показатель в 13,9 раза был ниже, чем перевозилось грузов этим видом транспорта не в самом лучшем 1990 г.¹⁹

Позитивные изменения и результаты 1997 г. в следующем году не получили продолжения и развития. В августе 1998 г. произошло обвальное падение курса рубля (дефолт), который крайне негативно сказался на жизненном уровне основной массы населения и состоянии отраслей народного хозяйства.

Спад промышленного производства в республике, начавшийся в 1990 г. и приостановленный в середине 1997 г., со второго квартала 1998 г. возобновился и к концу года составил 7%. Промышленное производство в 1998 г. было ниже уровня 1990 г. в 6 раз, в том числе по крупной и средней промышленности в 4,8 раза²⁰. Это сопровождалось снижением инвестиционной активности. За год объем инвестиций в основной капитал по стране сократился на 6,8%. В Дагестане же снижение ее объема составило 36%²¹.

Индекс физического объема производства продукции по промышленности региона в 1998 г. составил 93,0% (по России 94,8%), в том числе в добывающих отраслях 99,1%, обрабатывающих – 85,8%. С 1990 г. структура промышленного производства в отраслевом разрезе заметно изменилась. Доля топливно-энергетических отраслей в общем объеме промышленного производства в регионе выросла более чем на треть (39,6%), промышленности стройматериалов на 2,3%, полиграфической – на 0,4%. Уменьшился удельный вес машиностроения и металлообработки на 26,4%, легкой – на 8,1%, химической (включая медицинскую) – на 4,1%, лесной и деревообрабатывающей – на 2,1%, стекольной – на 0,3%, пищевой (включая мукомольно-крупяную и комбикормовую) – на 0,2%²².

По итогам работы за 1998 г. убытки предприятий ВПК республики составили 4,4 млн рублей. Убыточными оказались «БАЗ», АО

«Завод им. М. Гаджиева», Избербашский и Махачкалинский заводы радиотоваров. Прибыль получили 4 предприятия из 13 действующих (АО «Авиагрегат», АО «Завод точной механики», АО «Электросигнал» и АО «Стекловолокно»²³.

В августе 1999 г. в Дагестан вторглись бандформирования с территории Чеченской Республики, вдохновляемые реакционными силами из-за рубежа. В приграничных с Чечней районах республики было разрушено значительное количество жилья, учреждений социально-культурной инфраструктуры, производственных и иных объектов. Экономический ущерб от агрессии, нанесенный Дагестану, составил более 1,5 млрд рублей, в том числе 0,4 млрд рублей – убытки в сфере производственной инфраструктуры²⁴.

Основные усилия властных структур республики были направлены на разгром бандформирований и восстановление разрушенных в результате агрессии населенных пунктов, жизнеобеспечение пострадавшего населения. Несмотря на эти и другие трудности, переживаемые Дагестаном, благодаря усилению помощи и внимания федерального центра к нуждам и запросам многонационального региона, активной целенаправленной работе органов власти, руководителей министерств, ведомств и многих предприятий ситуация в отраслях индустрии республики начала меняться в лучшую сторону. В немалой степени этому способствовало и то, что начиная с 1999 г. федеральный центр увеличил финансирование отраслей экономики Дагестана. Так, в 2000 г. инвестиции в основной капитал республики составили 3344,0 млн рублей, что на 1504,8 млн рублей превысил показатель 1995 г.

Позитивное влияние на оживление промышленного производства в Дагестане оказали определенное увеличение государственного заказа, финансовая подпитка ВПК, содействие реализации Федеральной целевой программы по социально-экономическому развитию Республики Дагестан на период до 2001 г. и др.²⁵

Эти факторы и благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура позитивно отразились на работе отраслей индустрии. К концу 1999 г. был обеспечен рост промышленного производства в республике. Объем производства по отношению к 1998 г. в регионе вырос в целом по промышленности на 10,5% (по России – на 8,7%). Причем основные подвижки в промышленности республики произошли в конце III и в IV квартале года. К концу 1999 г. активно стали функционировать и дали значительные объемы производства большинство предприятий ВПК (что способствовало резкому увеличению объемов производства в декабре по машиностроению). В 1999 г. образовалось новое предприятие «Стеклопласт», активно заработало ООО «Дагестанская табачная фабрика»²⁶.

В последующие годы позитивные изменения и результаты в промышленности региона получили продолжение и развитие. Так, в 2001 г. предприятиями промышленности республики

было произведено продукции по основному виду деятельности в действующих ценах на 6,6 млрд рублей, в том числе предприятиями крупной и средней промышленности – на 5,8 млрд рублей. По отношению к 2000 г. объем производства вырос в целом по промышленности республики на 23,3% (по России – на 4,9%). Причем рост наблюдался во всех крупных отраслях и предприятиях промышленности²⁷.

Увеличению промышленного производства в регионе способствовали адаптация значительной части промышленных предприятий к деятельности в условиях рыночной экономики, более гибкая политика хозяйствующих субъектов на рынке за счет улучшения менеджмента, усиления инвестиционной активности предприятий и повышения потребительского спроса населения в продовольственных и промышленных товарах, а также улучшения бюджетного финансирования государственных заказов. Положительную роль в обеспечении республики товарами и услугами сыграло малое предпринимательство. Заметное развитие оно получило в металлообработке, деревообрабатывающей промышленности, промышленности стройматериалов, легкой, пищевой промышленности, мукомольно-крупяной, полиграфии и ювелирной промышленности. Численность работников малых предприятий в республике в 2000 г. составила 204 тыс. человек и увеличилась по сравнению с 1999 г. на 2%²⁸.

Руководство Дагестана выдвинуло идею увеличить выпуск валового регионального продукта к концу 2010 г. в 2,8 раза, которая была поддержана Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. Была разработана и принята «Программа экономического и социального развития Республики Дагестан на период до 2010 г.»²⁹.

Властные структуры республики при целенаправленной помощи и поддержке федерального центра в 2000-е гг. активизировали внимание к развитию отраслей экономики, в том числе и промышленности. Объем промышленного производства в регионе в 2005 г. составил 13,9 млрд рублей, что было выше показателя предыдущего года на 35,5%. Весомый вклад в общий успех внесли предприятия машиностроения республики. Производство оборонной и гражданской продукции в них возросло в 3,2 раза, в химической промышленности – в 1,7 раза, в текстильной и швейной отраслях – в 1,3 раза. Наибольших успехов в увеличении объемов производства продукции добились ОАО «Дагдизель», «Авиагрегат», «Дагэлектростроитель», ДНИИ «Волна», «Ботлихский завод ТС ЭВМ». Также стабильно работали, наращивая объемы производства, ОАО «КЭМЗ», «Завод стекловолокна», ОАО «Завод им. М. Гаджиева», ЗАО «Мушарака», ОАО «Кизлярский электроаппаратный завод», «Дагнефтьиндустрия», «Избербашский радиозавод», «КЭТМ». Определенных успехов в работе достигли ОАО «Буйнакский агрегатный завод», «ДагЗЭТО»,

«Стеклопласт», «Радиоэлемент», ФГУП «Завод сепараторов». Все эти предприятия работали стабильно, имели резервы для дальнейшего наращивания объемов производства.

Рост объемов производства на машиностроительных предприятиях республики был обусловлен не только выпуском оборонной, но и гражданской продукции. Так, без учета работы «Дагдизеля» по машиностроению рост объемов гражданской продукции на предприятиях машиностроения составил 122,8%, что значительно превышало параметры, заданные отраслевой «Программой развития промышленности в Республике Дагестан на период до 2010 г.»³⁰.

Позитивные изменения и тенденции, наметившиеся в развитии отраслей индустрии страны и республики в конце 90-х – первой половине 2000-х гг. во многом были сведены на нет мировым экономическим кризисом, разразившимся в 2008 г. В Дагестане, как и в целом по стране, во многих отраслях народного хозяйства, в том числе в промышленности, возобновилось падение объемов производства. За 2008–2009 гг. спад промышленного производства в регионе в среднем составил 25–30%³¹.

Снижение производства наблюдалось прежде всего в обрабатывающих отраслях промышленности республики. В первой половине 2010 г. объем производства пищевых продуктов в регионе снизился на 20%, машин и оборудования – на 86%, транспортных средств и оборудования – на 22%. В целом в машиностроении и металлообработке спад составил около 40%. В ОАО «Завод Дагдизель» производство продукции снизилось на 75%. 500 работников предприятия были привлечены к общественным работам; на «Заводе им. М. Гаджиева» – на 41%, 180 работников были заняты общественными работами, 460 человек были переведены на сокращенный рабочий график; ОАО «Буйнакский агрегатный завод» – на 54%, 220 человек были привлечены к общественным работам; ОАО «Авиаагрегат» – на 40,5%, ОАО «Мушарак» – на 34%, ОАО «Дербентский коньячный комбинат» – на 20,7%. Ухудшилась ситуация в такой отрасли, как народные художественные промыслы, объемы производства которых снизились на 24%³².

Были и определенные позитивные результаты, в частности, в размещении оборонных заказов на предприятиях ВПК республики. Так, на 1 июля 2010 г. объемы заключенных предприятиями военно-промышленного комплекса региона контрактов на 2010 г. составили 107,4% к уровню 2009 г. Все оборонные предприятия республики имели заключенные контракты на поставку своей продукции. Наблюдалась и тенденция роста добычи нефти и газа. Так, за первое полугодие 2010 г. объем добычи нефти с газовым конденсатом в республике составил 93,6 тыс. т, или 102,4% к соответствующему периоду 2009 г., газа – 159,7 млн куб. м, или 112,3%³³.

Позитивные изменения и результаты в отраслях индустрии, как и в целом в экономике многонационального региона в 2000-е гг., в основном обеспечивались ростом дотаций из федерального центра. Если в 2000 г. федеральная помощь дагестанскому бюджету составляла 7,4 млрд рублей, то в 2009 г. она превысила 50 млрд рублей. Дотационность республиканского бюджета в 2009 г. составила 79%³⁴.

В регионе отсутствовали действенные инструменты, позволяющие эффективно реализовать инвестиционный потенциал Дагестана с использованием механизма государственно-частного партнерства. Как было указано в послании Президента Республики Дагестан Народному Собранию четвертого созыва от 29 июня 2010 г., «необходимы перемены, в том числе в сознании людей, структурная перестройка и модернизация экономики. Требуется реальные шаги по привлечению инвестиций, развитию, предпринимательства, стимулированию экономического роста, обеспечению занятости населения.

Правительству республики следует кардинально пересмотреть проект стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан. Необходима была такая стратегия, которую можно развернуть в реальный комплекс «дорожных карт», понятных для всех планов конкретных действий власти по решению острых проблем. Новый проект должен быть основан на идеологии коренной модернизации экономики и социальной сферы нашей республики, учитывать изменившиеся реалии Российской Федерации и образования Северо-Кавказского федерального округа»³⁵.

Благотворно на решение острых экономических и социально-культурных проблем Северо-Кавказского региона, в том числе и Дагестана, сказалось выделение из Южного федерального округа и образование 19 января 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа. Кроме Дагестана в него входят Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край, Чеченская Республика.

При поддержке окружных федеральных управленческих структур были разработаны приоритетные проекты развития республики: «Эффективное государственное управление», «Безопасный Дагестан», «Новая индустриализация», «Предприниматель – опора Дагестана», «Диаспора – сила Дагестана», «Привлечение федеральных инвестиций», «Антикоррупция», «Эффективное территориальное развитие», «Просвещенный Дагестан», «Бренд нового Дагестана».

В целях динамичного инновационного развития и привлечения инвестиций в экономику региона был образован Стратегический Совет при Главе Республики Дагестан. В рамках указа Главы Республики Дагестан «Об ускоренном социально-экономическом развитии Республики

Дагестан в 2013 и 2014 гг.» были заключены соглашения между Правительством республики и муниципальными районами и городскими округами о достижении показателей ускоренного социально-экономического развития на 2013, а также на 2014–2016 гг.

Несмотря на сохраняющиеся трудности и нерешенные проблемы, правительство республики активно содействовало притоку инвестиций в основные отрасли народного хозяйства и увеличению производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. Однако в этой работе не удалось достичь заметных позитивных результатов. Многие инвесторы остерегались вкладывать свои средства в экономику Дагестана из-за высоких рисков, связанных с сохранением коррупции в регионе и проявлением экстремизма и терроризма.

Промышленность региона продолжала испытывать серьезные трудности. Негативно на состояние дел в отраслях индустрии влияла из-

ношенность основных фондов и острая нехватка высокопроизводительных станков с числовым программным управлением, другого современного оборудования. Это было следствием отсутствия подлинной поддержки отечественного производителя со стороны федеральных структур и слабостью дотационного республиканского бюджета, которые не позволяли развернуть модернизацию промышленности. Тем не менее были предприняты определенные шаги по поддержке предприятий промышленности. Так, в 2013 г. завод «Дагдизель» получил государственный оборонный заказ в объеме 1,9 млрд рублей.

Основной объем роста промышленного производства обеспечивался предприятиями машиностроительного комплекса: «Дагдизель», «Авиаагрегат», «Концерн КЭМЗ» и др. В целом показатели работы отраслей индустрии республики в 2010–2015 гг. выглядели следующим образом (таблица).

Показатели работы промышленности Дагестана, млн руб.

Отрасли индустрии	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (в фактически действовавших ценах)					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Добыча полезных ископаемых в том числе: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	2346,8 2021,8	2898,3 2455,3	3447,3 2620,3	3108,6 2697,9	3170,3 2414,6	3625,9 2660,0
Обрабатывающие производства в том числе: производство пищевых продуктов, включая напитки и табак металлургическое производство и производство готовых металлических изделий производство машин и оборудования производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования производство транспортных средств и оборудования прочие производства	17031,6 9337,9 381,1 181,6 1831,6 855,5 1015,2	24808,1 13778,2 145,0 272,5 1139,1 1330,0 3779,7	27508,3 13944,3 163,9 275,4 1286,5 1481,2 4735,9	30707,8 16305,2 169,4 273,6 771,4 1304,7 4006,1	26665,8 11956,6 245,9 444,3 1622,9 2167,8 2017,1	29663,3 13557,5 236,2 545,3 1958,9 1958,9 2284,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	13689,9	14071,6	12152,1	14077,0	14168,0	14424,0 ³⁶

Как показывают приведенные цифры, несмотря на сохраняющиеся трудности и нерешенные проблемы, к концу анализируемого периода в республике наметился рост валовой промышленной продукции.

Экономический кризис 1990-х гг. в стране в силу специфики и региональных особенностей оказался затяжным и продолжительным в Дагестане. Позитивные изменения и результаты, достигнутые усилиями органов власти республики при поддержке федерального центра в результате мирового экономического кризиса 2008 г., были сведены практически на нет. Однако в последующие годы властным структурам многонационального региона удалось переломить неблаго-

приятную ситуацию и обеспечить рост валовой промышленной продукции.

Примечания

- 1 См.: Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д. Культура дагестанского города XX в. Махачкала, 2007. С. 317.
- 2 См.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Махачкала, 2005. Т. 2. С. 609.
- 3 См.: Дагестан-2001 г. Социально-экономическое положение Республики Дагестан : доклад : в 2 ч. Махачкала, 2002. Ч. 1. С. 134–135.
- 4 См.: Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Н., Си-

- вохина Т. А. История России с древнейших времен до наших дней : учебник. М., 1999. С. 497.
- 5 См.: Унцукльская Х. М., Мусаева А. И. Совершенствование системы налогообложения прибыли с точки зрения стимулирования инвестиции и производства // Дагестан : экономические отношения, собственность, элиты. Махачкала, 1997. С. 86–93.
- 6 См.: Ахмедуев А. А. Сущность проблемы экономической безопасности Республики Дагестан // Экономическая безопасность Дагестана. Махачкала, 1998. С. 5–39.
- 7 См.: История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана и России. Махачкала, 2009. С. 641–642.
- 8 См.: Спад производства продолжается // Дагестанская правда. 1993. 3 апр.
- 9 См.: Дагестан на пути рыночных реформ : некоторые итоги и перспективы // Дагестанская правда. 1996. 18 дек.
- 10 См.: XIX сессия Народного Собрания Республики Дагестан. Об итогах социально-экономического развития Республики Дагестан за 1996 г. и прогнозе на 1997 г. // Дагестанская правда. 1997. 1 марта.
- 11 См.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. 2. С. 610.
- 12 См.: Ильясов М. Перспективы определены // Дагестанская правда. 2001. 8 авг.
- 13 См.: Трудный год реформ // Дагестанская правда. 1998. 24 февр.
- 14 См.: XIX сессия Народного Собрания Республики Дагестан. Об итогах социально-экономического развития Республики Дагестан за 1996 г. и прогнозе на 1997 г. // Дагестанская правда. 1997, 1 марта.
- 15 См.: Ильясов М. Указ. соч.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 См.: Османов А. И. Дагестан в XX веке : исторический опыт регионального развития : в 2 кн. Махачкала, 2006. Кн. 1. 600 с. С. 313.
- 20 См.: Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1998 год. Махачкала, 1999. С. 14–15.
- 21 См.: Магомедов М. Нужно заняться проблемами реальной экономики // Дагестанская правда. 2010. 30 июля.
- 22 См.: XIX сессия Народного Собрания Республики Дагестан...
- 23 Там же.
- 24 См.: Раны войны : социально-экономический аспект // Дагестанская правда. 1999. 26 нояб.
- 25 См.: Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д. Указ. соч. С. 321.
- 26 См.: Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1999 год. Махачкала, 2000. С. 20–21.
- 27 См.: Дагестан-2001 г. Социально-экономическое положение Республики Дагестан. Ч. 1. С. 18.
- 28 См.: Чергизбиев И. Экономика республики : по пути стабилизации и роста // Дагестанская правда. 2001. 24 апр.
- 29 См.: Хидиров Г. Госрегулирование : реальное и мнимое // Дагестанская правда. 2006. 14 февр.
- 30 См.: История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана и России. С. 647.
- 31 См.: У нас есть шанс на обновление, и мы обязаны его использовать. Послание Президента Республики Дагестан Народному Собранию Республики Дагестан // Дагестанская правда. 2010. 30 июня.
- 32 См.: Магомедов М. Указ. соч.
- 33 Там же.
- 34 См.: У нас есть шанс на обновление, и мы обязаны его использовать...
- 35 Там же.
- 36 См.: Статистический ежегодник-2016 : в 2 ч. Махачкала, 2017. Ч. 2. С. 54–57.

Образец для цитирования:

Мирзабеков М. Я. Тенденции развития и география промышленности Дагестана в 1990–2010-е годы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 20–26. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-20-26>

Cite this article as:

Mirzabekov M. Ya. Development Trends and Geography of Industry of Dagestan in the 1990s–2000s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 20–26 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-20-26>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(481).022

Формирование образа святого короля в скальдической поэзии XI века

А. Д. Мокрополова

Мокрополова Анастасия Дмитриевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, anastasia.mokropolova@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности создания образа норвежского правителя Олава Харальдссона как святого короля-мученика. Источниковой основой для исследования послужили скальдические поэмы XI в. Наибольший интерес в данном контексте представляют произведения, написанные после гибели Олава Святого в битве при Стиклекстаде. Ввиду особенностей жанра скальдической поэмы можно говорить о том, что оформление культа Олава и, как следствие, создание его образа начинается уже в 1031–1035 гг. Однако содержание этих произведений важно не только как свидетельство становления агиографической традиции, но и как выражение функции легитимации королевской власти в Норвегии, присущей культуре Святого Олава. **Ключевые слова:** Святые короли, святость, скальдическая поэзия, Олав Святой, агиография, легитимация, Норвегия.

The Formation of the Image of a Saint King in the Scaldic Poetry of the 11th Century

A. D. Mokropolova

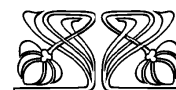
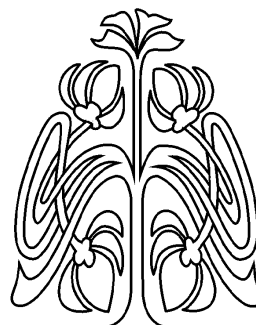
Anastasia D. Mokropolova, <https://orcid.org/0000-0002-2413-8704>, Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008 Russia, anastasia.mokropolova@yandex.ru

The article deals with some aspects of making a figure of a Norwegian ruler Olaf Haraldsson a saint martyr. Scaldic poetry of the 11th century was taken as a basis for research. The works written after the death of saint Olaf at the battle of Stiklestad are of great interest. Due to the peculiarities of scaldic poetry one can assume that Olaf's cult and consequently formation of his image started in 1031–1035. However these works are important not just as a proof of hagiographical tradition, but legitimization of royal power in Norway as well.

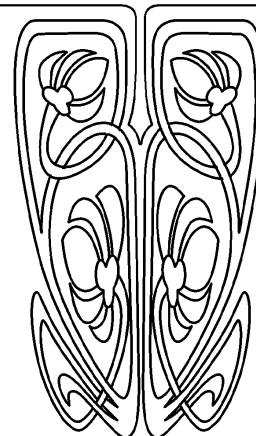
Keywords: Saint kings, sanctity, scaldic poetry, saint Olaf, hagiography, legitimation, Norway.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-27-32>

Скальдическая поэзия является одним из наиболее характерных элементов традиционной скандинавской культуры. Отличительной чертой произведений скандинавских поэтов является особая форма, когда фразы в строфе переплетены между собой так, что при чтении начало одного предложения можно обнаружить в середине предыдущего. Другой особенностью этого жанра является использование сложных метафор-кеннингов, связанных с языческими верованиями скандинавов. Структура скальдического стихосложения создаёт большие сложности для его чтения, и особенно интерпретации, когда речь заходит об использовании скальдических поэм в качестве исторического источника. Тем не менее именно скальдические стихи признаются исследователями одними из наиболее достоверных источников по средневековой истории скандинавских стран¹. Тесно связанные с языческими верованиями, произведения скальдов подверглись трансформации с приходом и утверждением христианской системы ценностей в Скандинавских странах. На творчестве скальдов обращение в христианство отразилось по-разному, в зависимости от собственного мировоззрения поэта и его отношения к христианству. Среди поэтов нашлись и противники, и ярые приверженцы христианской веры. В соответствии с требованиями времени форма

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

скальдического стихосложения упрощается, намечается тенденция к появлению новых сюжетов, выразившаяся в вытеснении языческих мотивов из стихов отсылками к библейским сюжетам. Закономерным результатом этого процесса стало формирование такого типа скальдического стихотворения, как «католическая драпа» (XII в.). Одной из новых тем после утверждения христианства для скандинавских скальдов стали агиографические сюжеты. Первым, чьи деяния как святого нашли отражение в скальдической поэзии, стал король Олав Харальдссон.

Правление Олава II Святого (995–1030) охватывает временной отрезок с 1015 по 1028 г. Этот период в истории Норвегии связан, с одной стороны, с созданием централизованного государства, опорой которого являлась христианская церковь, с другой – с борьбой за сохранение Норвегией статуса независимого государства, чему угрожали посягательства датского короля Кнута Великого. С первых лет правления Олав направил усилия на подчинение своей власти земель, находившихся в распоряжении представителей норвежской знати. Важным направлением его политики стала повсеместная христианизация, в свою очередь, подрывавшая позиции земельной аристократии, связанные с традиционными языческими верованиями. Противостояние Олава Харальдссона и части норвежских бондов вылилось в союз последних с Кнутом Великим, для которого этот шаг представлял возможность подчинения норвежских земель. В 1030 г. Олав погибает в битве при Стиклестаде, а датским наместником в Норвегии становится Свен Кнутссон: Норвегия на некоторое время входит в состав Северной империи Кнута². Эти события, однако, стали толчком для последовавшей вскоре канонизации Олава Харальдссона, санкционированной Свеном. Становление и развитие его культа вызвало к жизни ряд письменных источников, в которых зафиксированы функции и характеристики святого короля. В совокупности с более ранними сочинениями скальдов эти тексты представляют собой важный материал для изучения образа Святого Олава.

Весь комплекс скальдических произведений, содержащих сведения о Святом Олаве, можно разделить на две части: это стихи, созданные при его жизни, и произведения, написанные после его гибели в битве при Стиклестаде. Ранние поэмы, хотя и испытали на себе влияние событий эпохи, остаются более близкими к традиционной форме скальдического стихосложения. Это закономерно, ведь они ближе хронологически.

Наибольшее число стихов об Олаве было создано его придворным скальдом Сигватом Тордарсоном. Ему принадлежат такие произведения, как «Викинские висы» и «Поминальная драпа». Также выделяются «Песнь о тиши на море» Торарина Славослова, посвященная датскому конунгу Свейну, и «Крестовая драпа» Торда Сэрксона (до нашего времени дошла только одна её строфа), отдельные висы были сочинены Оттаром Чер-

ным. Эти произведения объединяет стремление представить Олава, прежде всего, политическим деятелем, а затем уже святым; это отличает их от сочиненной в середине XII в. поэмы Эйнара Скуласона «Солнечный луч», которая имеет преимущественно агиографическое содержание.

Самая ранняя поэма о конунге, «**Викинские висы**» (*Vikingarvisur*), была написана Сигватом Тордарсоном примерно в 1014–1015 гг. Ее тема – викинские походы Олава до того, как он стал правителем Норвегии и направил усилия на централизацию и христианизацию страны. По своему существу «Викинские висы» – это классическая хвалебная песнь, далекая от ценностей христианского мировоззрения, которые впоследствии будут постепенно проникать в творчество скальда Сигвата. «Викинские висы» состоят из 14 строф, многие из которых включены в текст «Саги об Олаве Святом» Снорри Стурлусона и Отдельной саги об Олаве; завершает песнь хельминг. Сигват последовательно описывает битвы Олава в Швеции, Дании, Англии, Франции. Строфы песни довольно просты по форме и достаточно лаконично и бесстрастно описывают происходившие события. Использование кеннингов, особенно связанных с языческим пантеоном, здесь минимально.

«Викинские висы», несмотря на то что в них не указаны точные даты событий, являются важным историческим источником. Не случайно фрагментами песни Снорри Стурлусон подкрепляет свой рассказ о походах молодого Олава. В частности, строфы с шестой по девятую посвящены его битвам в Англии. Седьмая строфа рассказывает о битве при Рингмире³, восьмая – о разорении Кентербери:

Veitk, at víga mœtir
Viðum hátr inn áttá
– styrkr gekk vǫrðr at virki
verðungar – styr gerði.
Sinn móttut bæ banna
borg Kantara – sorgar
mart fekksk príðum Þǫrtum –
portgreifar Óleifi⁴.

(Знаю, что встречающий битву враг вендов учинил восьмую битву – сильный шел защитник войска на крепость. Жители не могут изгнать Олава из своего города Кантараборга – многие печали получили гордые)⁵.

«Викинские висы» играют важную роль в формировании образа Олава-правителя, наделенного чертами, высоко ценяемыми в скандинавском обществе. В этом сочинении Сигвата он предстает как классический персонаж древнескандинавской литературы – «морской конунг», основным занятием которого были военные набеги на близлежащие земли, а также служба в дружинах правителей различных государств. Упоминания о таком образе жизни в памятниках древнескандинавской литературы не редки – в викинские походы отправлялись мужчины разного социального статуса и достатка. Соответственно,

стремление отправиться в такой поход может быть объяснено желанием, с одной стороны, получить определенные материальные ценности, с другой – снискать славу доблестного и удачливого воина. Через викингские походы приобретались те характеристики, которые были обязательным элементом представлений об идеальном мужчине в североевропейском обществе⁶. «Викингские вись» формируют образ Олава, наиболее близкий раннесредневековой скандинавской духовной культуре; в то же время это образ, составляющий резкий контраст с темой святости, развиваемой в более поздних сочинениях скальдов. В данном контексте наибольший интерес представляют сочинения скальдов, появившиеся уже после гибели Олава в битве при Стиклестаде.

Самым ранним скальдическим сочинением, в котором артикулируется статус Олава Харальдссона как святого правителя, является *«Песнь о тиши на море»*, написанная Торарином Славословом. Интересна история создания этой поэмы. Ее автор – придворный скальд датского и английского короля Кнута Великого и его сына Свейна, ставшего правителем Норвегии после того, как с престола группировкой норвежской знати, поддержанной Кнутом, был изгнан законный правитель Олав Харальдссон. Поэма была написана после гибели Олава в битве при Стиклестаде и посвящена Свейну, следовательно, датируется она, вероятно, 1031–1035 гг.⁷ Однако, несмотря на это обстоятельство, основное внимание скальд уделяет Олаву Святому: к моменту написания поэмы уже состоялась его местная канонизация.

«Песнь о тиши на море» по своей стилистике достаточно проста: здесь отсутствуют характерные для более ранней скальдической поэзии сложные метафоры, связанные с языческими верованиями. Состоит она из 9 строф. Первые две обращены к Свейну; в них обозначена его роль как правителя Норвегии. В следующих шести строфах поэт прославляет Олава Святого. Торарин Славослов неоднократно говорит о пребывании Олава в «царствии небесном»⁸ («himinrikis»), а затем переходит к рассказу о чудесах, происходящих с мощами святого правителя. Немаловажным кажется то обстоятельство, что поэт, упомянув во второй строфе о том, что Свейн воцарился на норвежском престоле в Тронхейме, в следующей отмечает, что здесь же находится и рака с мощами Святого Олава. Можно предположить, что таким образом Торарин подчеркивает, во-первых, преемственность власти двух правителей (а это было необходимо ввиду того, что Свейн фактически являлся для норвежского народа чужеземцем), во-вторых – особую роль раки с мощами святого, которая становится позднее орудием легитимации власти в Норвегии.

Строфы с 5 по 8 посвящены чудесам Олава. Поэт перечисляет следующие сверхъестественные явления: нетленность тела конунга, рост волос и ногтей, звон колоколов над усыпальницей, горение свечей над алтарем, наконец, важным

мотивом восьмой строфы «Песни» является рассказ об исцелении слепых и немых. Это является подтверждением того, что уже на ранних этапах формирования культа Олава определяется его роль как короля-чудотворца, целителя. Говоря о паломниках, приходящих к раке с мощами святого, Торарин подчеркивает важность культа для верующих и его близость к народу.

Заключительная, девятая, строфа «Песни о тиши на море» вновь обращена к Свейну, однако и здесь подчеркивается значимость его предшественника на норвежском престоле: Торарин призывает Свейна обратиться с молитвой к святому и просить даровать ему власть над Норвегией. Не случайно для обозначения норвежских земель поэт использует выражение «grundar sinnar»⁹ – что можно перевести как «его (то есть Олава) надел». Таким образом, Торарин фактически становится первым выразителем идеи об Олаве не только как о святом заступнике, но и как о вечном короле Норвегии.

Учитывая все особенности создания «Песни о тиши на море», а также ее содержание, закономерным становится вопрос о причинах появления такого сочинения. Можно предположить, что произведение Торарина Славослова стало результатом заказа со стороны Кнута Великого и его сына, датского наместника в Норвегии, Свейна. В Дании к 30-м годам XI в. позиции церкви были гораздо более прочными, нежели в Норвегии, поэтому естественным видится желание датских правителей упрочить положение новой религии и в Норвегии. Этим целям как нельзя лучше способствовали создание и распространение культа местного святого, каким стал Олав Харальдссон. В свою очередь, религия была опорой королевской власти, а сам факт участия Свейна Кнутссона в канонизации Олава должен был способствовать его утверждению на норвежском престоле и распространению его влияния среди населения. Меры, предпринятые Свейном в отношении создания культа Святого Олава и отраженные в поэме Торарина, некоторыми исследователями расцениваются как своеобразное продолжение политики Кнута в Англии: «... Известно, сколь горячо во время правления Англией Кнут поддерживал распространение культа Эдмунда Святого... не смущаясь тем, что судьба этого мученика долгое время служила своеобразным символом антидатской оппозиции... Торарин призывает Свейна поступить подобно своему отцу... и принять участие в распространении культа Олава Святого...»¹⁰

На сегодняшний день можно говорить о том, что введение в поэму краткого перечня чудес Олава наметило основные тенденции создания и развития его культа, а также положило начало формулированию концепции его святости. Фактически с момента создания «Песни о тиши на море» начинается формирование образа Святого Олава, однако насколько сознательно были заложены основы этого процесса, судить сложно. По-видимому, истории о чудесах использовались норвежскими правителями

(включая и Свейна Кнутссона) в своих собственных, политических целях – для объединения норвежского общества и для легитимации собственной власти.

Другое скальдическое произведение, созданное в XI в., – «Поминальная драпа», написанная придворным скальдом Олава – Сигватом Тордарсоном. Считается, что поэма была написана в 1040–1045 гг. До наших дней дошло 28 строф и их отрывков. Все они включены в тексты саг об Олаве. Хотя Сигват и считается придворным скальдом Олава, в момент битвы при Стиклестаде он находился в паломническом походе в Рим. Соответственно о событиях, предшествующих гибели конунга и последовавших за ней, он узнал позднее. Сюжет «Поминальной драпы» полностью посвящен жизни Олава, центральное же место отводится битве при Стиклестаде, гибели конунга и нескольким чудесам, поэтому исследователи отмечают ее значение как исторического источника: «...неизвестно, какая часть «Поминальной драпы» об Олаве утрачена», но сохранившиеся строфы важны, в том числе и как исторический источник...»¹¹

При этом особо выделяется роль Олава Харальдссона как воителя-защитника своей земли, то есть можно говорить о том, что акцент ставится на политическую деятельность Олава. В тексте употребляется большое количество кеннингов, однако фразы, содержащие имена языческих персонажей, имеют негативный оттенок и применены к противникам Олава.

Начинается поэма с рассказа о борьбе Олава с язычниками. Здесь для обозначения воинов-язычников используется традиционный для скальдической поэзии кеннинг «деревья огня реки» (tolf víðu bala elfar)¹², а затем следует пассаж об их казни, также выдержанный в традиционной стилистике скальдического стихосложения. Здесь появляется кеннинг виселицы – «конь Сигара» (Sigars hesti).

... Svía tyggja leitk seggi
sóknstríðs (firum) ríða
(bǫl vas brátt) til Heljar
(búit mest) Sigars hesti¹³.

(Я видел, как люди сурового в битве короля Шведов скакали на коне Сигара в Хель; большой ущерб был нанесен им).

Следующая строфа повествует о том, что Олав завладел Оппландом (внутренней территорией Норвегии) и обратил эти земли в христианство. Логическим продолжением являются 4 и 5 строфы, где Олав выступает непоколебимым защитником своих земель. Фактически эти строфы являются своеобразным введением к рассказу скальда о битве при Стиклестаде, который занимает центральную часть поэмы. Строфы, посвященные этой последней в жизни конунга битве, по всей видимости, призваны воспеть воинскую доблесть Олава. Несмотря на то что Сигват к моменту создания этой поэмы уже достаточно утвердился в новой вере, в его сочинении изредка встречаются отголоски скандинавской мифологии. Однако здесь связанные с языческими персонажами метафоры

применяются скальдом в качестве негативного обозначения язычников – противников Святого Олава. Одним из наиболее интересных примеров в данном случае является сложный кеннинг, использованный Сигватом в связи с упоминанием имени убийцы Олава, Торира Собаки; в поэме он назван «Fróttir þvergarða glyggs gunnranns» – «Тротт переkreщивающихся оград шторма укрытия битвы». Сам по себе этот кеннинг очень сложен для восприятия. Кроме того, на первом месте здесь стоит одно из имен Одина – Тротт. В то же время все метафоры, связанные с именем Олава-конунга, достаточно просты. Говоря об Олаве, Сигват использует такие кеннинги, как: «ðss gneista» – бог меча, «raesir ríklumdum» – сильный духом правитель, «grundar vǫrd» – страж земли (Норвегии), «hvǫtuð hildar» – подстрекатель битвы.

Имеются в «Поминальной драпе» и агиографические мотивы. Набор чудес здесь несколько отличается от тех, которые были включены Торарином Славословом в его «Песнь о тиши на море». В частности, Сигват впервые упоминает о солнечном затмении, случившемся в день гибели конунга Олава:

Undr láta þat ýtar
eigi smátt, es máttit
skæ-Njǫrðungum skorðu
skýlauss rǫðull hlýja.
Drjúg varð á því dægri
– dagr náðit lit fǫggrum –
– orrostu frákonung austan
atburð – konungs furða¹⁴.

(Люди рассказывают о немалом чуде, яркое солнце перестало греть; великое было знамение о короле в тот день; день померк. Весть о битве пришла ко мне с востока).

23 строфа посвящена другому чуду Олава – росту его волос после смерти. Интересным кажется тот факт, что Сигват вводит сюда сюжет о нетленности пряжи волос, хранящейся на Руси; ни в одном другом источнике это не упоминается:

Lýgk, nema Óleifr eigi
ýs sem kykvir tívar
(gœðik helzt í hróðri)
hárvǫxt (konungs óru).
Enn helzk, þeims sýn seldi,
svǫrd, * es óx, í Gǫrdum,
(hann fekk læs) af ljósum
(lausn) Valdamar, hausu¹⁵.

(Солгу, если волосы у Олава не росли как у живого тиса лука; ... До сих пор нетленна в Гарадах пряжа, что росла на светлом челе; она исцеление дала Вальдемару, он прозрел).

Соответственно, встает вопрос о причинах появления этого «дополнительного» чуда в поэме, а также и о том, почему авторы других источников об Олаве обходят его стороной. Об этой строфе исследователи высказывают разные мнения. В частности, Т. Н. Джаксон видит в данном рассказе упоминание о некоем прижизненном чуде Олава¹⁶, отличном от исцеления мальчика на Руси, сведения о котором содержатся в саговой традиции об

Олаве. Е. А. Мельникова, однако, не предлагает точной локализации данного чуда во времени и предполагает, что «...прядь волос Олава, либо срезанная им самим во время пребывания на Руси, либо хранящаяся как реликвия, вероятно, у какого-то скандинава, [...] излечила от слепоты некоего Вальдемара, русского, судя по имени...»¹⁷ Споры вызывает и трактовка самого чуда: Ф. Йонссон считает, что в данном случае имело место исцеление слепого¹⁸, а А. Холтсмарк связывает сюжет с рассказом об исцелении мальчика Олавом во время его пребывания на Руси¹⁹.

Стоит отметить, что несмотря на молчание автора относительно того, как прядь волос Олава попала в «Гарды», и места, где она хранится, явная отсылка к ее долгой сохранности отдаляет чудо от времени жизни Олава. В строфе ни слова не говорится о том, что чудо было совершено руками конунга; напротив, Сигват говорит в данном случае о чуде, произошедшем от нетленных мощей святого. В то же время введение в «Песнь» рассказа о чуде, произошедшем не просто за пределами Норвегии, но и в значительном удалении от места жизни, а затем и канонизации Олава, хранения его мощей, позволяет показать и широту распространения его культа (что было немаловажно в условиях необходимости укрепления позиций Церкви в Норвегии), и могущество, и силу святого.

Следующая 24 строфа свидетельствует о том, что для мощей святого была сооружена рака (из текстов саг известно, что сделано это было в период правления Норвегией сыном Олава Святого, Магнусом Добрым). Вторая часть этой строфы повествует о том, что рака с мощами Олава стала местом притяжения паломников и совершения чудес исцеления:

... Ár gengr margr frá mægu
meiðr þess konungs leiði
hreins með heilar sjónir
hrings, es blindr kom þingat²⁰.

(Многие знатные стволы мечей (мужи) приходили к могиле чистейшего конунга; и слепые уходили прозревшими – тоже в сноску).

Отсутствие здесь отсылки к определенным случаям исцеления позволяет предположить, что автор намеренно говорит о некой совокупности чудес, объединенных общим смыслом. Таким образом, в этой строфе зафиксирована одна из главных функций культа Святого Олава – исцеление слепых. Вместе с тем это и одно из наиболее часто упоминаемых чудес Олава, которое по мере формирования агиографической традиции становится каноническим.

Наряду с тем, что в период правления Магнуса Олавссона происходит заключение мощей святого в драгоценную раку, именно в это время по его инициативе вводится церковный праздник в честь Олава Святого (Olsoke). Об этом говорит и Сигват скальд:

Oss dugir Óleifs messu
– jǫfur magnar goð – fagna
meinalaust í mínu
Magnúss fǫður húsi.

Skyldr emk skilfings halda
skolllaust, þess's bjó golli,
helgi, handar tjǫlgur
harmdauda, mér rauðu²¹.

(Мы праздник Олава, Магнуса отца, примем – безгрешному правителю помогает Бог – в свой дом. Обязан я о смерти господина хранить скорбь, он святой; ветви рук моих окрасил золотом).

В эти строки, в полной мере соответствующие стилистике католической драпы, вплетен традиционный скальдический мотив одаривания конунгом скальда, посредством чего прославляется щедрость правителя. Эта тема продолжена Сигватом Тордарсоном в 27 строфе песни, где он упоминает богато украшенный меч, подаренный ему Олавом: «...góðri gjallar vǫnd, þanns golli gaf mér konungr vafðan..., þás silfri hjaltat sverð dýrt...»²² – (хороший прут шума, дал мне конунг, золотом обернут, с серебряной рукоятью меч драгоценный). Здесь для обозначения меча используется кеннинг «прут шума».

«Поминальная драпа» сохранилась не полностью – она обрывается на 28 строфе, которая, по-видимому, имеет непосредственную отсылку к Библии:

Endr réð engla senda
Jórðánar gramr fjóra
– fors þó hans á hersi
heilagt skopt – ór lopti.

(Решил ангелов послать Иордана правитель четверых – воды омоют святого государя волосы – с неба). По мнению исследователей, здесь идет речь о Христе и его крещении в реке Иордан²³.

Несмотря на то что «Поминальная драпа» сохранилась до наших дней не полностью в полном объеме, ее текст наглядно иллюстрирует процесс оформления культа Святого Олава в Норвегии. Являясь важнейшим историческим источником, произведение Сигвата Тордарсона фиксирует такие основополагающие элементы культа, как помещение останков Олава в специальную раку и учреждение церковного праздника в его честь. «Поминальная драпа» свидетельствует о том, что церковь, где хранилась рака с мощами Святого Олава, становится во второй половине XI в. местом притяжения паломников и локализации чудес, совершаемых святым. В то же время драпа, сочиненная Сигватом, является важной ступенью в процессе формирования агиографической традиции об Олаве. Нельзя не учитывать значение «Поминальной драпы» для утверждения христианской церкви в Норвегии: сам факт существования не только местного святого, но и создание его образа, транслируемого посредством скальдической поэзии, был важным элементом основания и утверждения в Норвегии церковной организации. По всей видимости, песнь также могла способствовать распространению среди норвежцев христианских ценностей: в ней достаточно тесно переплетены мотивы, характерные для скальдической хвалебной песни, и пассажи, свойственные католическим

традициям прославления святого; таким образом, происходило постепенное встраивание христианского мировосприятия в северную культуру.

Изучение текстов скальдических произведений показывает, что на протяжении периода с 1030-х по 1070-е годы шло формирование образа Олава Святого в соответствии с потребностями норвежского общества того времени. Сочинения, созданные скальдами в период завоевательных походов Олава, призваны, в первую очередь, показать его таким, каким видели норвежцы идеального правителя. Качества, которыми его наделили скальды в своих сочинениях, отвечают традициям и ценностям скандинавского общества. Можно предположить, что намеренно или невольно конунг и его ближайшее окружение использовали эти песни для повышения авторитета Олава среди норвежцев; таким образом, в определенной степени произведения скальдов тех лет являлись результатом «заказа». Сходная тенденция наблюдается, когда появляются сочинения скальдов, где артикулировалась святость Олава Харальдссона: здесь его образ мог использоваться, с одной стороны, для укрепления королевской власти, с другой – для упрочения позиций церкви. В обоих случаях поэмы скальдов стали закономерным способом распространения представлений об Олаве – сначала как о законном правителе Норвегии, а затем как о святом защитнике норвежских земель и короле-чудотворце; именно форма скальдического стихосложения была наиболее понятна и доступна для большего числа норвежцев. В текстах песен саг наблюдается своеобразная эволюция образа Олава – от короля-викинга до короля-чудотворца. Примечательно, что даже в текстах, авторов которых Олав интересует в первую очередь как святой, нет тенденции к умалчиванию того, что Олаву присуще поведение классического средневекового скандинавского конунга: при необходимости для достижения своих целей он использует силу и временами бывает жесток. Однако теперь таким фактам придается новая окраска: поведение правителя продиктовано необходимостью обращения в христианство непокорных язычников. Олав выступает здесь как король-креститель.

В произведениях скальдов были заложены основы для формирования различных версий образа Олава, которые нашли свое продолжение в письменной традиции следующего столетия.

Примечания

¹ См. например : Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009. С. 168–169 ; Джаксон Т. Н.

Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. С. 230.

- ² Подробнее о включении Норвегии в состав Северной державы Кнута см.: Поляков С. А. Из истории создания Северной империи Кнута Великого : завоевание Норвегии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 421–424.
- ³ См.: Briggs K. The Battle-site and Place-name Ringmere // Notes and Queries. 2011. Vol. 58, iss. 4. P. 491–492.
- ⁴ См.: Sigvatr Þórðarson. Vikingarvísur / Poetry from the Kings' Sagas 1 : From Mythical Times to c. 1035 // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 1 / ed. by D. Whaley. Turnhout, Brepols, 2012. P. 534.
- ⁵ Здесь и далее – перевод наш.
- ⁶ См., например: Сага о людях с Песчаного Берега, XL ; Сага о людях из Лаксдала, IV ; Сага об Эгиле, I.
- ⁷ См.: Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 597 ; Lindow J. St Olaf and the Skalds // Sanctity in the North. Saints, Lives and Cults in Medieval Scandinavia / ed. by T. DuBois. Toronto ; Buffalo ; L., 2008. P. 38–42.
- ⁸ Þórarinn loftunga. Glælognskviða / Poetry from the Kings' Sagas 1 : From Mythical Times to c. 1035 // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 1 / ed. by D. Whaley. Turnhout ; Brepols, 2012. P. 867.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 598.
- ¹¹ Там же. С. 596.
- ¹² См.: Sigvatr Þórðarson. Erfdrápa Óláfs helga / Poetry from the Kings' Sagas 1 : From Mythical Times to c. 1035 // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 1 / ed. by D. Whaley. Brepols, Turnhout, 2012. P. 665.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Ibid. P. 682.
- ¹⁵ Ibid. P. 692.
- ¹⁶ См.: Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000. С. 80.
- ¹⁷ Мельникова Е. А. Культ Святого Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. 1996. Т. 56. С. 95.
- ¹⁸ См.: Jonsson F. Den norsk-islandske skjaldedigtning. København ; Gyldendal, 1912. S. 244.
- ¹⁹ См.: Holtsmark A. Sankt Olavs liv og mirakler // Festskrift til francisc Bull. Oslo, 1937. S. 121–133.
- ²⁰ См.: Sigvatr Þórðarson. Erfdrápa Óláfs helga / Poetry from the Kings' Sagas 1 : From Mythical Times to c. 1035 // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 1 / ed. by D. Whaley. Turnhout ; Brepols, 2012. P. 693.
- ²¹ Ibid. P. 695.
- ²² Ibid. P. 697.
- ²³ См.: Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Указ. соч. С. 596.

Образец для цитирования:

Мокрополова А. Д. Формирование образа святого короля в скальдической поэзии XI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 27–32. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-27-32>

Cite this article as:

Mokropolova A. D. The Formation of the Image of a Saint King in the Scaldic Poetry of the 11th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 27–32 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-27-32>

УДК 94(368)

Гнезно и Познань в XIII веке

М. Г. Лушина

Лушина Мария Григорьевна, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, maria_lushina@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению процесса соперничества двух крупнейших городов Великой Польши – Гнезно и Познани в XIII веке. Оба города на протяжении периода Средних веков являлись ключевыми центрами развития Великопольского региона. До XIII века есть основания говорить о лидирующих позициях Гнезно. Однако в результате комплекса факторов, парадоксальным образом способствовавшим прежде усилению Гнезно, в XIII веке Познань выходит на первый план.

Ключевые слова: Гнезно, Познань, Великая Польша, история Польши, средневековый город.

Gniezno and Poznan in the XIII Century

M. G. Lushina

Maria G. Lushina, <https://orcid.org/0000-0002-8030-2927>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, maria_lushina@mail.ru

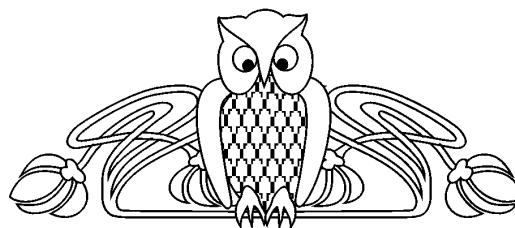
The article analyzes the process of rivalry between two largest cities in Greater Poland, Gniezno and Poznan in the XIII century. During the Middle Ages both cities were the key centers of development of the Greater Poland region. Until the XIII century, there are some reasons to talk about the leading position of Gniezno. However, as a result of a number of factors that paradoxically contributed to the strengthening of Gniezno, in the XIII century Poznan comes to the fore.

Keywords: Gniezno, Poznan, Greater Poland, history of Poland, medieval city.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-33-35>

XIII век занимает важное место в истории средневековых городов Польши. Именно в течение этого столетия сложилась городская сеть, основы которой сохранились до наших дней. Польский город приобрел новый внешний облик, топографическую структуру, политико-правовое устройство, родственные городам Западной Европы.

В это столетие сложились своеобразная иерархия польских городов, их многоуровневая структура, разделение городов по функциям и характеру: например, торговые города имели отличительные признаки – они становились центром международного обмена, средоточием международной торговли. Другой тип города представляли, как правило, менее крупные центры ремесленного производства и местного рыночного обмена.

Процесс средневековой урбанизации в XIII веке в Польше в основном завершился: усиливаясь за счет определенных факторов, существовавшие ранее города укрепляли свои позиции, сельское население повсеместно, как и по всей Западной Европе все более стремится в город, а новые города в XIV веке, как правило, уже не возникают.

Урбанизационный процесс XIII века сопровождался переходом польских городов на новое правовое устройство: города приобретали грамоты, согласно которым они получали собственное право, благодаря чему менялся внутренний уклад городов.

Представляется интересным проследить историю унаследованного XIII веком от предыдущей эпохи соперничества двух древнейших и известнейших городов Великой Польши – Гнезно и Познани. Оба города от самых истоков истории Польши играли важную роль в судьбе страны, выступая в качестве носителей первых тенденций в ее развитии.

Соперничество Гнезно и Познани началось на заре самой истории Польши.

Кратко напомним основные этапы начальной истории двух городов. Гнезно изначально являлся центром религиозной жизни страны: именно здесь князь Мешко I принял крещение в 966 году: «благодаря ему свет истины озарил с высоты все королевство Польское»¹ (именно эта дата считается датой рождения Польского государства). Значимым событием, способствующим возвышению города на первых этапах истории, являлось получение статуса княжеской резиденции. В 1000 году город становится столицей польского архиепископства².

Наконец, 18 апреля 1025 года в соборе Успения Пресвятой Девы Марии в Гнезно князь Болеслав Храбрый, «славно возведенный императором в королевское достоинство»³, получает королевскую корону, это событие явилось наиболее ярким эпизодом, возвышающим Гнезно над другими польскими городами.

При этом стоит отметить, что Познань может поспорить с Гнезно по древности происхождения, город был основан на берегу реки Варты, рядом с Тумским островом, со стороны которого в Варту впадает другая река – Цыбина. Благоприятные для земледелия береговые участки и в то же время естественная защищенность от внешних опасностей густой речной сетью и обилием островов являлись факторами, которые способствовали превращению города в одну из резиденций пра-

вящего рода Пястов в X веке. Уже тогда Познань выступала в качестве религиозного центра: следует иметь в виду, что Познанское епископство было основано раньше⁴ гнезненского архиепископства – в 968 г.

Соперничество великопольских городов продолжалось в течение XI–XII веков, однако XIII век положил конец вековому противостоянию.

Почему же при всех преимуществах Гнезно (известности, сильной княжеской власти, статусе коронационного города) в итоге в XIII веке Познань занимает лидирующие позиции в Великой Польше, оттеснив Гнезно на второй план? До XIII века скорее есть основания говорить о превосходстве Гнезно. В первой половине XIII века оба города в одно и то же время принимают поток немецкой колонизации (переселения больших масс немецкого сельского и затем городского населения на территорию польских земель).

Одной из причин является, на наш взгляд, более выгодное положение Познани (город находился южнее Гнезно, на пересечении речных торговых путей). Однако есть основания предполагать, что ключевую роль в возвышении Познани парадоксальным образом сыграли факторы, способствовавшие усилению Гнезно, а именно присутствие в городе резиденции архиепископа и, как следствие, прочные позиции церкви.

Присутствие в Гнезно резиденции епископа могло сыграть не только положительную, но и негативную роль для развития города. Архиепископ не был склонен отказываться от своих владений, прав и привилегий на территории города, а городским общинам бороться за свои интересы с таким сильным противником было намного труднее, чем с менее могущественными сеньорами. Гнезненский архиепископ, согласно знаменитой Золотой Гнезненской булле 1136 года⁵, обладал множеством весьма обременительных для гнезненской городской общины привилегий, многие из которых уходили своими корнями во времена раннего средневековья (в частности, налог, уплачиваемый за проезд через городские ворота и сам город)⁶. Архиепископское хозяйство выступало и в качестве непосредственного участника хозяйственной деятельности и торговли в городе, имея немало возможностей для оттеснения горожан от наиболее стабильных источников доходов.

В Гнезно территория с предместий, примыкавших к городу, с юга и востока находилась в собственности горожан, а с севера и запада – в собственности духовенства. Так, в одном из предместий феодалов имелся собственный приход с церковью св. Михаила, а также рыночная площадь, госпиталь и собственная ратуша. К северо-востоку от города располагалось предместье (Гржибово)⁷, которое также не подчинялось городским властям. К нему относились монастырь св. Иоанна и Меховский монастырь с госпиталем. К владениям последнего, например, относились 15 деревень и земля вокруг самого госпиталя, на

которой и выросло названное предместье Гржибово. Данные земли не подчинялись юрисдикции бюргерской общины, а напротив, напрямую подчинялись архиепископу. Известно также о другом церковном предместье под названием Сломинка⁸, где находилась резиденция архиепископа, окруженная рвом, через который был переброшен подъемный мост. Известны названия других предместий: Цирпеге (или Андреево), находящееся к югу от Сломинки; к западу от него – предместье Заерзерже, принадлежащее соборному капитулу, с церковью св. Петра и купальней; с севера к Заерзерже примыкало предместье Кустодия, владельцем которого был постоянный викарий (епископ), а с юга – предместье Клирика, которым владел орден пенитенциариев (религиозное учреждение Римской Курии, утвержденное при Папе Григории IX (1227–1241), коллегии пенитенциариев должны были обеспечивать достойное совершение Таинства Примирения в монастырях); предместье Кавиора, по всей видимости, также принадлежало одному из церковных институтов.

Таким образом, есть основания сделать вывод о том, что преимущество для ведения хозяйства на территории Гнезно оставалось за церковью.

У Гнезно, тем не менее, оставался другой фактор, таивший в себе возможность стать могучей движущей силой развития города. Этим фактором являлся сохранившийся до рубежа XIII–XIV вв. статус Гнезно как коронационного города Польши. В условиях средневековья статус коронационного города нередко выступал в качестве мощного фактора развития для его обладателя. Обряд коронации средневекового правителя был окружен ореолом таинственности. Люди средневековья воспринимали коронацию как религиозный обряд, при котором присутствует Божественная аура. Коронации сопровождалась массовым стечением народа, а коронационные соборы, каждый из которых обладал святыми реликвиями, являлись центрами паломничества.

Но этот статус далеко не всегда приводил к однозначно позитивным для города последствиям, поскольку неоднократно делал Гнезно притягательной целью для завоевательных и грабительских походов.

Так, хронист XV века Ян Длугош зафиксировал известные ему сведения и впечатления о городе: «Гнезно – вторая столица поляков скорее по имени, чем на деле, знаменитая скорее древним блеском, чем новым сиянием, которая, если бы её не придавала славы старейшая церковь, осталась бы неизвестной большинству. Однако, она – мать всех польских городов, получившая название Гнезно от “гнезда”, основанная также первым польским князем Лехом и, поскольку он впервые остановился там с челядью и родичами и воздвиг её как столицу и как город, названная по этому случаю Гнезно; ей не слишком повезло только в том, что она, в то время как породила большинство польских городов, истощила сама

себя, и богата [теперь] разве что озёрами; но она очень счастлива, что в её кафедральную церковь было перенесено из Пруссии тело блаженного мученика Адальберта»⁹.

В соседней Познани, где экономические и административно-правовые позиции церкви были менее прочными, возможности для успешного развития городской экономики были гораздо более широкими, что, на наш взгляд, сыграло новую роль во времена стремительного роста польских городов в XIII веке. Не случайно именно сюда переместили свою резиденцию великопольские князья, оказывая поддержку и покровительство развитию города.

Уже в раннее средневековье Познань, расположенная по соседству с Гнезно, приобрела важное значение в жизни государства (достаточно вспомнить о том, что здесь был похоронен Болеслав Храбрый). Однако только в XIII веке Познань окончательно вышла из тени Гнезно, сохраняя статус крупнейшего города Великой Польши до наших дней.

Интересным и, вместе с тем, убедительным свидетельством этого является составленная в северогерманском городе Люнебурге в 1284 году карта мира, отражающая не только географические представления этого времени, но и социально-экономические и политические реалии. Единственным городом Польши, который был нанесён на эту карту, оказалась Познань (для сравнения отметим, что Чехия была представлена здесь только Прагой)¹⁰.

Опережающий экономический рост Познани способствовал угасанию хозяйственного значения Гнезно, привлекая к себе иностранное купечество (что, в частности, зафиксировала Люнебургская карта) и новые волны переселенцев, надеявшихся обрести в городе благоприятные условия жизни и хозяйственной деятельности.

Таким образом, можем заключить, что те факторы, которые первоначально способствовали

усилению Гнезно – богатая церковная история, резиденция архиепископа в городе, статус коронационной столицы – в итоге сыграли против города. Позиции архиепископа оказались слишком сильными и являлись сдерживающим фактором города фактором, статус коронационного города помимо прочего притягивал к Гнезно князей, которые превратили его в «яблоко раздора» для подтверждения своих позиций. В то же время Познань, которая не знала этих проблем, продолжала развиваться, отвечая потребностям региона, становясь все сильнее и в конечном итоге взяла первенство перед первой столицей Польши, оставаясь до сих пор крупнейшим городом Великопольского региона.

Примечания

- ¹ Аноним Г. Хроника и деяния князей польских / вступ. ст., пер. и коммент. Л. М. Поповой. М., 1961. С. 31.
- ² См.: Пращский К. Чешская хроника. М., 1962. С. 79.
- ³ См.: Аноним Г. Указ. соч. С. 38.
- ⁴ Янин В. Л., Попова Л. М., Щавелева Н. И. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М., 1987. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Chron_Pol_majoris/frameset1.htm (дата обращения: 6.09.2018).
- ⁵ См.: Ex commisso nobis a Deo / Codex diplomaticus majoris Poloniae. URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (дата обращения: 6.09.2018).
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Warschauer A. Geschichte der Stadt Gnesen. Posen, 1918. S. 30.
- ⁸ Ibid. S. 35.
- ⁹ Dlugossii I. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Warszawa, 1964 (пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2010). URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos_2/frameset3.htm (дата обращения: 6.09.2018).
- ¹⁰ См.: Карта мира (сост. в Северной Германии (Люнебург)) около 1284 г. // Средневековье в его памятниках / под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913. С. 279.

Образец для цитирования:

Лушина М. Г. Гнезно и Познань в XIII веке // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 33–35. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-33-35>

Cite this article as:

Lushina M. G. Gniezno and Poznan in the XIII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 33–35 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-33-35>

УДК 94.63.3(0)4

Преступность в Лондоне в начале XIV века

М. Н. Булаева

Булаева Марина Николаевна, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, bulaewa64@gmail.com

На материале оригинальных источников в статье рассматриваются некоторые аспекты преступности в Лондоне начала XIV века. Автор выявляет факторы, способствовавшие проявлению девиантного поведения в виде преступлений, предлагает классификацию преступлений, совершенных в Лондоне в 1305 г., выявляет социально-профессиональный состав преступников и виды наказаний.

Ключевые слова: Лондон, начало XIV в., преступность, выездной суд, убийство, кража, повешение.

Crime in London at the Beginning of the 14th Century

M. N. Bulaeva

Marina N. Bulaeva, <https://orcid.org/0000-0001-6568-8553>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, bulaewa64@gmail.com

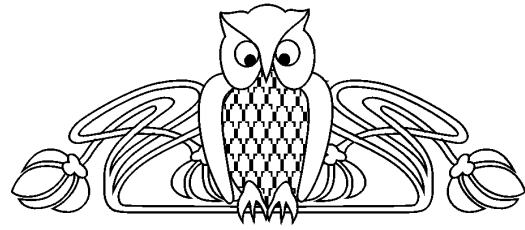
Some aspects of London's criminality at the beginning of the XIV century are considered in this article based on the authentic material. The author reveals the factors which contributed to manifestation of crime as some kind of deviant behavior and presents classification of London's crimes in 1305; the author also identifies social and professional composition of criminals and the types of punishments.

Keywords: London, beginning of the XIV century, crime, circuit court, murder, theft, hanging.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-36-42>

История права в различных ее аспектах уже не первое десятилетие привлекает исследователей. Как отметила О. И. Варьяш, право, сочетая в себе практическое и символическое значение, было понято как один из механизмов, опосредующих общественную жизнь¹. А такой сложный, многоуровневый и разнородный синтетический организм, как европейский средневековый город, являет собой некий перекресток, где пересекаются, соприкасаются, сливаются различные виды права: городское, королевское, каноническое, общее, купеческое и т. п. Право, равно как и нормы, создает структуру города и возникает в его среде².

Город в средние века представлял собой особый образ жизни, со своим бытом, производственным и общественным укладом, формами общежития, со своей культурой³, в том числе культурой правовой. Это добавляет актуально-

сти изучению интересующего нас вопроса, так как городское право осознавало неизбежность конфликтов, возникающих в городской среде в силу объективных причин (скупенность, социальная, экономическая, этническая, конфессиональная, политическая гетерогенность населения); фиксировало прецеденты, формировало категориальный аппарат, а также предлагало способы решения этих конфликтов⁴. Конфликты, в свою очередь, порождали преступление и наказание – продукты общественно-правовой деятельности. Постоянное повторение определенных практик наказания, заточения и казни все более упрочивало в сознании горожан представления об их легитимности⁵. Преступления в средневековом городе, в отличие от деревни, имели некоторые особенности⁶, а средневековый Лондон являл собой любопытный пример проявления различных девиаций, в том числе и в виде преступлений.

Для нашего исследования мы обратились к двум источникам. Первый из них – «Памятные книги Лондона XIII–XV вв.»⁷ – представляет собой сборник документов юридического характера, имеющий прямое отношение к лондонской действительности начала XIV в.: здесь содержится информация о преступлениях, наказаниях, помилованиях, награждениях и пр. Второй источник – протоколы комиссии выездного суда за 1305–1306 гг.⁸ – позволяет извлечь подробные, подчас детальные сведения о преступлениях в Лондоне в указанные годы. Поскольку оба источника включают обширные данные о преступлениях и других проявлениях девиантного поведения⁹, для анализа мы выбрали 1305 г.

В данной статье рассмотрим следующие вопросы: факторы проявления девиантного поведения; классификация преступлений, совершенных в Лондоне в 1305 г., социально-профессиональный состав преступников, виды наказаний.

Лондон в начале XIV в. являлся самым крупным городом в Англии и входил в число европейских «мегаполисов». Он имел деловые отношения почти со всеми странами континента. Особый расцвет лондонской торговли отмечается в начале XIV в., когда треть всех товаров, экспортируемых из Англии, включая шерсть¹⁰, меха¹¹ и вино¹², погружалась на корабли с набережных Лондона¹³. Не случайно именно с начала XIV в. английские купцы начали перехватывать инициативу в торговле у иностранных купцов¹⁴ и сколачивать крупные состояния.

На протяжении XII–XIV вв. происходил колоссальный рост населения: главную роль здесь сыграли такие факторы, как политика властей, успешная торговля и общее «возрождение» Европы¹⁵. В начале XIV в., по мнению Х. Клаута, Лондон достиг демографического пика – 80–100 тыс. человек. Уже тогда столица привлекала к себе мигрантов из других областей (Восточная Англия, Мидленд и юго-восток) и определяла развитие сельского хозяйства в радиусе 70–100 км. – на этой территории возникла сеть торговых городов-сателлитов, которые не только снабжали Лондон провизией, но и закупали зерно для экспорта¹⁶.

Большая численность, скученность, а также неоднородность населения явились одним из факторов проявления девиантного поведения. В начале XIV в. для английских городов в целом характерна имущественная дифференциация населения. Но в Лондоне этот процесс достиг максимума и привел к четкому выделению узкого круга богатейших представителей торгово-ростовщического капитала, весьма значительного среднего слоя самостоятельных ремесленников и лавочников и массы неимущих¹⁷. По данным Л. П. Репиной, наиболее малочисленной была группа населения, владевшая имуществом на сумму более 40 ф. – от 0,1 до 2% от числа всех налогоплательщиков. Но представители именно этой группы платили самые высокие налоги. Количество горожан, имевших за душой от 10 ш. до 2 ф., было самым большим. Эта группа составляла более 50% налогоплательщиков¹⁸ и граничила с городской беднотой, которая не облагалась налогами. Также фискальные отчисления в казну не делали представители духовенства, рыцарства, иностранцы. Следует отметить, что вышеперечисленные категории попадают под другой род дифференциации – юридический. По закону представители этих социально-экономических групп не являлись горожанами или фрименами, то есть «свободными людьми», обладавшими всей полнотой городских прав и привилегий¹⁹. Именно фримены обеспечивали пополнение королевской казны, но их число по отношению ко всему населению города было ничтожно. Ориентируясь на данные, приведенные Л. П. Репиной, можно предположить, что их число на 1305 год находилось в пределах 1200–1250 человек, а в процентном соотношении составляло 1,2–1,5% от общего числа жителей.

Социально-имущественное расслоение было тесно связано и с профессиональной дифференциацией. Так, внутригородское социально-профессиональное расслоение шло по трем направлениям: 1) между старшими и младшими цехами (гильдиями); 2) среди мастеров-ремесленников внутри цехов; 3) между мастерами и подмастерами или учениками²⁰.

Немалую роль в социальной жизни Лондона играли иностранные купцы и ремесленники, некоторые из которых обосновывались здесь на

постоянное жительство. Выходцы из Италии, Фландрии, Франции, германских государств способствовали этническому разнообразию столицы²¹. Но это, в свою очередь, подготовило почву для межэтнических конфликтов. Так, в списках коронеров и выездных сессий суда встречаются уроженцы Ломбардии, Гаскони, Аквитании²².

Дифференциация населения (имущественная, социальная, профессиональная, юридическая, этническая и половая – женщин в средневековых городах было больше, чем мужчин²³) вносила определенную нестабильность и напрямую влияла на проявление и рост преступности.

Таким же дестабилизирующим фактором можно назвать непоследовательность городских властей в части привлечения мигрантов для увеличения числа налогоплательщиков. Власти выступали то за облегчение получения городских привилегий пришлым населением, то за их ограничение, опасаясь, что начнется конкуренция между цехами и свободными ремесленниками²⁴.

Еще одним фактором нестабильности является отношение города с королем. Король являлся одновременно высшим земным защитником и гарантом мира не только в стране, но и городе. В отличие от многих континентальных городов, присутствие английского короля как сеньора города было гораздо ощутимее – с ним приходилось считаться²⁵. Так, в 1298 г. Эдуард I (1272–1307) кассировал (захватил) права Лондона, и городской общине пришлось выкупать обратно свои свободы²⁶. Также Эдуард I организовал несколько военных авантюр, не только покрыв свое имя славой, но и прилично выкачав финансовые средства из городов²⁷. Подобные действия были чреваты нарастанием напряженности внутри городских стен. Все вышеперечисленные факторы в большей или меньшей степени влияли на преступную активность в пределах городских стен.

При Эдуарде I было завершено реформирование судебной системы, начатое Генрихом II (1154–1189). Высшие суды (суд королевской скамьи (Court of King's Bench), суд казначейства и суд общих дел) получили особый состав судей, окончательно закрепилась традиция участия присяжных заседателей, а на заседании парламента 28 февраля – 21 марта 1305 г. был принят ордонанс об организации выездных сессий суда²⁸.

Суды осуществляли свою деятельность под началом специальной комиссии по слушанию и вынесению решений и принимали к рассмотрению некоторые типы исков, которые выдвигались короной или частными лицами. Для назначения судебных разбирательств графства Англии были поделены на пять округов²⁹. Один из них, который можно назвать Домашним, или Главным, округом (*the Home circuit*) включал в себя Кент, Суррей, Сассекс, Миддлсекс и Лондон. Напомним, что еще Генрих I (1100–1135) по хартии 1131 г. приравнял Лондон к графству³⁰. Наш источник содержит информацию только по Лондону и его

окрестностям. Судей для этого округа называли устно в парламенте (для остальных четырех округов их назначали жалованной грамотой от 6 апреля 1305 г.). Главным судьей данного округа был назначен сэр Рэйф Сандвич, бывший мэром Лондона в 1285–1293 гг. Местом заключения подозреваемых и обвиненных была главная столичная тюрьма – Ньюгейт³¹.

Обратимся к источникам. За 1305 г. нами изучены 209 записей о преступлениях, которые произошли именно в Лондоне. Стоит заметить, что зафиксированные в них деяния могли быть совершены ранее, но судебное расследование проходило именно в указанном году. Важно подчеркнуть также, что в одном протоколе чаще всего содержатся обвинения в нескольких преступлениях, поэтому самих действий криминального характера мы насчитали 354.

Т. В. Мосолкина совершаемые в средневековых английских городах преступления делит на три типа: преступления против государства (короны) и церкви, преступления против личности, преступления против собственности³². На наш взгляд, можно выделить еще одну группу – экономические преступления, не связанные с правами собственности. Изученные нами преступления относятся ко всем обозначенным группам. Рассмотрим подробно каждую из групп.

Первая группа. К преступлениям против короны мы относим следующие: заговор (*conspiracy*) – 9 случаев, или 2,5% от всех преступлений; нарушение общественного порядка – гуляние по ночам (*vagrant by night*) – 40 случаев, или 11,3%, и ношение оружия (*with arms*) – 6 случаев, или 1,7%; помощь при побеге от шерифа или из тюрьмы – 4 случая, или 1,1%; а также подделка королевских монет и печати – 3 случая, или 0,8%, и кража писем принца Уэльского – один случай, или 0,3%. Сюда же можно отнести и такое преступление, как злоупотребление или прегрешение (*trespass*) – 29 случаев, или 7,9%. Уточнений, что конкретно это были за злоупотребления, в источниках нет, но в основном обвиняются люди короля – мэры, шерифы, сержанты, а также церковные лица. Скорее всего, речь идет о злоупотреблениях должностными обязанностями, о превышении власти. В целом доля преступлений этой группы составляет 25,7%.

Как видим, самым распространенным преступлением в данной группе являлось гуляние по ночам. Так, некий Джон ле Лан бродил ночью, избивал людей, нарушая мир, а Уолтер ле Фойл мало того, что бродил днем и ночью, так еще и с оружием³³. Второй по распространенности вид преступления – это злоупотребления со стороны должностных лиц, в том числе мэра и шерифов, что наводит на мысли о коррупции и присвоении чужой собственности. Маршал Джон жаловался на бывших шерифов и мэра, что они не подвергли наказанию Уильяма Лейра, который нанес ущерб ему, то есть Джону. Что касается категории «за-

говор», то в наших случаях имелись в виду не попытки выступить против короля, а скорее, объединение группы лиц с целью участия в чамперти. Так, некий Генри де Энефилд обвинялся в заговоре, чамперти и поручительстве по ложным искам³⁴. Самым малочисленным, но, пожалуй, серьезным преступлением против короны было фальшивомонетчество. Как отмечала Е. В. Гутнова, изданный королем в 1298 г. статут о фальшивой монете запрещал ввоз в страну неполноценной, то есть «фальшивой», иностранной монеты³⁵. Видимо, нарушители закона либо приобретали такие неполноценные монеты и распространяли их среди населения, либо сами ее чеканили. Кроме чеканки поддельных монет, преступники подделывали и королевскую печать.

Вторая группа. Преступления против личности самые многочисленные, они составляют 59,6% от числа всех преступлений. Это убийство (*homicide, slay*) – 32 случая, или 9%; разбой (*robbery*) – 19 случаев, или 5,4%; избивание (*beating*) – 69 случаев, или 19,5%; нанесение особо тяжких телесных повреждений (*wound, ранение*) – 14 случаев, или 3,95%; изнасилование (*rape*) – 1 случай, или 0,3%; плохое обращение (*ill treatment*) – 12 случаев, или 3,4%; обвинение в недобросовестности (*ill doyer, плохой человек*) – 27 случаев, или 7,6%; укрывательство преступников или краденого (*receiving*) – 33 случая, или 9,3%; похищение (*abduction*) – 4 случая, или 1,1%.

Избивание, как видно, лидирует по числу упоминаний в записях. Так, например, Адам де Бласкаль не только бродил ночью с оружием, но избил своего отца Уолтера, вытащил его из дома и поколотил мостового сержанта Генри Бодэ³⁶.

Укрывательство краденого, воров и убийц – одно из немногих преступлений, карающихся смертной казнью. Именно за укрывательство было повешено больше всего людей. Так, Джон Алейн и его жена Кэтрин клялись, что не укрывали некоего Уильяма де Бурго. Судьи постановили, что Джон невиновен, а это вина Кэтрин, которую повесили³⁷.

Убийства менее многочисленны, но занимают третье место в этой группе. Убийство, кража со взломом и кража имущества на сумму более шиллинга³⁸ относились к категории тяжких уголовных преступлений. Убийство со временем стали подразделять на убийство по намерению, когда жертву действительно хотели убить (*murder*), и на убийство по случайности (*menslaughter*), когда виновный намеревался нанести жертве телесные повреждения, но не стремился ее убить, либо убийство стало результатом самозащиты³⁹. В протоколах выездного суда можно встретить такие записи: «Джон, сын Саймона ле Котиллера, обвиняется в присутствии короля в убийстве Томаса ле Котиллера в Ист Смифелде...»⁴⁰; «Питер Непс, гасконец, Бидалун Сегин, Арнольд Бургин, Бартоломью, слуга Бидана де Коса, обвиняются перед коронером и шерифами Лондона в убийстве

Уильяма Уэстнела в Винтри...»⁴¹ А некий Филип ле Хорнер убил Изабель, свою жену, и был повешен⁴².

Для сопоставления можно привести исследование Г. Саммерсона из Оксфорда. Он исследовал преступления на основании свитков выездной сессии суда за 1321 г., где рассматриваются преступления с 1276 года. Так, за 45 лет он насчитал 674 случая убийств в Лондоне, а в среднем за год совершалось около 15 убийств. Но по сравнению с другими городами и графствами это небольшой показатель. По расчетам Г. Саммерсона, в Эссексе было совершено за год около 25 смертоубийств, а в Девоне – 37⁴³.

Третье по численности преступление в данной группе составляет разбой. Некий Джон де Уггель обвинялся в разбойном нападении на Иво де Финченгфельда: он украл у Иво товара на 20 марок⁴⁴. Про знаменитых английских разбойников один итальянский купец писал так: «Нет в мире страны, где было бы так много воров и грабителей, как в Англии; число их столь велико, что лишь очень немногие путники решаются в одиночку держать путь через сельскую местность иначе как среди бела дня, и еще меньше таких, кто отважится в городе выйти на улицу ночью, и менее всего – в Лондоне»⁴⁵. Именно за разбой и кражи чаще всего приговаривали к смерти, о чем подробнее будет сказано ниже.

Самым малочисленным (всего один случай), но не менее серьезным преступлением является изнасилование. Так, некий Роберт Воудкок, работник питейного заведения, обвинялся в изнасиловании Беатрис, жены Адама Фрера, своего «коллеги». Этот Роберт не только надругался над Беатрис против воли ее мужа, но также захватил вещи Адама, при этом, избив его, угрожал его жизни⁴⁶.

Также против женщин были совершены такие преступления, как избивание (в роли экзекуторов выступали как собственные мужья, так и незнакомцы), плохое обращение и похищение⁴⁷. В протоколах выездной сессии суда содержится следующая информация. Уильям Бост обвинялся в том, что вместе с другими врвался в дома Алана де Рединга, Рэйфа де Аскендона и Уильяма Уостела. Всех их силой вывели из домов, избивали, ранили, а также плохо обращались с их женами и другими домочадцами в нарушение мира⁴⁸. Или, например, Ричард, сын Джона Маршала, похитил жену Стивена из Херефорда с ее вещами тоже в нарушение мира. Но, как следует далее из текста, Ричард был любовником жены Стивена, соседи и друзья застали их за адюльтером, но Ричарду удалось скрыться. А пока Стивена не было дома, его жена собрала вещи (большой частью его) и сбежала. Потом ее нашли, и она помирилась с мужем, поэтому обвинение в похищении с Ричарда было снято⁴⁹.

Почему преступления первой и второй категории – самые многочисленные? Можно предположить, что на это повлияли не только дестаби-

лизирующие факторы, о которых мы упоминали выше, но и человеческий фактор. Зависть, месть, страсть, злость, неводержанность, агрессия, желание напасть – все эти качества легли в основу того или иного преступления.

Третья группа. Преступлений против собственности не так много, всего 32 случая, то есть 9%. К ним относятся: кража со взломом (*larceny, burglary*) – 8 случаев, или 2,3%, и воровство (*theft, stolen*) – 19 случаев, или 5,3%, незаконное лишение права собственности (*disseisin*) – 5 случаев, или 1,4%. Как видим, актов воровства в данной группе было совершено больше всего. Как отметила О. И. Тогоева, в городе для воров больше наживы, а также в нем больше возможности затеряться в толпе, нежели в деревне. Крали в основном либо домашний скарб (посуду, пуговицы или одежду)⁵⁰, либо промышляли уличным грабежом. Так, одного ночного гуляку обвинили в воровстве двух меховых шкур, в мелких карманных кражах, а также и в разбое⁵¹.

Четвертая группа. Преступления экономического характера весьма разнообразны, но малочисленны – всего 20 случаев, то есть 5,7%. К подобным деяниям мы отнесли: сбыт краденого – 1 случай, или 0,3%; сдача дома под бордель (*leasing of house for harlots*) – 2 случая, или 0,6%; сутяжничество (*barrator*) – 8 случаев, или 2,3%; чамперти (*champerty, champertor*), представлявшее собой незаконное вмешательство в судебный процесс другого лица и являвшееся одной из разновидностей незаконного судебного финансирования, но с более отягчающими обстоятельствами⁵² – 6 случаев, или 1,7%; мошенничество и долги – 3 случая, или 0,8%. Самыми распространенными преступлениями в данной группе были сутяжничество и чамперти, а самым малочисленным – сбыт краденого. Так, ювелира Джона из прихода св. Эдмунда повесили за то, что он приобрел и укрыл у себя королевские сокровища⁵³. А клерк церкви св. Петра Джона Блома обвиняли в том, что он дурной человек, сутяга, а также бродил ночью и избивал людей. Долги были не только денежные, но и вещественные: Адам из прихода св. Олбана, торговец скобяными изделиями, был должен сэру Рэйфу де Хенгхему бочку вина⁵⁴.

Преступления третьей и четвертой группы напрямую зависят от экономической и социальной дифференциации населения. Желание улучшить свое материальное положение было присуще не только городскому плебсу и окрестным разбойникам, но и вполне благопристойным горожанам.

Теперь обратимся к социально-профессиональному составу преступников. Оговоримся сразу, что большая часть источников умалчивает о социальном статусе преступника и его принадлежности к какому-либо профессиональному сообществу. Не стоит обращать внимание и на фамилии преступников, так как часто выявляется несоответствие: например, Джон Тайлер (ткач) может оказаться дрейпером, то есть суконщиком.

Мы выделили следующие группы преступников:

1. *Ремесленники и торговцы*: ювелиры, торговцы шелковыми тканями и бархатом, торговцы готовым платьем, торговцы пряностями, продавцы скобяных изделий, продавцы рыбы, суконщики, владельцы таверн, портные, кожевники, мясники, столяры, скорняки, лодочники, пекари, повара, шляпники, ножовщики, лесники, пивовары, кузнецы, работники питейных заведений, моряки, художники;

2. *Служащие муниципалитета*: сержанты, маршал.

3. *Церковники*: клерки, капелланы, церковный староста, младший каноник;

4. *Слуги и люди из свит феодалов*: оруженосцы, грум;

5. *Маргиналы*: проститутки, разбойники.

В первой группе самыми криминальными были портные и ювелиры. Последние в основном укрывали воров и краденое, но также совершали преступления против общественного порядка и избивали людей⁵⁵. Так, Джон, ювелир, порезал кулак Саймону ле Клерку⁵⁶. А портные отличались весьма буйным нравом: гуляли в неурочный час по улицам, возмущали спокойствие, как в случае с Дэвидом де Иресом⁵⁷.

Представители второй категории были замечены в злоупотреблениях: Джон, маршал Лондона обвинил в злоупотреблениях мэра и шерифов⁵⁸. Также власть имущие обвинялись в соучастии в преступлениях. Например, Томас Уэлл, сержант шерифа, был повинен в том, что укрывал карманников и делил с ними добычу. Но судьи признали его невиновным⁵⁹.

Клирики больше замешаны в экономических преступлениях, сутяжничестве, злоупотреблениях и нанесении побоев. Так, Уильям де Уикамбл, младший каноник, обвинялся в недобросовестности и избииении людей ночью, а капеллан Ричард Хиринг бродил по ночам и избивал людей, а также был замешан в махинациях с недвижимостью⁶⁰. Джон Блом, клерк церкви св. Петра на Уодстрит, обвинялся в преступлениях (*felonies*), был задержан, но сбежал от помощника шерифа, и очевидцы, в основном ювелиры, не оказали никакой помощи, чтобы его остановить⁶¹.

Оруженосцы и грумы отмечены в достаточно серьезных преступлениях. Так, Ричард, грум сержанта шерифа, отпустил подозреваемого в краже со взломом и дал ему меч для защиты, за что был повешен⁶². А Роберт ле Тавернер был обвинен в сутяжничестве и нарушении общественного порядка⁶³.

Преступники из последней группы – самые многочисленные. Городская беднота, бывшие солдаты организовывали шайки и занимались грабежом⁶⁴.

Какие наказания были предусмотрены в Лондоне за совершенные преступления?

Как уже отмечалось, за тяжкие преступления была предусмотрена высшая кара – смерть через

повешение. Именно так казнили за разбой, кражи и укрывательство воров и краденого. Из 354 случаев казни подверглись лишь 16 (!) человек. В число казненных вошел один иностранец – гасконец – за убийство лондонца, а также четыре женщины: одна – служанка, которая украла серебряные ложки и пальто⁶⁵, а остальные укрывали воров и убийц: проститутка⁶⁶, жена подозреваемого⁶⁷ и женщина-ножовщик⁶⁸. Еще одной укрывательнице воров удалось на время спастись – суд подтвердил ее беременность⁶⁹. Остальные повешенные были как ремесленниками (вспомним про ювелира, решившего обогатиться за счет краденого, или укрывателей преступников или вещей), так и маргиналами, в основном разбойниками и ворами⁷⁰. Еще двоих казнили за чеканку фальшивой монеты⁷¹ и за убийство жены⁷².

Подавляющее большинство обвиненных было отпущено под залог поручителей (*pledge of mainprisers*), в качестве которых выступали достойные уважения и доверия люди. Например, поручители обязались «следить за ... мирным поведением в будущем» (*to mainprise for his peaceable and well behavior in future*)⁷³ человека, которого заподозрили в избииении и нарушении общественного порядка. Либо же обвиняемый платил штраф в пользу короля. Размеры штрафов варьировались в зависимости от тяжести преступления от нескольких марок до 100 фунтов⁷⁴.

Меньшую часть обвиняемых судьи оправдывали. Вот только некоторые такие случаи. Настоятель монастыря обвинил продавца пшеницы в том, что монастырь выплатил всю сумму за зерно, а купец привез только его часть. Сам продавец объяснил судьям, что письма настоятеля, подтверждающие оплату, до него не дошли⁷⁵. Некоторых убийц и ночных нарушителей порядка помиловали⁷⁶, поскольку они воевали за короля в Шотландии, проявляли доблесть и готовы были умереть во имя короля. Совсем ничтожное число преступников заключали пожизненно в тюрьму: так произошло с насильником⁷⁷.

Таким образом, проанализировав источники по судебным разбирательствам в Лондоне, можно сделать следующие выводы. Во-первых, наблюдается большое разнообразие преступлений. Самым распространенным было избииение и гуляние по ночам: 69 и 40 случаев соответственно. Скорее всего, такое большое число подобных преступлений было совершено под влиянием алкоголя и в силу склада характера. А преступления против собственности и экономические преступления были самыми малочисленными. Возможно, по причине серьезных наказаний (вплоть до повешения) за присвоение чужого имущества, средневековые лондонцы боялись совершать подобное, если не являлись профессиональными ворами и грабителями. Во-вторых, преступления совершали представители различных социально-профессиональных групп: ремесленники, торговцы, клирики, административные лица, маргинальные

элементы. Выделить какую-либо одну доминирующую группу на сегодняшний день не представляется возможным. Преступником мог стать любой человек – и полноправный горожанин, и любой пришлый человек, и маргинал. В-третьих, наказание включало в себя оплату штрафа, поручительство, заключение в тюрьму и смертную казнь через повешение. К крайней мере прибегли за 1305 г. всего 16 раз. В основном подобной участи подверглись воры.

Лондон того периода можно считать более безопасным городом, по сравнению с другими крупными и средними городами Англии, что подтверждает исследование Г. Саммерсона. И, тем не менее, уровень преступности здесь в начале XIV в. был столь высок, что король Эдуард II (1307–1327) в 1310 г. вынужден был издать специальный указ «О предотвращении преступлений и злодеяний в городе»⁷⁸.

Примечания

- 1 См.: Варьяш О. И. От редактора // Право в средневековом мире : сб. ст. / отв. ред. О. И. Варьяш. М., 1996. С. 5.
- 2 См.: Рексрот Ф. Топография наказания и представления о социальном порядке : лондонские тюрьмы в позднее средневековье / пер. с нем. Е. В. Казбековой // Средние века. 2005. Вып. 66. С. 152.
- 3 См.: Сванидзе А. А. Средневековые города Западной Европы : некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма. М., 1999. С. 9.
- 4 См.: Чернова Л. Н. Криминальная повседневность Лондона XIV века // Британские чтения : сб. науч. ст. Саратов, 2016. Вып. 2. С. 125.
- 5 См.: Рексрот Ф. Указ. соч. С. 152.
- 6 См.: Тогоева О. И. Казнь в средневековом городе : зрелище и ритуал // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 3 : Человек внутри городских стен. М., 2000. С. 353.
- 7 См.: Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries / ed. by H. Riley. L., 1868. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения 12.08.2018).
- 8 См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306 / ed. by R. B. Pugh. L., 1975.
- 9 См.: Булаева М. Н. Девиантное поведение в английском городе XIV–XV вв. : постановка проблемы // Историческая наука и судьбы историков : преемственность и инновационные подходы : материалы Всерос. науч. конф. в рамках Междунар. науч. симпозиума «Столетие гуманитарного образования в Саратовском государственном университете : диалог времен – прошедшего, настоящего и будущего», посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ (14 ноября 2017 г.) : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2017. С. 44–48.

- 10 См.: Репина Л. П. К вопросу о профессиональной, имущественной и социальной дифференциации городского сословия в Англии XIV в. // Средние века. 1974. Вып. 38. С. 236.
- 11 См.: Veal E. M. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966. P. 228.
- 12 См.: Barron C. M. London in the Later Middle Ages. Government and People 1200–1500. Oxford, 2005. P. 412–413.
- 13 См.: Power A. The wool Trade in the Fifteenth Century // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N. Y., 1933. P. 55.
- 14 См.: Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков : олддермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов, 2005. С. 102.
- 15 См.: Клаут Х. История Лондона / пер. с фр. Е. Д. Мурашкинцевой. М., 2002. С. 30.
- 16 Там же. С. 31.
- 17 См.: Репина Л. П. Указ. соч. С. 245.
- 18 Там же. С. 237.
- 19 См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб., 2016. С. 64, 66.
- 20 См.: Репина Л. П. Указ. соч. С. 245.
- 21 См.: Клаут Х. Указ. соч. С. 36.
- 22 Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. С. 98.
- 23 См.: Праздников А. Г. Английский город XIV–XV веков : социальная структура и менталитет. Киров, 2007. С. 43.
- 24 См.: Рексрот Ф. Указ. соч. С. 157.
- 25 Там же. С. 156.
- 26 См.: Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента (из истории и общества английского государства XIII века). М., 1960. С. 202.
- 27 Подробнее о войне с Шотландией см.: История Великобритании / под ред. К. О. Моргана. М., 2008. С. 120.
- 28 См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. P. 3.
- 29 Ibid.
- 30 См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. С. 97.
- 31 Подробнее о средневековых лондонских тюрьмах см.: Winter C. Prisoner and punishments in Late Medieval London. L., 2012.
- 32 См.: Мосолкина Т. В. Преступность в английском средневековом городе в последней трети XV века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 57.
- 33 См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. С. 49.
- 34 Ibid. P. 84.
- 35 См.: Гутнова Е. В. Указ. соч. С. 191–192.
- 36 См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. С. 61–62.
- 37 Ibid. P. 72.
- 38 См.: Зальцман Л. Ф. Жизнь Англии в Средние века / пер. с англ. С. А. Рассединой. СПб., 2014. С. 237–241.
- 39 См.: Зальцман Л. Ф. Жизнь Англии в Средние века. С. 238–239.

- ⁴⁰ См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. P. 69.
- ⁴¹ Ibid. P. 70–71.
- ⁴² Ibid. P. 106.
- ⁴³ См.: *Summerson H.* Peacekeepers and Lawbreakers in London, 1276–1321 // *Thirteenth Century England XII : Proceeding of the Gregynog Confederence.* Cambridge, 2007. P. 107–122.
- ⁴⁴ См.: Writ for the replevin of John de Uggele ; and Return thereto. 33 Edward I. A.D. 1305 // *Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries.* P. 58–59. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения 12.08.2018).
- ⁴⁵ Цит по : *Зальцман Л. Ф.* Указ. соч. С. 233.
- ⁴⁶ См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. С. 70.
- ⁴⁷ Подробнее о преступлениях против женщин см.: *Dunn C.* *Stolen Women in Medieval England.* Cambridge, 2013.
- ⁴⁸ См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. С. 61.
- ⁴⁹ Ibid. P. 84–85.
- ⁵⁰ Ibid. P. 37, 72, 75, 89.
- ⁵¹ Ibid. P. 89, 115.
- ⁵² См.: История судебного финансирования за рубежом и его развитие в России. URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/istoriya-sudebnogo-finansirovaniya-za-rubezhom-i-ego-razvitie-v-rossii/> (дата обращения 15.08.2018).
- ⁵³ См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. P. 63.
- ⁵⁴ См.: Main prise for a tun of wine, due to Sir Ralph de Hengham, Justiciar. 33 Edward I. A.D. 1305 // *Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries.* P. 55.
- ⁵⁵ См.: Calendar of London trailbaston trials under commissions of 1305 and 1306. P. 62.
- ⁵⁶ Ibid. P. 89.
- ⁵⁷ Ibid. P. 69.
- ⁵⁸ Ibid. P. 59.
- ⁵⁹ Ibid. P. 80.
- ⁶⁰ Ibid. P. 88, 90.
- ⁶¹ Ibid. P. 60.
- ⁶² Ibid. P. 64.
- ⁶³ Ibid. P. 89.
- ⁶⁴ Ibid. P. 58.
- ⁶⁵ Ibid. P. 65.
- ⁶⁶ Ibid. P. 78.
- ⁶⁷ Ibid. P. 72.
- ⁶⁸ Ibid. P. 103.
- ⁶⁹ Ibid. P. 69.
- ⁷⁰ Ibid. P. 69, 82.
- ⁷¹ Ibid. P. 73.
- ⁷² Ibid. P. 59.
- ⁷³ Ibid. P. 52, 53.
- ⁷⁴ Ibid. P. 61, 67, 73, 82.
- ⁷⁵ Ibid. P. 55.
- ⁷⁶ Ibid. P. 100.
- ⁷⁷ Ibid. P. 70.
- ⁷⁸ См.: *Чернова Л. Н.* Криминальная повседневность Лондона XIV века. С. 127.

Образец для цитирования:

Булаева М. Н. Преступность в Лондоне в начале XIV века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-36-42>

Cite this article as:

Bulaeva M. N. Crime in London at the Beginning of the 14th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 36–42 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-36-42>

УДК 061.236.61(100)

Власть и масонство в эпоху нового времени: противостояние или союз?

С. Е. Киясов

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена процессам взаимодействия регулярных масонских лож и государственных институтов в эпоху Нового времени. Автор подчеркивает, что наиболее активно сотрудничество власти и масонства развивалось на рубеже XVIII–XIX столетий. На основе прочтения оригинальных источников и литературы автор делает вывод об изначальном отсутствии противоречий между масонами и государством.

Ключевые слова: регулярное масонство, Объединенная Великая ложа Англии, масонство Североамериканских колоний, Великий Восток Франции.

The Authority and Masonry in the Modern History: Confrontation or Union?

S. E. Kiyasov

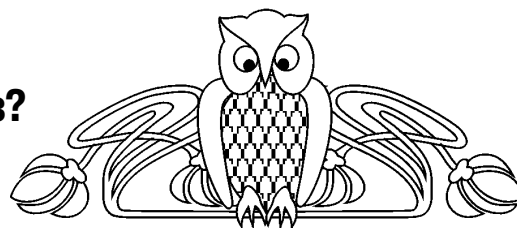
Kiyasov Sergey E., <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, sergeykiyasov@mail.ru

The article is devoted to the processes of interaction of regular Masonic Lodges and state institutions in the Modern History. The author emphasizes that the most active cooperation of power and Masonry developed at the turn of the 18th and the 19th centuries. Based on reading authentic sources and literature the author draws a conclusion about initial absence of contradictions between the masons and the state.

Keywords: regular Masonry, the United Grand Lodge of England, Masonry of the North American colonies, Grand Orient of France.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-43-51>

Новые ложи «вольных каменщиков», действующие вне строительных структур (цехов, гильдий), получили самое широкое распространение в послереволюционной Англии. В качестве закрытых элитарных собраний они приобрели особую популярность в Лондоне. В 1693 г. в столичном городе их насчитывалось не менее десятка¹. С конца XVI столетия, открывающего «шотландский» век в масонской истории², зарождавшееся интеллектуальное Братство проделало уникальную идейно-организационную эволюцию. По её итогам участники внутримасонской модернизации сумели продолжить свою корпоративную историю. В хронологических рамках XVII столетия независимый статус помог английским масонам не раствориться в эзотериче-

ских подразделениях интернационального Ордена розенкрейцеров. Новоявленные масоны-философы не были также поглощены популярными и влиятельными клубными собраниями Англии. Подобно мифическому Фениксу, старые ложи «вольных каменщиков» сумели возродиться и перевоплотиться, наладив последующую работу в необычной, мистико-аллегорической форме. В то же время провозглашенные ими мессианские идеи никогда не расходились с прагматическими оценками окружающего мира, включая политику. Так, во второй половине XVII столетия большинство английских масонских структур своевременно объявили о разрыве со своими недавними покровителями Стюартами, которые лишились власти. Тем самым новые масоны недвусмысленно и решительно поддержали состоявшиеся в стране революционные перемены. В начале XVIII столетия, следуя наставлениям своего признанного лидера, архитектора и философа Кристофера Рена (1632–1723), английские каменщики сумели окончательно «перерезать пуповину» патриархальных ремесленных традиций и сосредоточились на реализации актуальных, востребованных социальных проектов. Тем самым, «вольные каменщики» Англии сделали окончательный выбор в сторону формирования принципиально новой организационной структуры – масонской просветительской конспирации. Однако по мере «приближения» к политике новые масоны стали восприниматься «внешним миром», то есть непосвященными, в качестве организаторов и участников тайной, враждебной обществу, организации³. Дальнейшие усилия их лидеров (Джон Теофил Дезагюлье, Джеймс Андерсон, Джордж Пейн), нацеленные на быструю кодификацию нового движения, не менее существенно подкрепили негативное оценочное общественное мнение. Наиболее важный итог их действий, направленных на завершение модернизации английского масонства, это конституирование Великой ложи. Её провозглашение состоялось 24 июня 1717 г. на территории собора св. Павла в центре Лондона⁴. После появления этого организационного центра собрания сторонников нового светского божества – Великого Архитектора Вселенной – получили уникальную возможность для максимально быстрого и массового распространения не только в Англии, но и по всей континентальной Европе.

Успехи эзотерического масонского Братства привлекли внимание консерваторов-охранителей, которые изначально восприняли его участников

в качестве опасных заговорщиков, выступавших против институтов Государства и Церкви. В авангарде первых антимасонских компаний оказался Ватикан – гарант незыблемости и прочности католического мира. Именно здесь в Риме усилиями папы Климента XII 4 мая 1738 г. была составлена и распространена первая святейшая энциклика, направленная на скорейшее запрещение деятельности лож «вольных каменщиков»⁵. Отметим в этой связи, что прозвучавший призыв был обращен не только к церковным иерархам, но и к светским властям. Более того, требования папской курии немедленно подавить и уничтожить «масонскую ересь», объявить ложи вне закона следовало исполнить не просто неукоснительно, но и повсеместно. Однако большинство европейских католических монархов не подчинилось столь жесткому вердикту. В саботаже постановлений Рима оказались, например, замешены власти католической Франции⁶. Столь вопиющая несогласованность антимасонских действий, безусловно, нуждается в комментариях и осмыслении.

В контексте перемен, переживаемых буржуазной Европой, позиция католического Рима по отношению к «масонской угрозе» была абсолютно оправданной и глубоко мотивированной. Масонство, причудливо сочетающее в своей идеологии эзотерические, религиозные и естественно-научные представления, выступало, прежде всего, в качестве ниспровергателя традиционного, устоявшегося концепта христианской веры. По этой причине в хронологических рамках века Просвещения оно представляло непосредственную угрозу авторитету и учению Католической церкви. Даже призывы масонских «Конституций» Джеймса Андерсона⁷, нацеленные на поддержание веры и осуждение атеистов, не могли сокрыть главного в его деятельности и общении с человеком. В этом направлении приоритетным для масонства являлось самостоятельное, внецерковное познание тайны Бытия и особое, светское по сути, нравственное просвещение человека («духовное строительство»). По мнению идеологов масонского Братства, только люди, приобщенные к «мудрости веков» (посвященные, но вовсе не церковные иерархи), могут в полной мере развить в себе высокие нравственные качества и «строить Храм» будущего человечества. При этом индивиду следовало руководствоваться не столько религиозным сознанием, сколько эмпирическим опытом и мистическим вдохновением, приобретаемым в процессе изучения древних символов, аллегорий и практики «братских», то есть из системы внецерковных отношений. К разочарованию Римской курии её призывы и предостережения так и не были услышаны действующими властями. На наш взгляд, главной причиной наблюдаемой обструкции по отношению к позиции Церкви по «масонскому вопросу» явилась приверженность части правящей элиты ведущих европейских стран активно распро-

страняемым идеалам Просвещения, в частности концепту просвещенной монархии. Напомним, что деятельными сторонниками контролируемой либерализации властных структур и всей системы общественно-политических отношений во второй половине XVIII столетия были такие монархи, как Фридрих II Прусский, Иосиф II Австрийский, Екатерина II Великая, Густав III Шведский и многие другие европейские властители, искренне мечтавшие о торжестве принципов правления «короля-гражданина». Находясь под влиянием столь привлекательных и, как представлялось многим, передовых теорий, они причислили структуры «нового» масонства к разряду своих идейных союзников и даже поддержали его своим личным участием. Не менее весомым аргументом являлось и то обстоятельство, что масонские ложи являлись модным и успешным идейным «продуктом» такого передового европейского государства, каким в Европе выступала буржуазная Англия. Не случайно именно на ее территории состоялось первое практическое использование масонской организации в качестве этатистского, легального и официально признанного властью общественно-политического института. Таким образом, явные признаки тайного общества, усматриваемые за деятельностью масонства его наиболее консервативными исследователями и критиками, никого из государственных мужей Европы не пугали. С точки зрения соблюдения государственных интересов и безопасности «новые» масонские организации, подконтрольные властям, действовали вполне легально, поскольку служили национальным интересам, особенно с расчетом на перспективу. История становления нового масонства в Англии является яркой и убедительной тому иллюстрацией.

Как уже было отмечено выше, королевство Великобритания стало родиной грандиозного «масонского проекта». Начало его реализации было сопряжено с решением проблемы унификации регулярных масонских структур, а также с обеспечением их лояльности по отношению к правящей династии Ганноверов. Для достижения искомого результата потребовалось утверждение в руководстве Великой ложи лояльных людей. Для этого, в частности, следовало сместить с поста Великого мастера герцога Филиппа Уортона (1698–1731), который оказался креатурой оппозиционной, якобитской ветви движения «вольных каменщиков». По сведениям исторического очерка книги «Конституций» Джона Интейка, 24 июня 1722 г. мятежный герцог был утверждён в должности Великого мастера⁸. Короткое время спустя, 17 января 1723 г., он был провозглашен Великим мастером всех английских масонов («старых» и «новых»). Однако 25 апреля 1723 г. герцога-якобита удалось сместить с занимаемого поста. Новым Великим мастером стал сторонник масон-реформаторов Фрэнсис Скотт, граф Дэлкейт⁹. В одержанной победе большую роль сыграла книга

«Конституций» Джеймса Андерсона (1679–1739), активного сторонника и пропагандиста обновленного масонства. После утверждения её положений руководство Великой ложи Лондона осуществило перерегистрацию действующих регулярных лож, объявив о непризнании тех масонских структур, которые не проводили регулярных собраний. Окончательная унификация в среде «новых» масонов Англии была достигнута в 1728 г. Этому способствовало обязательное признание структурами обновленного масонства положений (идейных и регламентных) книги «Конституций» Джеймса Андерсона. По итогам проделанной работы Великая ложа Лондона в 1729 г. была преобразована в Великую ложу Англии (Grand Lodge of England). В апреле 1736 г. в регулярных масонских ложах Англии был установлен единый порядок делопроизводства, который предусматривал обязательное протоколирование каждого рабочего заседания. По итогам унификации, осуществленной Великой ложей Англии, деятельность масонских регулярных структур была взята под её жёсткий контроль.

Показательно, что в процессы формирования обновленного масонского движения были включены также территории Ирландии и Шотландии. Вне пространства Лондона первая из «новых» Великих лож была провозглашена в 1725 г. в ирландском Дублине. Великим мастером регулярных масонов здесь был избран Ричард Парсонс, граф Росс. Десятилетие спустя состоялось рождение Великой ложи Шотландии. Её первым Великим мастером в 1736 г. стал Уильям Синклер, барон Рослин, потомок семейства Сен-Клеров (Синклеров), которое традиционно патронировало местных ремесленников-строителей. Обе структуры установили прочные рабочие контакты с Великой ложей, расположенной в Лондоне, что свидетельствовало о руководящей роли последней в общенациональной масонской иерархии.

Последующий этап развития масонского движения на территории Великобритании был связан с достижением организационного и обрядового единства. Последним препятствием на этом пути было существование «старых» структур «вольных каменщиков». Вначале их интересы представляла Ложа Йорка (Lodge of York). В декабре 1725 г. она провозгласила себя Великой ложей всей Англии (Grand Lodge of all England). В 1752 г. открыл работу Верховный Орден св. Королевской Арки (Supreme Order of the Holy Royal Arch). Он объявил о своем исключительном праве присваивать высокие степени посвящения в соответствии с древними традициями оперативного братства «вольных каменщиков»¹⁰. Несмотря на свою автономию, и эта масонская структура сохраняла лояльность к существующей власти, хотя и возглавлялась ирландцем Лоуренсом Дермоттом (1720–1791). Важно отметить, что в среде масонов-обновленцев и братьев «старого» уклада нити управления быстро перешли к представителям правящих кругов. Первым представителем королевского семейства

в рядах «нового» масонства стал Фредерик Людвиг, принц Уэльский¹¹, принятый в ложу в ноябре 1737 г. Вовлечение в масонство претендента на престол привело к повышенному интересу к ложам и самому движению, набравшему популярность. Как итог, в структуры, подконтрольные как Великой ложе Англии, так и Великой ложе Древних масонов Англии, стали активно вступать представители столичного высшего света: аристократы, военные, чиновники. Немаловажно отметить, что масоны пользовались покровительством не только правящей династии, но и протестантской Англиканской церкви, которую традиционно возглавляли британские монархи. В сложившейся ситуации представители монаршего дома – короли и наследные принцы – видели в масонах лояльных подданных и опору собственных имперских амбиций. По этой причине в Великобритании масонские ложи не подвергались гонениям. Никогда и никто из членов масонского Братства не был здесь наказан за участие в работе якобы тайной, противоправной организации. Такая политика властей потребовала ответных действий, в частности, она обозначила неизбежность объединения масонских структур страны. В не меньшей степени своей невольной рекламой она способствовала увлечению масонством при дворах большинства просвещенных правителей заграничной, континентальной Европы.

Итоговые события консолидации масонского движения Великобритании состоялись в начале XIX столетия и совпали с рождением нового, имперского государства – Соединенного Королевства (1800). Заметную роль на этой стадии эволюции, несомненно, сыграло утвердившееся в английском масонстве главенство просветительской, а позже – либеральной идеологии. Тяготение к мистицизму, преобладавшее в среде «старого» масонства, существенно сужало возможности его влияния в обществе. Длительный процесс примирения и сближения масонских организаций Великобритании завершился 25 ноября 1813 г. В этот день в Лондоне был подписан «Акт Союза», который юридически оформил объединение «старых» и «новых» масонов Соединенного Королевства. Вслед за этим 27 декабря 1813 г. в Freemasons Hall – с 1775 г. главный масонский храм Лондона – состоялось провозглашение Объединенной Великой ложи Древних Франкмасонов Англии (United Grand Lodge of Ancient Freemasons of England). По предложению принца Эдуарда, герцога Кентского, представлявшего интересы «старых» масонов, младший сын короля Георга III, Август Фредерик, герцог Суссекский, был избран первым Великим мастером новой Объединенной Великой ложи. К ней, сохранив свою прежнюю автономию, верноподданнически примкнули Великие ложи Ирландии и Шотландии. Процесс масонской консолидации в Соединенном Королевстве завершился утверждением единого обрядового культа – Йоркского ритуала.

Преобразования, связанные с унификацией масонских структур на территории Великобритании, придали движению дополнительную устойчивость и влияние. Провозглашение Объединенной Великой ложи Англии по сути превратило национальные ложи «вольных каменщиков» в специфический, экспериментальный государственный институт. Важно подчеркнуть, состоявшиеся в нем организационные метаморфозы были инициированы людьми, также приближенными к власти (К. Рен и Д. Т. Дезагюлье – члены Королевского общества), и, следовательно, оказались полностью подконтрольными правящей династии Ганноверов.

Разумеется, опыт Великобритании по использованию масонского интеллектуального потенциала в вопросах модернизации государственного строительства не мог остаться незамеченным. Тем более что территория этого государства стала плацдармом для организации целенаправленного внешнего распространения масонской идеологии и практики. Масонские «Конституции», переизданные в 1756 г. Джоном Интейком, содержат на своих страницах упоминания регистрационных номеров нескольких сотен лож, в том числе зарубежных, открытие которых было санкционировано Великой ложей Англии. Результаты столь мощной идейной экспансии не заставили себя ждать. Имплантация масонских структур как неофициальных совещательных интеллектуальных собраний с участием первых лиц государства в систему внутреннего управления наблюдалась в Швеции, Пруссии и даже в России¹². В этих странах появились собственные Великие Национальные ложи, элитный состав которых позволяет констатировать наличие возможности их реального влияния на содержание принимаемых государственных решений. Тем самым не будет преувеличением констатация возможности существования практики неофициального и скрытого сотрудничества масонских структур со структурами государственными. Был ли этот процесс результатом спланированного масонского заговора? Для многих исследователей, даже современных, положительный ответ на такой вопрос очевиден¹³. Впрочем, на наш взгляд, возможен вывод иного порядка. Как свидетельствует опыт Великобритании, современное масонство – это продукт «двойного происхождения». То есть результат совместных усилий интеллектуалов-просветителей и самого государства, с очевидностью стремящихся к стабильности в условиях назревшего общественного переустройства. Исходя из такой оценки, система отношений между масонскими структурами и комплексом государственных институтов приобретает совершенно другое видение. Во всяком случае, непредвзятый, объективный анализ не исключает возможности достаточно тесного сотрудничества этих двух, казалось бы, полярных сил. Любопытно, но ситуация, наблюдаемая в наши дни, подтверждает сделанный вывод. Во

всяком случае, в начале XXI столетия, в ареале Западной цивилизации, наблюдается тщательно отрегулированная наднациональная система сотрудничества масонства и государственных институтов, участником которой является даже Ватикан. В качестве весомого аргумента, подтверждающего такой вывод, могут быть представлены усилия «вольных каменщиков» Североамериканских колоний Англии, а также имперского масонства Наполеона Бонапарта.

Координирующая и направляющая роль американского масонства в сфере политики, которая проявилась уже на стадии Войны за независимость, отмечена многими специалистами¹⁴. В частности, они указывают на принадлежность к ложам большинства североамериканского истеблишмента, включая «отцов нации» и первого президента Джорджа Вашингтона. Влияние масонства только усилилось на стадии формирования институтов послереволюционного демократического государства. Важнейшие константы ортодоксальной масонской идеологии присутствовали уже в Декларации независимости (1776). Отметим, что этот исторический текст подготовили такие знаменитости, как Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Роберт Шерман, Роберт Ливингстон и Томас Джефферсон – единственный непосвященный в группе масонских авторов. Немаловажно, что Франклин и Ливингстон занимали посты Великих мастеров в структурах «вольных каменщиков» своих штатов¹⁵. Итоговую, визирующую подпись под Декларацией поставил Джон Хэнкок, также масон и президент Континентального Конгресса¹⁶.

Присутствие масонско-просветительской идеологии и влияния не менее очевидно в статьях Конституции США, утвержденных Конституционным Конвентом в Филадельфии (1787). В тексте этого документа были, в частности, закреплены правила участия граждан США в избирательных компаниях. Как и в масонской ложе, они закрепили практику свободного, то есть внесословного и внеконфессионального избрания во властные структуры. При этом было оговорено, что возраст избираемого кандидата не мог быть менее 25 лет¹⁷. Это положение полностью соответствовало практике приема в ложу «вольных каменщиков».

С учетом масонских традиций была сформирована судебно-правовая система США. До обретения независимости местная Фемида действовала в рамках юридических регламентов метрополии, которые являлись наиболее передовыми. Однако в итоговых решениях американских законодателей можно проследить и другие источники влияния. В частности, из багажа французского философа и масона Шарля-Луи Монтескье был явно позаимствован и внедрен в практику принцип разделения властей.

Даже краткий анализ воззрений, взятых на вооружение масонами Североамериканских ко-

лений, позволяет сделать вывод об их решающем влиянии на формирование главных лозунгов американской революции, а также на формирование базовых принципов в деле строительства нового демократического государства. Столь тесная идейная и практическая консолидация разрушает стереотипы обвинений «вольных каменщиков» в организации разрушительных политических заговоров. Масонство, включая американское, не может быть представлено в качестве сектантского, изолированного от внешнего мира и оторванного от реалий общественной жизни движения. Напротив, можно утверждать, что оно изначально заявило о себе в качестве важнейшего социального института, активно способствующего генерации и распространению передовых морально-этических ценностей, составляющих основу ментальности современного демократического общества. Важно подчеркнуть, что традиция масштабного «взаимопроникновения» масонства и американского государства активно поддерживалась на протяжении всей его истории. Неудивительно, что структуры «вольных каменщиков» США всегда оставались наиболее разветвленными и многочисленными¹⁸.

Попытка использовать американский «масонский эксперимент» в политике и вопросах государственного строительства была предпринята во Франции. Во всяком случае, события грандиозного революционного переворота конца XVIII столетия такие его свидетели, как Огюстен Баррюэль¹⁹ и Джон Робинсон²⁰, прямо связывали с последствиями заговорщической деятельности «вольных каменщиков».

Нет сомнений, что масонское движение предреволюционной Франции, берущее своё начало в начальные десятилетия века Просвещения, как и английское, вдохновлялось и направлялось просветительской философией. Итог бурных дискуссий, ведущихся внутри масонских структур: сформированное ими общественное мнение, враждебное по отношению к династии, официальной идеологии и церкви. Столь радикальная идейно-политическая ориентация Братства во многом способствовала разрушению института абсолютистской монархии и приближала падение «старого порядка» во Франции. Однако, признавая дестабилизирующее влияние французских «вольных каменщиков» предреволюционной эпохи, все-таки было бы несправедливо говорить об их решающей роли в состоявшихся политических событиях. Точно так же, как их американские собратья, французские масоны вполне осознанно участвовали в подготовке политического переворота, однако не в качестве конспираторов-заговорщиков, а как легальные оппозиционеры.

В последней четверти XVIII столетия наиболее влиятельной масонской структурой Франции являлся Великий Восток, в руководстве которого преобладали представители правящей династии и близкие ко двору аристократы, осознавшие неизбежность перемен. Наиболее заметную роль в

масонском движении предреволюционной Франции играли столичные собрания, ставшие местом сосредоточения интеллектуалов-оппозиционеров. На их заседаниях обсуждались наиболее злободневные темы, имеющие отношение к политике, религии и другим сторонам общественной жизни. Особой активностью отличались такие масонские центры Парижа, как ложа «Девяти сестер» и «Олимпийское общество»²¹. Они активно формировали новое мировоззрение, нацелившее французов, и прежде всего «третье сословие», на осуществление мирных, но решительных перемен в государстве. По мнению масонов-идеологов, роль которых во Франции, как и в других странах, исполняли философы-просветители, реформы должны были состояться под лозунгом соблюдения «естественных прав» человека. Поскольку такие преобразования отражали чаяния большинства суверенной нации, их вдохновители надеялись на исключительно благоприятное развитие событий, в том числе и на сотрудничество короля, в котором они впервые увидели и признали монарха-гражданина. Подобная деятельность, несмотря на свой дестабилизирующий характер, не может быть признана исключительно тайной и заговорщической. Напротив, она носила открытый для властей характер, хотя, по понятным причинам, не была ими официально санкционирована. Таким образом, противостоящие накануне революции стороны – реформистская и консервативная – действовали вполне открыто. Подчеркнем, в подобной ситуации инициативы и действия «видимой» оппозиции трудно позиционировать в качестве сугубо политических, поскольку участники масонских собраний, руководствуясь этическими соображениями, обычно лишь констатировали свои расхождения с принципами, которыми руководствовалась правящая элита. Во всяком случае, усилия масонского Братства никогда не выходили за рамки действующих законов и обычно сопровождалась вполне предсказуемыми инициативами, наподобие составления знаменитых наказов депутатам последних Генеральных штатов. Тем самым распространение масонского движения во Франции явилось не причиной, а следствием тех кризисных процессов, которыми уже была захвачена вся страна. Накануне 1789 г. в национальных ложах насчитывалось порядка сорока тысяч человек, из которых не менее четверти было сосредоточено в столичном Париже²².

Итак, отходя от конспирологических теорий, непосредственное начало Великой революции следует связывать с неспособностью правящей элиты откликнуться на призывы легальной оппозиции к диалогу о судьбах страны. Только самоизоляция власти, которая во все времена является главным механизмом, ведущим к ее падению, привела во Франции к спонтанному и массовому взрыву. В дальнейшем политические события развивались во многом бессистемно, что также доказывает отсутствие заранее спланированного заговора.

Слабоуправляемый поток революционного хаоса потребовал практических действий новых, прагматически настроенных вождей. В условиях революционной стихии и беспринципной борьбы за власть Мирабо, Дантон, Марат и Робеспьер быстро и навсегда расстались с такими условными категориями, как истина, справедливость, добродетель, равенство, «естественные права», «общественный договор». Их главной задачей являлось скорейшее, во многом инстинктивное определение тех политических путей, которые помогли бы им элементарно выжить и сохранить обретенную власть. Во многом под влиянием чрезвычайных обстоятельств и страха за свое будущее ими были созданы основы нового республиканского государства, в чрезвычайных декретах которого с трудом просматривались идиллические картины обещанного просветителями «царства Разума».

В изменившейся ситуации действия масонских структур являли собой образец пассивной наивности. Они по-прежнему оставались разобщенными и не сумели выработать приемлемой программы действий. Как свидетельствуют факты, лидеры масонских центров (Великий Восток, Великая ложа Франции, Исправленный Шотландский Обряд) не усилились, а были существенно ослаблены. Более того, в ходе революции они утратили реальный контроль над собственными ложами²³. Наиболее серьезный кризис наблюдался в структурах могущественного Великого Востока Франции. Его глава, герцог Орлеанский, в феврале 1793 г. публично объявил о своей отставке²⁴. Таким образом, не сила и сплоченность, а слабость и уныние охватили масонские организации страны. Это привело к тому, что политическая сфера быстро и окончательно вышла из сферы интересов лидеров национального масонского движения. Подлинными же вождями Французской революции – О. Г. де Мирабо и М. де Робеспьер – никогда не были масонами. Что же касается деятельности таких «вольных каменщиков», как Лафайет, Бриссо, Дантон и Марат, то принадлежность этих людей к дореволюционным масонским ложам лишь оттеняет разобщенность Братства, нежели подтверждает его тайные намерения и возможности в политике. К 1794 г. работа в столичных и провинциальных ложах замерла и оказалась фактически под запретом²⁵.

В целом развитие революционных событий свидетельствует об отсутствии во Франции какого бы то ни было, тем более заранее созданного, подрывного центра. «Взрыв» 14 июля 1789 г. носил стихийный характер, хотя, безусловно, и был подготовлен в умах французов. Однако содержание новых революционных идей, которые в своей эволюции подпадали под влияние конкретных политических, социальных и экономических факторов, раскрылось только в ходе многоэтапного и столь же непредсказуемого последующего политического процесса²⁶.

Период гонений и не востребоваемости масонских структур продлился во Франции недолго.

17 июня 1796 г. на пост Почетного гроссмейстера Великого Востока был избран видный масон-реформатор А. Реттье де Монтало (1748–1808). Следуя этому примеру, восстановила свои структуры Великая ложа Франции. Достаточно быстро между влиятельными масонскими союзами было обретено взаимопонимание, а 22 июня 1799 г. стороны подписали протокол о союзе²⁷. В декабре 1801 г. аналогичный договор был подписан между Великим Востоком и Провинциальной ложей Арраса. Постепенно Великий Восток Франции вновь приобрел респектабельный статус самого влиятельного масонского объединения страны. Правда, полной консолидации удалось добиться не сразу. В оппозиции, в частности, долго находились структуры Верховного Совета Франции, новой масонской системы, созданной в начале 1804 г. по примеру американских братьев, графом Александром Франсуа де Грасс-Тилли. Данное масонское объединение использовало в своей практике Древний и Принятый Шотландский Обряд с тридцатью тремя степенями посвящения. Противостояние удалось преодолеть 5 декабря 1804 г., когда между Великим Востоком и Верховным Советом был подписан союзный договор. Важно подчеркнуть, что незадолго до этого 27 ноября 1804 г. руководство Великим Востоком перешло в руки Жозефа Бонапарта и его заместителей – Луи Бонапарта и Жан Жака Камбасереса. Их деятельность, явно нацеленная на максимальную быструю унификацию структур национального масонства, свидетельствовала о том, что за спинами новых лидеров «вольных каменщиков» находился Наполеон Бонапарт, только что ставший императором Франции. Небезынтересно, что большое внимание масонам традиционно уделяла также императрица Жозефина, покровительствующая женским ложам.

Был ли новоиспеченный монарх Франции масоном? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. В современной историографии бытует несколько версий развития его взаимоотношений с «вольными каменщиками». Наиболее популярными среди них являются «корсиканская» и «египетская». В обоснование первой авторы ссылаются на контакты молодого артиллерийского офицера с корсиканским сепаратистом и масоном Паскуале Паоли (1725–1796). Они познакомились и активно сотрудничали в 1790–1791 гг. на Корсике, когда остров пытался обрести возможности суверенного развития. Много позднее в 1816 г. было обнаружено письмо свергнутого императора, текст которого подтверждал его присоединение к корсиканским масонам, а также получение первых трех степеней посвящения. Однако режим Реставрации, также поддерживающий масонство, постарался уничтожить этот компрометирующий власти документ²⁸. Более вероятным, хотя также не подтвержденным документально, представляется вступление генерала в одну из лож Великого

Востока Франции либо накануне, либо в период Египетской кампании 1798–1799 гг. Наконец, факт присоединения Бонапарта к масонскому Ордену неоднократно признавали сами «вольные каменщики». Аббат Грегуар, член руководства Великого Востока Франции, свидетельствовал, что инициация Наполеона Бонапарта состоялась 6 июня 1805 г.²⁹ Один из крупнейших специалистов по масонству эпохи Наполеона Бонапарта, французский историк Франсуа Коллавери, собрал наиболее полный пакет документов, в которых император был упомянут в качестве масона. Среди них записки аббата А. Бермон д'Одуза из Вены, который называл Наполеона «шотландским масоном»; письмо французского генерала Фаверо Великому Востоку от 7 апреля 1809 г., в котором он именуется императора масонским приречением «дорогой брат»³⁰.

Отсутствие бесспорных документальных подтверждений инициации Бонапарта заставляет историков обращаться к косвенным свидетельствам его масонских пристрастий. К таковым могут быть причислены увлечения великого человека оккультизмом, египтологией, теофилиантропией, а также его контакты с «масонской общественностью», в числе которой ближайшие родственники (отец, братья) и ближайшие соратники. Не менее важным свидетельством приверженности новоявленного монарха масонским традициям стали разработанные с его участием образцы французской имперской геральдики. В частности, наиболее известным символом наполеоновской эпохи, имеющим несомненное отношение к эзотеризму, столь близкому масонству, является изображение пчелы. Во времена Империи этот необычный для европейской геральдики знак стал личной эмблемой Наполеона. Такой выбор не случаен: он полностью соответствовал сформировавшемуся в воображении императора восточному символическому Пантеону. Еще древние египтяне полагали, что эти трудолюбивые создания рождаются из слез бога Ра, сыном которого Наполеон был провозглашен в 1798 г., когда находился в завоеванном Египте. Изображение пчелы и пчелиного улья соответствовало традициям и масонского Ордена. По мнению «вольных каменщиков», пчелы символизировали трудолюбие и единство Братства, являясь, таким образом, его графическим архетипом. Ещё более убедительно пересечение интересов имперских структур и масонства зафиксировал институт ордена Почетного легиона. Созданный Наполеоном для признания национальных военных и гражданских заслуг, он содержал в себе немало масонских компонентов. Так, Орден подчинялся императору и являлся клубом избранных, полностью соответствуя масонским принципам элитизма. Сама орденская структура состояла из 15 когорт по 250 человек в каждой. Все ее члены, поделенные на степени, приносили специальную присягу на верность идеалам республики, свободы и равенства. Аналогичным

образом было устроено Общество Цинцинната в США, лидером которого был провозглашен масон Джордж Вашингтон, а участниками стали многие французские волонтеры-масоны.

Перечень заимствований из масонской обрядовой культуры, используемый в государственных интересах при Наполеоне, можно легко продолжить и расширить. Все это подтверждает безусловную дружбу и наличие постоянных контактов между императором Франции и его подданными-масонами. При этом «масонские следы» обнаруживаются в самых неожиданных сферах. Например, присутствие масонских традиций прослеживается в структурах народного образования имперской Франции. Известно, что она возглавлялась ведомством под названием «Университет», руководитель которого занимал должность Великого мастера (Grand-Maître de l'Université). Таким образом, термин, обозначающий масонского иерарха, стал использоваться в той системе, которая всегда являлась особо приоритетной для движения «вольных каменщиков». Как известно, идея обучения, воспитания и образования человека, позволяющая осуществить восхождение к вершинам духовного совершенства, продолжает доминировать в работе каждой масонской ложи.

Бросающееся в глаза отсутствие прямых свидетельств, подтверждающих масонскую инициацию Наполеона, позволяет предположить существование важных на то государственных мотивов. Скорее всего, Наполеон, оказавшись на вершине власти, постарался скрыть свою близость к Братству, приобретшему имперский характер. В этой ситуации для самого Наполеона Бонапарта непосредственное участие в масонской работе стало необязательным и обременительным. С точки зрения реальной государственной политики излишне тесные контакты с подданными-масонами превращались для него в досадное препятствие на пути формирования культуры собственной персоны. ореол величия, возвышение над толпой подданных, присягнувших на верность своему императору, блеск и этикет придворной жизни – все атрибуты власти неумолимо изживали и вытесняли традиции старого, товарищеского Братства.

После провозглашения Империи действия Наполеона были нацелены на обеспечение успеха объединительной масонской реформы. Она, в свою очередь, была призвана содействовать адаптации лож в рамках новой государственной системы. Подобная стратегия позволяла Наполеону сохранить позиции верховного арбитра нации, а заодно закулисного лидера нового, имперского масонства. Точно так же Бонапарту не было нужды становиться маршалом Франции, чтобы продемонстрировать всему миру свой военный гений. Он оставался генералом, и его знаменитый серый сюртук значил для окружающих значительно больше, нежели сверкающие мундиры маршалов Великой армии. И в самом деле, руководствуясь соображениями государственной целесообразности

ности, царственный «вольный каменщик» мог сознательно отойти от непосредственного участия в масонском движении. Что касается документов, относящихся к его предшествующей инициации, то они могли попросту «исчезнуть» благодаря усилиям министров полиции (масонов Жозефа Фуше и Рене Савари), всегда готовых выполнить любую команду с царственного Олимпа.

Так или иначе, избранная Наполеоном линия поведения в отношении прирученного масонского Братства принесла свои плоды. Не встречая серьезных препятствий со стороны властей, французские масонские ложи продолжали укреплять позиции. Накануне падения Империи в 1814 г. структуры Великого Востока объединяли уже 1219 лож³¹. Сам император, по-видимому, никогда не сожалел о покровительстве, оказанном масонскому Ордену. «Вольные каменщики» не только Франции, но и всей покоренной Европы преданно служили своему патрону, усердно содействуя его славе. Не случайно день подписания Люневильского мирного договора с Австрией (9 февраля 1801 г.) был провозглашен масонскими ложами Франции праздником мира, а сам победитель, Наполеон Бонапарт, – миротворцем.

С подачи своего патрона самое активное участие в масонском движении начала XIX столетия принимали французские военные. Среди маршалов Наполеона обладателями высших степеней братства были Андре Массена, Иоахим Мюрат, Этьен Макдональд, Франсуа Келлерман, Шарль Ожеро, Мишель Дюрок и Франсуа Лефевр. Их имена значились в протоколах Великого Востока Франции, который, наряду с бдительным царедворцем Камбасересом, продолжали возглавлять Жозеф и Луи Бонапарты³². Впрочем, в списках масонских лож Империи значились и высшие гражданские сановники. Так, «вольными каменщиками» являлись министр иностранных дел Ш. М. Талейран, министры полиции Ж. Фуше и Р. Савари, посол в Петербурге Ж. А. Лористон. Даже этот список убедительно свидетельствует, что поставленное «на поток» приобщение правящей элиты Империи к ложам было явно выгодно Наполеону. Унифицированное Братство, как нельзя лучше, содействовало «сплочению рядов» правящей элиты. К тому же завсегдагаи лож были «на виду» у полиции, а первое лицо, получившее подробные пресс-релизы, оказывалось в курсе малейших нюансов в настроениях своего ближайшего окружения. Столь прагматичное отношение императора к масонству, несомненно, способствовало рождению откровенно критических его характеристик. В одной из частных бесед на острове Святой Елены великий узник характеризовал «вольных каменщиков» в качестве «кучки слабоумных фантазеров», занятых, по его мнению, далекими от реальной жизни делами. Стремясь несколько смягчить столь резкие оценки, император все-таки заметил, что французские масоны оказали большую помощь революции и

содействовали уменьшению влияния Католической церкви³³.

Знакомство с эпизодами практической деятельности регулярных масонских лож Великобритании, США и Франции в хронологии XVIII – начала XIX столетия позволяет сделать важные выводы. Становление, распространение и активность обновленного масонства в эпоху Нового времени не следует воспринимать в качестве примера мировоззренческого упадка, который выразился в ностальгической жажде реставрации древнейших оккультных и эзотерических практик. Напротив, деятельность регулярных масонских лож, начавшаяся на территории буржуазной Великобритании, прежде всего, должна быть представлена инновационным идейным проектом. Усилия Братства, без преувеличения, являлись одним из наиболее эффективных способов мобилизации национального интеллектуального потенциала в условиях углубления перманентного кризиса старого, доиндустриального общества. Отметим при этом, что поиски новой парадигмы развития, столь важной для «старой» Европы, не могли не обеспечить первенство буржуазной Великобритании. Представители её либеральной интеллектуальной элиты первыми провозгласили приоритет просветительской светской идеологии, массовым ретранслятором которой были призваны стать новые созерцательные масонские ложи. Заявленная стратегия этих структур полностью соответствовала запросам прогрессивной части правящей элиты многих европейских стран. По этой причине деятельность масонских лож никогда не противоречила государственным интересам и не создавала угрозы институтам власти. Конспирологические традиции в ритуальной практике «вольных каменщиков» всегда носили формальный характер и не нарушали существующего законодательства. Провозглашенная масонскими структурами лояльность в отношении власти и религии не смогла смягчить их противостояния с Ватиканом, который поначалу причислил идеологию «вольных каменщиков» к разряду прямой угрозы христианскому миру. Однако временный конфликт идеологий не помешал дальнейшему развитию взаимовыгодного сотрудничества масонства и светской власти. По итогам последующей эволюции уже к началу XIX столетия регулярные масонские структуры ведущих стран Запада – Великобритании, Франции, США – приобрели статус влиятельных и полностью легальных общественных институтов.

Примечания

¹ См.: The New Book of Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges, by James Anderson. L. : Caeser Ward and Richard Chandler, 1738. P. 97–139.

- ² См.: *Stevenson D.* The Origins of Freemasonry : Scotland's Century. 1590–1710. Cambridge : Cambridge univ. Press, 1988. 218 p.
- ³ См.: *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestone : Lewis Masonic Books, 1994. P. 43–44.
- ⁴ См.: *Calvert A. F.* The Grand Lodge of England. L. : Herbert Jenkins Limited, 1917. P. 12–13.
- ⁵ *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. : Office du Livre, 1987. P. 57.
- ⁶ Ibid. P. 59.
- ⁷ См.: The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. L. : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. 91 p.
- ⁸ См.: The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digested By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By James Anderson, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. L. : Black Swan, 1756. P. 194–195.
- ⁹ Ibid. P. 196.
- ¹⁰ *Уайт А. Э.* Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств : их ритуалов, литературы и истории / пер. с англ. СПб : Лань, 2003. С. 179.
- ¹¹ См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 40.
- ¹² См.: *Киясов С. Е.* Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб. : Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2010. 398 с.
- ¹³ См.: *Платонов О. А.* Криминальная история масонства 1731–2004 гг. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. 544 с.
- ¹⁴ См.: *Bullock S. C.* Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840. Chapel Hill ; L. : University of North Carolina Press, 1996.
- ¹⁵ См.: *Morse S.* Freemasonry in the American Revolution. Washington : The masonic service association of the United States, 1924. P. 72.
- ¹⁶ См.: *Roberts A. E.* Freemasonry in American History. Richmond : Macoy Publishing & Masonic Supply Co., Inc., 1985. P. 139.
- ¹⁷ См.: Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательные акты / пер. с англ. М. : Прогресс, 1993. С. 29.
- ¹⁸ См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. : Editions de Vecchi, 1993. P. 59–62.
- ¹⁹ См.: *Barruel A.* Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. Т. 1–4. L. : Kenning, 1797–1798.
- ²⁰ См.: *Robinson J.* Proofs of a conspiracy. Edinburgh : W. Cresch, 1798. 587 p.
- ²¹ См.: *Киясов С. Е.* Масонство в эпоху Просвещения. С. 270–272.
- ²² См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. 25.
- ²³ См.: *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française. Т. 1–3. P. : Fayard, 1974–1975 ; Т. 1. P. 341–360.
- ²⁴ Ibid. Т. 1. P. 337–338.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ См.: *Киясов С. Е.* Масонство в эпоху Просвещения. С. 335–336.
- ²⁷ См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 97.
- ²⁸ См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. 26.
- ²⁹ Ibid. P. 27
- ³⁰ См.: *Collaveri F.* La Franc-maçonnerie des Bonaparte. P. : Payot, 1982. P. 161–190.
- ³¹ См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 97.
- ³² См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. 27–28.
- ³³ См.: *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française. Т. 2. P. 17.

Образец для цитирования:

Киясов С. Е. Власть и масонство в эпоху нового времени: противостояние или союз? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-43-51>

Cite this article as:

Kiyasov S. E. The Authority and Masonry in the Modern History: Confrontation or Union? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 43–51 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-43-51>

УДК 94(4)

«Памфлетная война» и принятие великого акта о реформе 1832 года в Великобритании

М. В. Жолудов

Жолудов Михаил Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, mikhailzhol@yandex.ru

Великий акт о реформе (избирательный закон) 1832 г. – один из самых знаменательных внутривнутриполитических событий в Великобритании XIX в. Он положил начало серьезным преобразованиям парламентской системы государства. На основании анализа документальных источников (материалы прессы и парламентских дебатов) в статье показана степень влияния британского общественного мнения и прессы на процесс принятия парламентской реформы в 1830–1832 гг. Борьба за продвижение реформы выявила крайнюю поляризацию политических сил Великобритании. Партия тори показала себя серьезным противником любых преобразований. Тори утверждали, что предлагаемые изменения разрушат политическую систему страны. Виги и радикалы решительно поддержали реформу, доказывая, что она ослабит социальный конфликт в британском обществе. Особое внимание в статье уделено выяснению роли политической прессы и массового демократического движения в деле принятия реформы 1832 г.

Ключевые слова: Великобритания, парламент, парламентская реформа 1832 г., общественное мнение, виги, тори.

«The Pamphlet War» and the Adoption of the Great Reform Act of 1832 in Great Britain

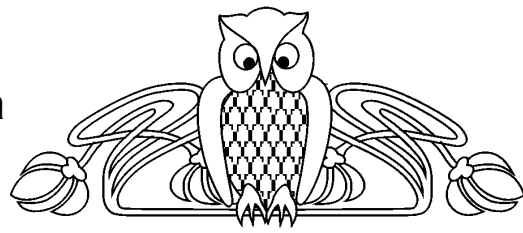
M. V. Zholudov

Mikhail V. Zholudov, <https://orcid.org/0000-0003-2377-5565>, Ryazan State University, 46 Svobody Str., Ryazan 390000, Russia, mikhailzhol@yandex.ru

The Great reform Act (election law) of 1832 was one of the most significant internal political events in the United Kingdom of the 19th century. It initiated the group of serious transformations of the parliamentary system of the State. The article is based on the analysis of documentary sources (press and parliamentary debate). It shows the influence of British public opinion and the press on the process of the adoption of the parliamentary reform in 1830–1832. The struggle for reform showed the extreme polarization of political forces in the UK. The Tory party has proven itself to be a serious opponent to any change. The Tories argued that the proposed changes will destroy the political system of the country. The Whigs and the radicals strongly supported the reform, arguing that it would weaken the social conflict in British society. Special attention is given to clarifying the role of the political press and the mass democratic movement in adopting reforms.

Keywords: Great Britain, parliament, parliamentary reform of 1832, public opinion, Whigs, Tories.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-52-57>

Проблема парламентской реформы была одной из самых острых и сложных проблем внутриполитической жизни Великобритании в начале 30-х годов XIX в. От ее решения во многом зависело, по какому пути пойдет великая европейская держава, – либо по пути парламентской демократии, либо по пути политической нестабильности и социальных конфликтов. Напряженная борьба шла, по сути, за возможность мирного, парламентского перехода политической власти от британской аристократии, постепенно теряющей свои экономические позиции, к молодой, постоянно прогрессирующей и набирающей силу, буржуазии. Судьба реформы решалась в британском парламенте, где друг другу противостояли виги-реформаторы и тори-консерваторы. Ожесточенная политическая борьба развернулась и за стенами британского парламента, где массовое демократическое движение формировало общественное мнение в поддержку принятия нового избирательного закона.

В августе 1830 г. по всей Англии прокатилась волна митингов в поддержку французской Июльской революции, которые очень часто сочетались с митингами в пользу проведения парламентской реформы. Агитация в пользу реформы при таких обстоятельствах становилась еще более настойчивой. В конце июля – начале августа 1830 г. в Англии состоялись парламентские выборы, которые существенно повлияли на политическую ситуацию в стране. В результате выборов в парламент прошло значительное количество сторонников парламентской реформы, а тори потеряли пятьдесят мест¹.

В начале августа из Англии в Париж хлынул поток депутатских вивгов и радикалов с приветственными адресами и денежными пожертвованиями. Одним из побывавших там был известный вигский публицист Генри Брум. По возвращении из французской столицы он опубликовал в ведущем оппозиционном либеральном журнале «Эдинборо ревью» статью под названием «Недавняя революция во Франции», которая была посвящена анализу июльских событий в Париже и их влиянию на развитие политической ситуации в Великобритании. По существу, это был манифест британской вигско-либеральной оппозиции, обобщивший ее позицию по отношению к Июльской революции. В статье особо подчеркивалось то огромное значение, которое имел «французский пример» для Англии, отмечалось, что «сражение за английскую свободу в действительности велось

и было выиграно в Париже»². Однако Г. Брум был уверен, что англичане предпочтут другие методы борьбы, выступят под лозунгами «благоразумия, умеренности и мирных действий» и решат спорные с правительством вопросы «в рамках закона». По мнению вигского публициста, правительству придется уступить, так как «французским народом нашим правителям был показан наглядный пример и сделано фатальное предупреждение»³. Поэтому Г. Брум призывал англичан извлекать уроки из французских событий, бороться за парламентскую реформу для того, чтобы предотвратить революцию. «И устойчивость трона, и свободы страны будут сохранены такой реформой намного лучше, – писал он, – чем мы сейчас себе это представляем»⁴.

Многие оппозиционные британские газеты обращали внимание на тот факт, что один из авторов подготовки государственного переворота во Франции, глава свергнутого французского правительства герцог Полиньяк, в бытность свою послом в Лондоне (непосредственно перед назначением на пост премьер-министра Франции. – М. Ж.) считался близким другом главы торийского правительства герцога Веллингтона. «Английские министры были друзьями герцога Полиньяка, – утверждал Г. Брум в статье «Недавняя революция во Франции», – они способствовали его продвижению по службе»⁵. «Кровь, которая текла по улицам Парижа, – писал он в другой своей статье, – была пущена глупостью правителей Франции и их подстрекателей в Англии, которые занимают должности в правительстве и ждут, когда мы потребуем их отставки»⁶. Г. Брум прямо назвал Полиньяка «учеником Веллингтона», утверждая, что именно Веллингтон подтолкнул Полиньяка к «преступлениям», так как «почти несомненно, что он (Веллингтон. – М. Ж.) помог ему (Полиньяку. – М. Ж.) занять должность год назад»⁷. Одновременно Г. Брум выражал надежду на то, что результаты французской революции должны убедить Веллингтона в «абсолютной необходимости» реформ для исправления британской политической системы⁸. Оппозиционная пресса требовала отставки Веллингтона на основании того, что он был якобы прямо причастен к быстрому возвышению Полиньяка и, более того, являлся соучастником подготовки государственного переворота во Франции. Правда, никаких конкретных доказательств причастности Веллингтона к французским событиям авторы статей не приводили. Поэтому мы вправе считать их утверждения политическими спекуляциями, направленными на создание негативного общественного мнения по отношению к британскому премьер-министру и его кабинету.

В августе 1830 г. тори уже явно проигрывали оппозиции во влиянии на умы и сердца английской публики. Они ничего не смогли противопоставить демократизирующей силе Июльской революции. Тори небезосновательно видели одну

из главных причин падения своего авторитета и размаха движения в поддержку парламентской реформы в «зловредном» воздействии французской революции. Это влияние, по их мнению, как «эпидемия» распространилось по всей Европе и достигло берегов Англии⁹. Автор статьи в торийском журнале «Куотерли ревью» сетовал на то, что успех парижского восстания внушил простому народу других стран «сокрушительную силу их собственной силы и значимости, а высшим классам благоговейный страх перед силой толпы»¹⁰. Именно в этом, по мнению публициста, заключался «действительный секрет» превращения вопроса о парламентской реформе в мощное политическое движение.

Политическая ситуация в Лондоне обострилась в день открытия очередной сессии парламента 2 ноября 1830 г., когда герцог Веллингтон выступил в палате лордов с печально знаменитой речью. В своем выступлении он отвергал любые реформы парламентской системы Великобритании. Речь премьера, по существу, стала актом политического самоубийства для него и для его кабинета. «Эдинборо ревью» так описывал выступление Веллингтона: «Он стоял прямой, убежденный, сорвавший маску как общепризнанный, выставленный на показ, добровольный противник реформы»¹¹.

Выступление премьера показало, что он принимает вызов сторонников реформы и готов вести борьбу до конца. Это было крупной политической ошибкой Веллингтона, который вновь не учел общественного мнения страны. Он хотел прибавить решимости своим сторонникам, а дал прекрасный политический козырь своим противникам. Высокомерное заявление Веллингтона вызвало бурю возмущения во многих городах и графствах Англии. Либерально-радикальная пресса, почуяв добычу, буквально бросилась на «растерзание» противника. «Таймс» писала: «Заявление герцога, направленное против всякой реформы, уже само по себе не предвещало ничего хорошего, но к этому еще присоединилось опасение, что оно станет удобной ширмой для всякого рода злоупотреблений и хищений и подкрепляет обломки той системы, которая была причиной столь тяжких бедствий»¹². Высказывание «Эдинборо ревью» было еще более категоричным: «Такое поразительное мнение возможно никогда не произносилось в представительном собрании разумных людей. Ничего более отличающегося от мнения страны, более оскорбительного для ее чувств... конечно же, никогда не было сказано»¹³.

Во многих крупных городах Англии прошли массовые антиправительственные митинги и демонстрации. В столице носились слухи о якобы готовящемся убийстве Веллингтона, о каком-то походе на Лондон и т. п. В парламент посыпались петиции, протестующие против заявления премьера и требующие проведения избирательной реформы.

Тори не выдержали накала политических страстей. 15 ноября 1830 г. правительство Веллингтона потерпело поражение в палате общин при обсуждении довольно мелкого вопроса и воспользовалось этим для того, чтобы уйти в отставку. 20 ноября лидер вигов лорд Грей по просьбе короля сформировал новое правительство. После двадцати трех лет оппозиции виги вновь пришли к власти. Первым номером политической программы нового британского кабинета уже, безусловно, стоял вопрос о парламентской реформе.

Общественное мнение страны постоянно подталкивало правительство Грея к выполнению предвыборных обещаний о проведении парламентской реформы. В декабре 1830 – феврале 1831 г. в парламент поступили сотни петиций, требовавших проведения реформы, уничтожения «гнилых местечек», введения тайного голосования, расширения избирательного права. По некоторым данным, за этот период в палату общин было подано 645 петиций в пользу реформы, 280 – за тайное голосование и 182 – за сокращение срока полномочий парламента¹⁴. «Главной заботой новых министров, – предупреждала «Таймс» в те дни – должно стать то, что, придя к власти с помощью народа, они должны уменьшить наши страдания (подчеркнуто в газете. – М. Ж.) или навсегда канут в Лету»¹⁵.

В конце ноября 1830 г. виги, верные своим обещаниям, создали правительственный комитет по подготовке парламентской реформы, возглавленный лордом Даремом.

Между тем тории не собирались без боя отдавать политическую инициативу вигам. В острую полемику с либеральной прессой по вопросу о реформе вступил главный торийский политический журнал «Куотерли ревью», опубликовавший в своем первом номере за 1831 г. статью под характерным названием «Парламентская реформа». Эта статья, по существу, носила программный характер, так как в ней содержались почти все торийские аргументы против проведения реформы. Журнал выдвигал излюбленный довод тории о том, что государственные институты Великобритании являются верхом совершенства и примером для других европейских государств. «Как же так! – с деланным непониманием восклицал автор статьи. – Парламент Англии, так долго являвшийся чудом и примером в глазах соседних наций... этот парламент готов добровольно сложить свои полномочия. Он готов объявить о своей неспособности в дальнейшем выполнять законодательные функции с выгодой для нации и передать эти функции в руки нового и незнакомого органа, созданного на других принципах!»¹⁶

Ториев вновь делали попытку выяснить причину «неожиданного» размаха общественного движения в поддержку парламентской реформы. «Ответ довольно краток, – уверяли они англичан, – и он на устах у каждого, кто не боится смотреть правде в глаза. Это – страх перед физиче-

ской силой»¹⁷ (подчеркнуто автором публикации в «Куотерли ревью». – М. Ж.). В конечном итоге позиция консерваторов сводилась к следующему утверждению: «Реформа означает революцию. Война против собственности является настоящим принципом и единственным стремлением радикализма... Если эта фатальная война действительно случится, то все, что мы читали или слышали об ужасах революции, померкнет перед сценами нищеты, в которую предстоит впасть этой великой стране»¹⁸. Однако любые намерения тории притормозить движение Англии к реформе не увенчались успехом.

1 марта 1831 г. видный вигский деятель лорд Рассел представил правительственный билль о реформе на рассмотрение палаты общин парламента. Законопроект предусматривал ликвидацию части «гнилых местечек» и значительное расширение избирательного права для представителей средних классов. Внесение билля о реформе в парламент встретило одобрение большинства населения Великобритании. По всей стране проходили собрания, принимались петиции в поддержку вигского плана реформы. На митинге в Лондоне 4 марта 1831 г. была принята резолюция с выражением полного доверия кабинету лорда Грея. Также 4 марта была представлена петиция от корпорации лондонского Сити в «поддержку парламентской реформы, и особенно в поддержку реформы, предложенной правительством». Подобного рода петиция была подана в палату лордов 8 марта. Митинги в поддержку билля состоялись в Манчестере, Бирмингеме, Ливерпуле и других городах. «Таймс» писала по этому поводу: «Вся Англия сейчас в движении и весьма довольна, как мы думаем, так как нация определенно идет к ясной цели»¹⁹. «Эдинборо ревью» с удовлетворением сообщал: «Первым замечательным результатом обнародования билля было окончательное примирение и объединение всех группировок реформаторов. Их взаимные разногласия в течение долгого времени были темой насмешек и источником побед общего для них противника. Новый билль привел к полному прекращению всех разногласий, к окончательному и искреннему союзу всех защитников реформы»²⁰.

22 марта 1831 г. палата общин большинством в один голос поддержала вигский билль о реформе (302 – за, 301 – против). Такое диаметрально противоположное разделение голосов было беспрецедентным случаем в парламентской истории Великобритании. Виги были явно не удовлетворены результатами голосования: они рассчитывали на гораздо больший перевес. Ториев же получили ощутимую моральную поддержку в своей борьбе против реформы. По традиционной практике парламентской процедуры палата общин была распущена.

Острота борьбы в палате общин вызвала новый подъем агитационной кампании за стенами парламента. В парламент вновь хлынул поток петиций. 4 апреля 1831 г. лондонские купцы и

банкиры устроили крупный банкет в честь правительства. В палату лордов была представлена петиция от лондонского Сити в пользу реформы, имевшая более девяти тысяч подписей. 18 апреля в палате общин была зачитана петиция, которую подписали более девяти с половиной тысяч представителей буржуазных слоев Лондона.

Очередные парламентские выборы, прошедшие в конце апреля – начале мая 1831 г., стали настоящим триумфом сторонников реформы. Они прошли почти во всех «открытых» избирательных округах. В большинстве графств противники реформы потерпели поражение.

Однако консерваторы не собирались прекращать сопротивление реформе. В июньском номере «Куотерли ревью» появилась статья, в которой была сделана еще одна попытка дискредитировать идею парламентской реформы. В ней отрицался общенациональный характер реформы, ее суть сводилась лишь к узкопартийным интересам. «Короче говоря, – утверждал автор статьи, – парламентская реформа никогда не была и, мы уверены, не является сейчас потребностью или желанием нации; это лишь партийная мера, а не требование народа; это – интрига фракции, а не уступка общественному мнению; это – средство удовлетворения личных интересов и амбиций!.. Мы твердо уверены, что огромный рост интереса к вопросу о реформе создавался полностью искусственно. Борьба партий разбудила дух Реформы, – заявлял торийский публицист, – а не реформа вызвала борьбу партий»²¹.

Всем политическим силам Англии было ясно, что судьба билля, в конечном счете, зависит от голосования в палате лордов, которая, по мнению «Эдинборо ревью», была «гораздо менее благосклонна к великой реформе, чем палата общин». Автор статьи в «Эдинборо ревью» так рисовал ситуацию: «Страна безраздельно высказалась за билль, палата общин определенно поддерживает билль, лишь палата лордов разделена, причем большинство лордов намерено выступать против билля»²².

14 июня 1831 г. собрался новый парламент. 24 июня билль о реформе с небольшими изменениями был внесен на рассмотрение палаты общин. 6 июля палата общин, как и предполагалось, одобрила билль подавляющим большинством в 136 голосов (367 – за, 231 – против).

22 сентября билль о реформе был передан в палату лордов. В начале октября в палате лордов начались бурные дебаты, затянувшиеся на пять дней. Большинство выступивших в прениях пэров высказалось против принятия парламентской реформы. Так, лорд Уинфорд назвал билль «не реформистской мерой, а революционной, то есть мерой, которая неизбежно приведет к революции самого безумного характера и полностью разрушит конституционный строй Англии»²³. А лорд Элдон заявил: «Жертвуя одной частицей нашей славной конституции, мы потеряем ее всю»²⁴.

Утром 8 октября палата лордов после бессонной ночи ожесточенных дебатов отвергла билль большинством в сорок один голос (158 – за, 199 – против). Отклонение билля вызвало бурю протеста в стране. Уже 8 октября большинство лондонских газет вышло с траурной каймой. «Смертельная рана нанесена конституционному порядку страны, правам народа, свободному представительству в парламенте», – писала «Таймс» в этот день, – но мы по-прежнему уверены, что национальная свобода не умрет от этой раны. Мы по-прежнему надеемся, что в сердцах англичан будут жить сила и решительность, которые помогут им перенести удар»²⁵. Магазины и лавки в столице были закрыты. На многолюдном митинге в Риджентс-Парк была принята резолюция с требованием реформы и угрозой отказа от уплаты налогов в случае прихода к власти торийского правительства.

В Лондоне начались беспорядки, носившие явно антиаристократический характер. Толпа выбила стекла окон в доме герцога Ньюкасла и собиралась забросать камнями карету герцога Веллингтона. Лорд Лондондерри, видный тори, выехавший на прогулку, был задержан толпой, и когда он выхватил пистолет, его стащили с седла и избили. Недовольство народа было направлено также против англиканской церкви, так как из двадцати шести епископов, заседающих в палате лордов, двадцать один проголосовал против билля. Волна митингов и демонстраций прокатилась по всей стране.

Консервативные силы Великобритании с воодушевлением восприняли провал билля о реформе в палате лордов. Это был их последний шанс в борьбе против парламентской реформы. «Палата лордов выполнила свой долг, – писал автор статьи в «Куотерли ревью», – она отстояла свои конституционные права и, по крайней мере, на время задержала развитие революции. Вся суть билля и правительства может быть выражена в двух словах – Пресса и Простонародье»²⁶. «Вам нужны примеры? – спрашивал журнал. – Они возмутительны на каждом углу ваших улиц, в каждой афишке, которая разжигает низшие классы, в каждом журнале, который развращает высшие, в митингах, демонстрациях, мятежах, поджогах, грабежах и даже убийствах...»²⁷ В следующем номере «Куотерли ревью» подобные обвинения звучали уже более резко и конкретно: «Состояние анархии, в которое наше общество было ввергнуто несколько недель назад, стало плодом плохого управления, прямым, естественным и ожидаемым результатом действий и упущений министров... Они (министры. – М. Ж.), конечно же, страстно желали разгула агитации, которая, в некоторой степени, была необходима для достижения их целей – для прославления билля, или давления на лордов и епископов и для сохранения их влияния на королевский двор...»²⁸

Британское общественное мнение в условиях политического кризиса определенно

высказывалось в поддержку парламентской реформы. Население страны было настроено весьма решительно. В октябре – ноябре 1831 г. активизировали свою деятельность буржуазные политические союзы. Лидер Бирмингемского политического союза Томас Атвуд призвал граждан запасаться оружием. Предлагались проекты создания «национальной гвардии», отрядов народного ополчения.

26 марта 1832 г. билль о реформе в очередной раз был принят нижней палатой большинством в сто шестьдесят голосов (355 – за, 239 – против). Затем он был вновь представлен в палату лордов, где 14 апреля был поддержан большинством в девять голосов (184 – за, 175 – против). Однако этого было явно недостаточно для принятия закона. Консультации с лидерами торийской оппозиции показали, что они не намерены складывать оружие. Герцог Веллингтон и семьдесят три других пэра заявили протест против решения палаты лордов²⁹. Борьба продолжалась.

В условиях резкого обострения ситуации политические союзы снова активизируют свою деятельность. 24 апреля 1832 г. 50-тысячный митинг в Эдинбурге принял петицию к лордам в поддержку билля. 4 мая Национальный политический союз в Лондоне принял петицию, в которой угрожал неуплатой налогов в случае отклонения билля. 7 мая Бирмингемским политическим союзом был создан митинг, на котором присутствовало до двухсот тысяч человек.

В такой ситуации виги пошли на беспрецедентный парламентский маневр. Лорд Грей обратился к королю с просьбой о немедленном расширении палаты лордов за счет сторонников реформы, чтобы обеспечить квалифицированное большинство при прохождении билля в верхней палате. Получив отказ, вигский кабинет был вынужден подать в отставку.

Как только стало известно об отставке правительства, общественное возмущение достигло критической точки. Повсюду проходили митинги в поддержку билля и правительства. Начали поговаривать о вооруженном сопротивлении. Члены политических союзов покупали оружие. Буржуазия призывала использовать экономические меры давления на короля и аристократию – прекращение уплаты налогов и изъятие вкладов из банков. На улицах Лондона и других британских городов появились плакаты с надписью: «Остановите герцога, изымайте вклады». Изъятие вкладов началось немедленно и в значительных размерах.

В условиях кризиса, вошедшего в английскую историю под названием «майских дней», король Вильгельм IV обратился к герцогу Веллингтону с просьбой сформировать новое правительство, которое внесло бы в парламент свой проект билля о реформе, гораздо более ограниченный, чем прежний. Король надеялся, что члены палаты лордов будут более благосклонны к торийскому биллю

о реформе, чем к вигскому. Герцог принял королевское предложение. Но другие крупные деятели партии тори не поддержали его. Веллингтон, не обнаружив поддержки среди своих соратников, был вынужден отказаться от формирования кабинета и посоветовал королю поручить это дело снова лорду Грею.

По настоянию Грея король обратился с циркулярным письмом к членам палаты лордов. Он просил их не препятствовать прохождению билля, иначе ему придется пойти на увеличение числа пэров.

Настоятельная просьба короля наконец-то убедила строптивых пэров. 4 июня 1832 г. при третьем чтении билля в палате лордов герцог Веллингтон и его сторонники покинули палату. Билль о реформе был принят большинством в восемьдесят четыре голоса (106 – за, 22 – против). 5 июня билль с поправками, принятыми лордами, окончательно прошел в палате общин. 7 июня 1832 г. он был санкционирован королем. Вскоре были приняты аналогичные законы для Шотландии и Ирландии.

Парламентская реформа 1832 г. имела для Великобритании огромное значение. Перераспределение парламентских мест и расширение избирательного права были осуществлены в интересах средних классов. Вместо аристократическо-олигархического государственного строя, приспособленного к интересам узкого круга земельной аристократии и финансистов, в стране активно устанавливался буржуазно-демократический порядок. Великий акт о реформе открыл целую серию парламентских преобразований в Великобритании в XIX – начале XX в. (избирательные реформы 1867, 1884–1885, 1911 гг.).

Итак, борьба за парламентскую реформу в начале 30-х гг. XIX в. характеризовалась резкой поляризацией противоборствующих политических сил, подъемом массового движения в пользу проведения реформы. Она сопровождалась острой информационной войной на страницах ведущих политических изданий. Огромную роль в принятии реформы сыграло общественное мнение страны и пресса. Во многом благодаря им реформа была принята сравнительно быстро и легко. Газеты и журналы, отражавшие интересы определенных социальных групп и политических партий, вели напряженную борьбу за влияние на общественное мнение Великобритании. Британская пресса разделилась на два противоборствующих лагеря – сторонников и противников реформы, между которыми началась своеобразная «памфлетная война». Газета «Таймс» и журнал «Эдинборо ревью» помещали на своих страницах статьи в поддержку реформы. Противники реформы чаще всего выражали свое мнение в таких торийских журналах, как «Куотерли ревью» и «Джентлменз мэгэзин». Эти две группы периодических изданий соответствовали либеральному и консервативному направлениям

в политической жизни Великобритании. Главными идейными соперниками в «памфлетной войне» были журналы «Эдинборо ревью» и «Куотерли ревью», наиболее полно и четко излагавшие позиции противоборствующих сторон и имевшие большое влияние на формирование общественного мнения в стране. В свою очередь, общественное мнение оказывало серьезное давление на проведение в жизнь политических решений. Противоборствующие стороны активно использовали прессу в условиях относительно широкой свободы печати, которая существовала тогда в Великобритании. Известный британский историк Дж. М. Тревельян в своей «Социальной истории Англии» справедливо писал об особом роде диктатуры, которую осуществляли в то время «Эдинборо ревью» и «Куотерли ревью» в области публицистической литературы³⁰.

Примечания

- 1 См.: *Gash N.* Politics in the Age of Peel. L., 1953. P. 75.
- 2 *Edinburg Review.* 1830. Vol. 52, № 103. P. 1.
- 3 *Ibid.* P. 12.
- 4 *Ibid.* P. 14.
- 5 *Ibid.* P. 18.
- 6 *Ibid.* P. 262.
- 7 *Brougham H.* The Result of the General Elections ; Or What Has the Duke of Wellington Gained by Dissolution? L., 1830. P. 23.
- 8 *Ibid.* P. 28.

- 9 См.: *The Hansard's Parliamentary Debates.* 3rd ser. L., 1830. Vol. 2. P. 1094, 1176, 1355.
- 10 *Quarterly Review.* 1830. Vol. 44, № 87. P. 283.
- 11 *Edinburgh Review.* 1830. Vol. 52, № 103. P. 532.
- 12 *Times.* 1830. № 320.
- 13 *Butler J. R. M.* The Passing of the Great Reform Bill. L., 1914. P. 101.
- 14 См.: *Джефсон Г.* Платформа. Ее возникновение и развитие (История публичных митингов в Англии) / пер. с англ. ; под ред. В. Ф. Дерюжинского : в 2 т. СПб., 1901. Т. 2. С. 77.
- 15 *Times.* 1830. № 326.
- 16 *Quarterly Review.* 1831. Vol. 44, № 88. P. 556–557.
- 17 *Ibid.* P. 561.
- 18 *Ibid.* P. 588.
- 19 *Times.* 1831. № 67.
- 20 *Edinburgh Review.* 1831. Vol. 53, № 105. P. 234.
- 21 *Quarterly Review.* 1831. Vol. 45, № 90. P. 525.
- 22 *Edinburgh Review.* 1831. Vol. 53, № 106. P. 490–491.
- 23 *The Hansard's Parliamentary Debates.* 3rd ser. L., 1831. Vol. 8. P. 190–191.
- 24 *Ibid.* P. 210.
- 25 *Times.* 1831. № 281.
- 26 *Quarterly Review.* 1831. Vol. 46, № 91. P. 300.
- 27 *Ibid.*
- 28 *Quarterly Review.* 1831. Vol. 46, № 92. P. 544–545.
- 29 См.: *The Hansard's Parliamentary Debates.* 3rd ser. L., 1832. Vol. 12. P. 459.
- 30 См.: *Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии / пер. с англ. ; под ред. В. Ф. Семенова. М., 1959. С. 527.

Образец для цитирования:

Жолудов М. В. «Памфлетная война» и принятие великого акта о реформе 1832 года в Великобритании // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 52–57. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-52-57>

Cite this article as:

Zholudov M. V. «The Pamphlet War» and the Adoption of the Great Reform Act of 1832 in Great Britain. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 52–57 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-52-57>

УДК 94(497.1)

Проблема немецкого меньшинства в германо-югославских отношениях 1920–1933 годов

А. В. Мишин

Мишин Алексей Владимирович, аспирант Центра истории международных отношений, Институт всеобщей истории РАН, Москва, futurum2006@yandex.ru

По окончании Первой мировой войны вопрос о положении национальных меньшинств в Европе приобрел особую остроту ввиду полномасштабного изменения границ. В статье рассмотрена проблема немецкого меньшинства в германо-югославских отношениях 1920–1933 гг. Анализируется статус немецкого населения, его роль в экономической, политической и культурной жизни Королевства СХС (Югославия). Большое внимание уделено определению позиций Берлина и Белграда по вопросу о положении немецкого меньшинства и связи этих позиций со стратегическими целями двух государств.

Ключевые слова: многонациональное государство, права национальных меньшинств, германо-югославские отношения, немецкое меньшинство, «верны государству и верны народу».

The Problem of German Minority in the German-Yugoslavian Relations in 1920–1933

A. V. Mishin

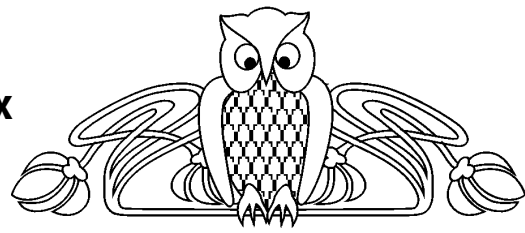
Alexey V. Mishin, <https://orcid.org/0000-0003-2871-397X>, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Pr., Moscow 119334, Russia, futurum2006@yandex.ru

After ending of WWI the question about the position of national minorities in Europe became especially acute because of serious changes of the states' borders. The article analyzes the problem of German minority in German-Yugoslavian relations of 1920–1933. Status of German population, its role in economical, political and cultural life SCS Kingdom (Yugoslavia) is examined. Special attention is devoted to defining Berlin's and Belgrade's positions about this problem and connection of these positions with strategic goals of the states.

Keywords: multination state, rules of national minorities, German-Yugoslavian relations, German minority, "hold true to state and hold true to folk".

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-58-63>

Вовлеченность в современную международную жизнь большого числа государств с разным уровнем экономического и политического развития привела к распространению такого явления, как отношения двух неравноправных партнеров. В этой связи становится актуальным анализ прецедентов названного явления. Одним из примеров могут служить германо-югославские отношения 1920–1933 гг. Хронологические рамки исследования определяются следующими обстоятельствами: в 1920 г. были установлены дипломатические

отношения между Германией и Королевством СХС (сербов, хорватов и словенцев); в начале 1933 г. в связи с установлением в Германии нацистской диктатуры начался новый период мировой истории и отношений двух государств.

О важности проблемы свидетельствуют, в частности, статьи сборника «Восточная и Центральная Европы между мировыми войнами (1918–1939)», изданного в 1997 г. в Магдебурге¹. Половина публикаций посвящена различным аспектам названной проблемы: «Провалившаяся интеграция. К вопросу о меньшинствах в Восточной Центральной Европе. 1919–1939» (В. Кеселер), «Договоры и защита меньшинств – возникновение, содержание и воздействие» (Д. А. Лёбер), «Конституции и права меньшинств» (А. Ушаков), «Национальные меньшинства в парламенте и правительстве» (П. Буриан), «Мероприятия по разрешению церковных проблем меньшинств в Латвии и Эстонии. 1919–1939» (Г. Виттрам), «К вопросу об экономической силе национальных меньшинств в промышленности, торговле и банковском деле в Польше во время Второй республики» (К. фон Делаэс), «Школьное обучение национальных меньшинств в Эстонии, Латвии, Польше и Чехии между мировыми войнами» (Р. Хойзер), «Национальные меньшинства и культурная жизнь. Взаимное обогащение или отчуждение?» (Г. Лемберг).

Германо-югославские отношения 1920–1933 гг. носили многоаспектный характер и были связаны с дипломатической, политической, экономической, культурной, национальной сферами. Предметом анализа в данной статье являются позиции Германии и Королевства СХС (Югославия) по вопросу немецкого меньшинства, проживавшего в молодом югославском государстве. Известно, что немцы наряду с венграми являлись крупнейшими неславянскими этническими группами в Королевстве. Они населяли в основном северные и северо-западные районы страны – Словению, Хорватию, Воеводину, т. е. земли, принадлежавшие в свое время Австро-Венгрии, а Королевство СХС (Югославия) половину своей территории получила за счет бывших южных и юго-западных земель этого государства. Для многонационального государства, каким являлось Королевство СХС, вопрос о положении меньшинств приобретал особое значение и имел свою специфику².

Необходимо отметить, что на протяжении нескольких столетий немцы осознанно переселялись

на эти земли из Германии. Переселение немцев началось в XVI в. после принятия хорватских земель под покровительство Австрийской монархии и усилилось после присоединения Венгрии и Воеводины к империи Габсбургов в начале XVIII в.

По мнению немецкого историка К. Бетке, «места проживания немцев в Югославии никоим образом не относились к “Германии”»: они находились далеко от немецкого языкового круга и не имели в немецком национальном сознании такого особого, символического значения, как Западная Пруссия или Эльзас»³. Тем не менее защита немецкого меньшинства за границей с самого начала была одним из направлений внешней политики нового германского государства. «Пристальное внимание, которое уделялось этому вопросу ... должно было убедить общественное мнение в том, что только Германия может представлять интересы всех немцев, вне зависимости от места их пребывания. Забота о зарубежных соотечественниках имела целью создание прочной основы для поддержки германского рейха в тех областях соседних государств, где проживали немцы»⁴.

Состав немецкого населения в югославских землях не был однороден в плане своего территориального происхождения. Часть немецкоязычных поселенцев приехали туда из Южной Германии, часть – из австрийских владений. Не было однородности и в социальном, и финансовом плане. Немцы Славонии (Хорватия) были по преимуществу ремесленниками и крестьянами, среди их соплеменников в Воеводине доминировали помещики и другие крупные землевладельцы. Хорватские и словенские немцы были менее лояльны по отношению к новой югославской власти, в то время как немцы Воеводины взяли курс на мирное сосуществование и верность режиму Карагеоргиевичей.

Достоверных фактов, свидетельствующих о постоянном целенаправленном притеснении немецкого населения славянским большинством, нет, что позволяет предположить, что условия проживания немецкого меньшинства в Королевстве были приемлемыми по сравнению, например, с обстоятельствами существования немцев в Чехословакии. Тем не менее югославские власти по понятным причинам не желали усиления национальных меньшинств в своей стране. Так, в начале 1920-х гг., как об этом пишет югославский историк З. Янетович, для «исправления исторической несправедливости» королевское правительство решило провести аграрную реформу, одной из целей которой было ослабление положения по большей части инородных лагифундистов. Иногородцы, кроме словаков, были исключены из числа получателей наделов. Это прежде всего коснулось немцев⁵. Германские власти постоянно уделяли внимание положению немецкого меньшинства, особенно учитывая тот факт, что в 1918 г. около трети этнических немцев во вновь образованных государствах мгновенно превратились в наци-

ональное меньшинство. В межвоенный период Германия считала немецкие меньшинства за границей угнетенной частью населения. Защита соотечественников за рубежом была мощным орудием в руках сил в Германии, мечтавших о возрождении великой немецкой державы.

Знаком повышения статуса немецкого меньшинства явилось создание в 1920 г. в Воеводине, где насчитывалось 3165 79 немцев, Культурного союза швабских немцев (Schwäbisch-Deutscher Kulturbund), печатным органом которого был «Немецкий народный листок» (“Deutsches Volksblatt”). Выше уже упоминалось о том, что немецкое меньшинство этой области не противопоставляло себя коренному населению и режиму Белграда. Таким образом, члены Союза, демонстрируя лояльность по отношению к новому государству, стремились добиться улучшения общественного положения и представить свою ориентацию на Германию «как менее опасный для Белграда фактор, чем настроенность на Венгрию»⁶. Для югославских властей, серьезно опасавшихся претензий Венгрии на ее бывшие регионы, существование такой организации было некоей гарантией нерушимости северных границ. Девиз Культурного союза «Верны государству и верны народу» был преисполнен глубокого смысла и отражал две главные цели немецкого меньшинства: добиться расположения югославских властей и сохранить национальную идентичность.

Многочисленная немецкая диаспора влияла на научные и культурные связи Германии и Королевства СХС. В частности, остро стоял вопрос о немецких школьных учреждениях. В. А. Космач считает положение немецких школ проблемой номер один в германской внешней культурной политике в отношении Королевства после 1918 г.⁷ Исследователь приводит слова одного из шести немецких депутатов в югославском парламенте С. Крафта о том, что немецкие школы в государстве югославян после Первой мировой войны были практически полностью закрыты; довоенное положение в этой области восстановилось с трудом. Лишь во второй половине 1920-х гг., когда упрочились экономические отношения двух стран, немецкие дипломаты обеспокоились выстраиванием «тесных культурных связей, чтобы югославы могли примкнуть к науке, технике и другим областям духовной жизни Германии»⁸.

Исследователи устанавливают прямую связь между проблемой меньшинств и экономическим развитием страны. Так, С. Кавалуччи в статье «Силезский уголь в отношениях между Польшей и Германией в межвоенный период» высказывает мысль о том, что «промышленники были частью немецкого меньшинства, как, впрочем, большая часть технических специалистов и чиновников местной администрации»⁹. Похожая ситуация существовала и в Югославском государстве.

Проблема немецкого меньшинства, таким образом, была если не ключевой, то весьма важ-

ной в германо-югославских отношениях. В силу сложившихся исторических условий вопрос о положении меньшинств и их роли в обществе был актуален для Восточной Европы в целом. По окончании Первой мировой войны побежденные стороны понесли огромные территориальные потери, зафиксированные в мирных договорах. Целостность стран была разрушена, часть земель оказалась присоединенной к другим государствам. «В результате побежденные страны стали, как правило, мононациональными, а вновь созданные и увеличенные – многонациональными»¹⁰. Для защиты прав всех граждан, проживающих на территории определенной страны, вновь созданные государства подписали специальные договоры о защите национальных меньшинств. В договорах констатировалось равное право граждан перед законом без различия расы, языка и религии; национальным меньшинствам предоставлялись следующие возможности: создавать свои школы, религиозные и общественные организации, пользоваться родным языком в суде, занимать государственные должности, получать любые профессии¹¹.

Наиболее остро вопрос о положении немецкого меньшинства в Югославии стоял в 1929–1930 гг. 1929 г. явился рубежом не только в мировой политике и экономике в целом, но и в истории германо-югославских отношений. В Германии в 1929 г. заканчивалась «эра Штресемана» – период относительной экономической стабильности и взвешенных политических решений. В Югославии в 1929 г. начинался период единоличной власти короля Александра, который последовал за громкими событиями в Скупщине – убийством сербским националистом П. Рачичем лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича, – и характеризовался коренными изменениями как во внешней, так и во внутренней политике. В этот период немецкие посланники практически еженедельно посылали в Берлин донесения о результатах встреч с ведущими политическими деятелями Королевства или о выступлениях в СМИ по этой проблеме. Сербская диктатура, установившаяся в Югославии, считалась в Берлине потенциальной угрозой существованию немецкого меньшинства в государстве. Тема национальных меньшинств была в Европе столь злободневной, что обсуждалась в Лиге Наций. «Под давлением представителя Германии в 1929 г. был создан специальный комитет в целях выработки процедуры рассмотрения петиций меньшинств... Петиции, декларировавшие “национальное угнетение немецкого народа”, инспирируемые Германией, огромным потоком хлынули в Лигу из Верхней Силезии, Гданьска, Саара и других мест»¹².

Проблема немецкого меньшинства была важна для Германии и как предлог для пересмотра ее восточных границ, которые с точки зрения Берлина были определены неверно¹³. Позицию югославских властей по отношению немецкого

меньшинства озвучил в апреле 1929 г. на заседании Лиги Наций министр иностранных дел Королевства В. Маринкович, о чем 8 апреля 1929 г. сообщал в Берлин сотрудник немецкого посольства в Белграде Виндекер. В. Маринкович заявил, что в его государстве заботятся о меньшинствах больше, чем в Германии. В Королевстве пользуются привилегиями все меньшинства, даже албанцы, не говоря уже о немцах. В качестве доказательства своих слов югославский министр привел такие факты, как недавнее открытие немецкого консульства в Скопье и югославскую поездку немецкого автомобильного клуба¹⁴.

Несмотря на позитивную тональность сообщения Виндекера, существовали серьезные проблемы, связанные со статусом немецкого меньшинства в Югославии и его конкретным воплощением. Внимание того же автора привлекла публикация в официальной газете «Правда» от 16 июня 1929 г., которая носила предупреждающий характер. По мнению журналиста, югославское меньшинство терпит унижения в Германии, и этот факт может иметь обратное влияние. Немецкий дипломат был встревожен подобным заявлением и усмотрел в этом проявление политики югославских властей, которые «стараятся выслужиться перед Англией»¹⁵. Югославская пресса недостаточно активно пропагандирует югославо-немецкое сближение, резюмирует Виндекер, тем самым давая пищу для размышлений МИДа Германии по поводу разрабатываемой им политики в отношении Югославии.

Немецкие дипломаты хорошо осознавали возможности СМИ в формировании общественного мнения, а в отдельных случаях и государственной политики, поэтому их интерес к публикациям как в югославских, так и в немецких газетах обоснован. Если Виндекер был недоволен позицией немецкого меньшинства, то А. Кёстер обеспокоен настроением германской прессы по этой проблеме. Посланник в Белграде считает, что германские СМИ слишком часто обращаются к теме дурного обращения с немецким меньшинством в Королевстве, и советует министерству иностранных дел изменить эти настроения, тем более что проблемные ситуации возникают и в существовании других меньшинств – болгарского, венгерского. В отличие от Виндекера А. Кёстер усматривает в деятельности властей Королевства стремление разрешить ситуацию; с этой целью югославские чиновники пытаются привлечь на свою страну германских журналистов, чтобы те сами увидели и проанализировали условия проживания немецкого меньшинства. Посланник через дипломатов МИДа предостерегает представителей немецких СМИ от той участи, которая постигла в Югославии французских журналистов и французские газеты – о них сложилось мнение как о продажных. А. Кёстер, таким образом, настаивает на более продуманной и взвешенной информационной политике Берлина в отношении Югославии¹⁶.

Распространение немецкого влияния в Югославии шло и через дружественно настроенных к

Германии государственных деятелей. Необходимо констатировать, что ряд влиятельных лиц в Белграде был настроен скептически по вопросу о сближении с Германией, ясно осознавая великодержавный характер ее политики, унаследованный от имперских времен. Зачастую только личные симпатии и связи позволяли решать сложные вопросы. К числу прогермански настроенных югославских государственных и политических деятелей принадлежал, в частности, лидер Словенской народной партии А. Корошец, который большую часть жизни провел в Австро-Венгрии, а в Королевстве занимал ведущие посты; так, в 1929 г. он был министром природных ресурсов. С А. Корошцем неоднократно беседовал А. Кёстер. Примечателен их продолжительный разговор, состоявшийся 3 декабря 1929 г. В доверительной беседе А. Корошец рассказал немецкому посланнику о своем желании посетить в ближайшее время Германию, а также о положении немецкого меньшинства и о перестановках в правительстве. А. Кёстер, со своей стороны, просил А. Корошца поставить перед правительством вопрос о положении немцев более остро¹⁷.

По проблеме немецкого меньшинства А. Корошец в этот же период времени – 16 декабря 1929 г. – становится собеседником министра иностранных дел Германии Ю. Куртиуса. Югославский министр, говоря о необходимости дальнейшего развития политических и экономических отношений между двумя странами, поинтересовался, какие факторы являются сдерживающими на этом пути. Ю. Куртиус должен был открыто сказать о том, что на этом пути стоит вопрос о положении немецкого меньшинства. В записке, составленной для МИДа, Ю. Куртиус повторил доводы, приведенные в беседе с югославским министром, – это обеспокоенность «проектом закона о народных школах, как и предыдущим обращением с немецким меньшинством вообще»¹⁸.

Визит А. Корошца в конце 1929 г. в Германию, во время которого он встречался с министром иностранных дел и рядом других высокопоставленных чиновников, привлек внимание немецкой прессы. 18 декабря 1929 г. в газете «Кёльнише фольксцайтунг» на эту тему была опубликована статья «Югославский визит» («Südslawischer Besuch»). Статья написана в позитивном ключе и направлена на укрепление германо-югославских отношений. «В последний год в Югославии пробудились силы, которые настроены на максимально дружественные отношения с немецким Рейхом. Германия ответила на это со всей искренностью»¹⁹, – заявляет автор публикации, но тут же делает оговорку: отношения станут развиваться успешно, если не будут омрачены притеснением немецкого меньшинства в Югославии. В статье выражена надежда на то, что А. Корошец использует все свое влияние для улучшения положения немецкого меньшинства в Королевстве. Как отчетливо видно, визит А. Корошца был использован немецкими СМИ в качестве повода для того, чтобы в очередной раз поднять столь злободневную для Германии проблему. Однако в дипломатических

кругах приезд А. Корошца дал основания для уточнения некоторых позиций в германо-югославских отношениях. 1 января 1930 г. А. Кёстер сообщает в Берлин о беседе с В. Маринковичем, в которой затрагивалась тема посещения В. Корошцем Германии. В. Маринкович как министр иностранных дел не был проинформирован своим коллегой о предстоящем визите и поэтому считал поездку приватной. В. Маринкович выразил несогласие с действиями В. Корошца, который, по его мнению, пытается создать собственную околоправительственную структуру. В свою очередь, В. Корошец, как сообщает А. Кёстер, не доложил В. Маринковичу о беседе с министром иностранных дел Германии. Содержание этой беседы стало известно немецкому посланнику по дипломатическим каналам. Находясь в постоянном контакте с В. Маринковичем, А. Кёстер, тем не менее, осознавал антигерманский настрой последнего, что и констатирует в указанном докладе²⁰. В этой ситуации для германской стороны особенно важна была позиция такого белградского чиновника высокого ранга, как А. Корошец, прогерманская ориентация которого проявлялась, в частности, в решении проблемы немецкого меньшинства.

Вопрос о положении немецкого меньшинства в Королевстве невозможно определить однозначно как внутривнутриполитический или внешнеполитический. С одной стороны, он был связан со статусом определенной группы граждан Югославии. С другой стороны, проблемы немецкого меньшинства, во-первых, входили в сферу югославо-германских отношений, во-вторых, косвенным образом, через посредничество Германии, влияли на взаимодействие Югославии с другими странами.

Механизм взаимосвязей наглядно продемонстрирован в донесении А. Кёстера, отправленном в МИД 7 февраля 1930 г.²¹ В донесении сообщается о беспрецедентном событии – руководитель немецкой общины Югославии Грасль был приглашен в правительство, где в течение двух часов в присутствии министра юстиции, министра образования и исполняющего обязанности министра иностранных дел обсуждался вопрос о школах для немецкого меньшинства. Существовало несколько причин подобного внимания к наболевшему вопросу. Первая отчетливо названа в докладе немецкого дипломата: цензор пресс-бюро пропустил статью в газете «Политика» об открытии мемориальной доски в честь Гаврилы Принципа. Несмотря на то что цензор был уволен, югославские власти, опасаясь недовольства Берлина, поспешили проявить демонстративное внимание к проблеме, входящей в круг особо значимых для Германии. Вторая причина также обозначена в сообщении А. Кёстера, но ее значение может быть понято только в контексте сложных переплетений внешнеполитических контактов Югославии. Дипломат отмечает нервозность в югославских правительственных кругах и публикацию статьи в газете «Правда» по поводу укрепления Италией с помощью союза с Австрией кольца вокруг Югославии и усиления воздействия Италии на Германию²².

Правящая элита Королевства стала всерьез опасаться втягивания Германии в масштабные антиюгославские планы Италии. Как уже было отмечено, Рим считался в Белграде наиболее опасным противником, вероятность столкновения с которым нарастала с каждым месяцем. Безусловно, подобные опасения Югославии были на руку внешнеполитическому ведомству Веймарской республики в его целях осуществлять давление на это балканское государство, в частности, решать проблемы немецкого меньшинства. Политические колебания Белграда в отношении немецкого меньшинства хорошо видны на примере истории Культурного союза швабских немцев. В 1929 г. организация была запрещена, но в 1931 г. вновь открыта, более того, имела представительства по всей стране²³.

Вопрос о положении немецкого меньшинства в Югославии не сходит с повестки дня и в беседах, и донесениях нового немецкого посланника в Белграде У. фон Хасселя, приступившего к своим обязанностям в начале 1930-го г. Новые факты непонимания или притеснения немцев вновь и вновь влекут за собой рассуждения о статусе и условиях проживания национальных меньшинств. В беседе У. фон Хасселя с В. Маринковичем 28 мая 1930 г. фигурирует дело одного из лидеров немецкого меньшинства д-ра Нойнера, долго находившегося в тюрьме. Немецкий дипломат приводит в качестве положительного примера положение немцев в Дании; но, даже несмотря на хорошее обращение с немецким меньшинством в этой стране, стоит вопрос о присоединении датских территорий с преимущественным проживанием немцев к Германии. При внимательном прочтении обнаруживается изменение риторики немецких дипломатов: никогда ранее экспансионистские планы Германии так явно не озвучивались. Сделав подобное заявление, У. фон Хассель несколько смягчает свои слова, заметив, что Югославия не соседствует с Германией, и данный вариант решения вопроса не имеет к ней отношения. Свои рассуждения по обозначенной теме югославский премьер-министр завершает заявлением о том, что не видит опасности со стороны Германии²⁴. Немецкий посланник стремится не опустить ни одной детали беседы, поскольку донесения немецких дипломатов, аккредитованных в Белграде, являлись важнейшим источником информации для Берлина. Трудно определить однозначно слова В. Маринковича: дипломатический реверанс, политическая близорукость, самообман, стремление удержать баланс, – так или иначе заявление югославского премьер-министра было для германского МИДа важнее, чем последовавшие вслед за этим рассуждения о том, что национальные меньшинства требуют индивидуального подхода и невозможно сопоставить меньшинство албанское и меньшинство немецкое – албанцам была дана культура, немцы сами развивали свою культуру.

В германо-югославских отношениях 1920–1933 гг. каждая из сторон имела собственные цели и интересы. Главной целью побежденной в Первой мировой войне Германии являлось ослабление, в

конечном счете разрушение Версальской системы в Юго-Восточной Европе и возвращение к довоенному статусу сильной державы. Сближение с югославским государством рассматривалось Берлином как один из способов достижения названных целей. Среди проблем, постоянно обсуждавшихся в дипломатических документах, политических беседах и публикациях в прессе, была проблема немецкого меньшинства. Заботясь о немецком населении Королевства, Германия позиционировала себя главным поборником прав немцев независимо от места их проживания, что было связано со стратегическими целями государства. Свои интересы в этой сфере имела Югославия. Власти Королевства, не желая усиления немецкого меньшинства, в то же время стремились использовать профессиональный и деловой потенциал немецкого населения для укрепления экономики страны. Дипломатический аспект этой проблемы для Белграда заключался в том, что забота о немецком меньшинстве укрепляла отношения с Германией. Характеризуя немецкое меньшинство в Югославии, следует иметь в виду, что оно было разнородным по социальному составу, культурному уровню, политическим предпочтениям, степени осознания национальной самобытности. Подобные различия делали проблему существования немцев в югославском государстве еще более сложной.

Примечания

- 1 См.: Ostmitteleuropa zwischen den beiden Weltkriegen (1918–1939). Stärke und Schwäche der neuen Staaten, nationale Minderheiten. Magdeburg, 1991.
- 2 См.: *Avramovski Z.* Balkanske zemlje I velike sile. 1935–1937. Beograd, 1968; *Lukač D.* Radnički pokret u Jugoslaviji I nacionalno pitanje. 1918–1941. Beograd, 1972; *Чиркович М.* История сербов / пер. с серб. М., 2009.
- 3 *Bethke K.* Deutsche und ungarische Minderheiten in Kroatien und der Vojvodina 1918–1941. Wiesbaden, 2009. S. 18–19.
- 4 *Дерябина С. Р.* Буржуазные партии и становление внешней политики Веймарской Германии. Оренбург, 2005. С. 45.
- 5 См.: *Janjetovic Z.* Die jugoslawische Minderheitenpolitik zwischen den beiden Weltkriegen // Vom „Verschwinden“ der deutschsprachigen Minderheiten: ein schwieriges Kapitel in der Geschichte Jugoslawiens 1941–1955. Ulm ; Berlin, 2016. S. 29.
- 6 *Bethke K.* Gab es „Jugoslawiendeutsche“? Regionale Spezifika und nationale Integrationsprozesse deutscher Minderheiten im Gebiet des südslawischen Staates // Vom „Verschwinden“ der deutschsprachigen Minderheiten... S. 43–44.
- 7 См.: *Космач В. А.* Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932). Витебск, 2006. С. 309.
- 8 Там же. С. 310.

- ⁹ Кавалуччи С. Силезский уголь в отношениях между Польшей и Германией в межвоенный период // Дипломатия ресурсов. Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века : пер. с ит. / под ред. М. М. Наринского. М., 2008. С. 29.
- ¹⁰ Пушкаш А. И. Международный и политико-правовой статус национальных меньшинств стран Средней Европы в решениях Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007. С. 79.
- ¹¹ Там же. С. 80.
- ¹² Илюхина Р. М. Лига Наций. 1919–1934. М., 1982. С. 201.
- ¹³ См.: Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 66.
- ¹⁴ См.: Politisches Archiv des Auswärtigen, Berlin (далее – PAAA). RZ206. 1273. Nr. 92. 8.4.1929; 201415.
- ¹⁵ См.: Politisches Archiv des Auswärtigen, Berlin (далее – PAAA). RZ206. 1273. Nr. 92. 8.4.1929; 201415.
- ¹⁶ Ibid. R73. 122.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. B. Göttingen, 1966–1980. Band XIII, 199.
- ¹⁹ PAAA. RZ206. Nr. 886.
- ²⁰ Ibid. Nr. 1(1-1).
- ²¹ Ibid. Nr. 29.
- ²² Ibid.
- ²³ См.: Bethke K. Gab es „Jugoslawiendeutsche“? // Vom «Verschwinden» der deutschsprachigen Minderheiten. S. 44.
- ²⁴ См.: PAAA. RZ206. R73. 122. L 012534-37.

Образец для цитирования:

Мишин А. В. Проблема немецкого меньшинства в германо-югославских отношениях 1920–1933 годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 58–63. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-58-63>

Cite this article as:

Mishin A. V. The Problem of German Minority in the German-Yugoslavian Relations of 1920–1933. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 58–63 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-58-63>

УДК 94(410)°1910/1936°

Сухопутные силы Великобритании к середине 1930-х годов: проблемы модернизации

А. В. Ражев

Ражев Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет, guibert@mail.ru

Традиционные взгляды на роль армии и сложная ситуация в стране 1920 – начала 1930-х гг. во многом способствовала стагнации британской армии. В результате сухопутные силы не отвечали требованиям современной войны. В ответ на изменение европейской обстановки армейский Генеральный штаб разработал план «ограниченной модернизации», при этом армейские проблемы остались в тени авиации и флота. По мере нарастания военной тревоги к середине 1930-х гг. речь уже шла не просто об увеличении военных расходов, а о необходимости приведения сухопутных сил в соответствии с масштабами назревавшей угрозы.

Ключевые слова: Великобритания, британская армия, Имперский комитет обороны, межвоенный период, перевооружение, модернизация, предпосылки Второй мировой войны.

The Land Forces of Great Britain in the Middle of the 1930s: Problems of Modernization

A. V. Razhev

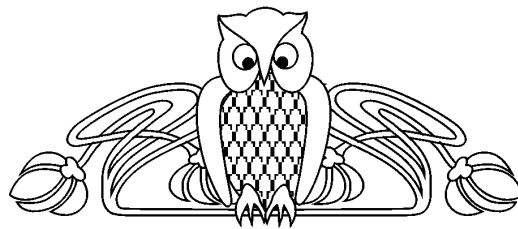
Aleksandr V. Razhev, <https://orcid.org/0000-0002-1692-0536>, Chelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh Str., 454001 Chelyabinsk, Russia, guibert@mail.ru

Traditional views on the role of the army and difficult situation in the country in the 1920s and early 1930s largely contributed to stagnation of the British army. As a result, land forces did not meet the requirements of modern warfare. In response to changes in the European context, the Army General Staff developed a plan for "limited modernization," but military issues remained in the shadow of Air Force and Navy. With the growth of military alarm by the mid-1930s it became obvious that not just increasing military spending, but bringing the land army according to the scale of the European threat of war is essential.

Keywords: Britain, British Army, Imperial Defence Committee, the inter-war period, re-equipment, modernization, causes of the Second World War.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-64-68>

Сухопутные силы Великобритании на протяжении нескольких столетий традиционно играли второстепенную роль в военно-политической стратегии этого островного государства. Как отмечал историк К. Барнетт, армия выполняла роль «имперского жандарма»¹. Море являлось той стихией, которая, по убеждению британцев, не разделяла, а соединяла империю. Поэтому контроль над океанскими путями составлял первейшую

заботу вооруженных сил метрополии. Военно-морской флот рассматривался в качестве гаранта безопасности империи, ее незыблемости. Задачи сухопутной армии, согласно теории морской силы, носили во многом пассивный характер: содержание гарнизонов в стратегически важных районах и выполнение полицейских функций в колониях².

Ситуация стала меняться с ростом международной напряженности в начале XX в. Соперничество европейских держав грозило перерасти в крупномасштабный военный конфликт. Развернувшаяся гонка вооружений вынудила кабинет А. Бальфура (1902–1905 гг.) поставить вопрос о пересмотре укоренившихся принципов обороны метрополии и колоний. Одним из ключевых моментов начавшейся дискуссии стал вопрос о создании сильной сухопутной армии, так как основным соперником Великобритании должна была стать Германия. В этой связи высказывались сомнения, что флот в состоянии обеспечить британские интересы в мире, и особенно на Европейском континенте.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. показала отставание Великобритании от континентальных держав в области строительства сухопутных сил. В результате понесенных поражений и острой критики авторитет английской армии заметно упал. По итогам войны в 1902 г. были созданы две королевские комиссии лорда Эшера и герцога Норфолка, которым поручалось разработать концепцию военной реформы. Помимо армейских чинов, в комиссии был включен и ряд военно-морских офицеров. В частности, стоит отметить второго морского лорда Дж. Фишера. Адмирал был убежден, что безопасность империи покоится исключительно на флоте, в то время как армия не должна выходить за пределы своей вспомогательной роли³. Особенно его тревожила идея создания экспедиционного корпуса, которая рассматривалась в рамках активно разрабатывавшейся континентальной стратегии. Фишер намеревался либо подчинить армию флоту, либо добиться для своего ведомства контроля над распределением оборонного бюджета. Адмиралтейство опасалось за свой амбициозный план развития военно-морских вооружений. Однако убедить кабинет не удалось. Внешнеполитическая ситуация оказалась на руку армейскому руководству. Возникновение Антанты и перспективы военного сотрудничества с Францией вселили большой энтузиазм в представителей военного министерства. Теперь армия стано-

вилась востребованной. Одновременно у военного ведомства появился свой реформатор, правда, в отличие от Фишера, человек гражданский – новый военный министр сэр Ричард Холден.

Ориентируясь на выводы комиссий Эшера и Норфолка, Холден начал реформу сухопутных сил. По оценке известного военного историка К. Барнетта, без внимания к деятельности Холдена «невозможно представить гигантские и весьма успешные усилия Великобритании в двух мировых войнах»⁴. Не случайно уже современники называли его лучшим военным министром в английской истории⁵.

В целом преобразования 1906–1912 гг. носили характер структурной модернизации. Возросла степень контроля над армией со стороны исполнительной власти. Если раньше военный министр осуществлял лишь общее руководство, то теперь он оказался во главе реорганизованного Военного совета. Наряду с первым лордом адмиралтейства глава военного ведомства получил равные возможности влиять на военно-политический курс кабинета. С этим было связано и упразднение поста главнокомандующего сухопутными войсками. Его политические функции отходили министру, а военные – начальнику генерального штаба.

Произошли изменения и в организации войск. Регулярные силы, расквартированные в метрополии, были сведены в 7 дивизий. Согласно новой стратегии, они предназначались для ведения боевых действий на континенте. Иррегулярные части были объединены в Территориальную армию из 14 пехотных дивизий и 14 кавалерийских бригад. На них возлагались задачи обороны метрополии, а также подготовка резервов для полевых войск.

Первая мировая война привела к созданию массовой армии. Первоначальные планы ограничиться небольшим контингентом войск для Западного фронта оказались несостоятельными. На начало войны сухопутные силы Великобритании насчитывали 432,4 тыс. солдат и офицеров. Из них около 150 тыс. составляли полевую армию. Общая численность войск Британской империи (включая доминионы) составляла 894,9 тыс. человек⁶.

Затягивание войны заставило британское правительство в 1916 г. ввести всеобщую воинскую повинность. За годы войны на военную службу было призвано свыше 8 млн человек, сформировано 85 дивизий и других подразделений. Максимальная численность экспедиционного корпуса на Западном фронте, включавшего на ноябрь 1918 г. 62 дивизии, достигала 2 млн человек. Всего через этот театр боевых действий прошло 5,4 млн человек. После окончания Великой войны создание такой небывалой в британской истории армии было признано ошибкой. Критике подверглась и сама континентальная стратегия, которая, по мнению многих политиков, показала свою несостоятельность для Великобритании.

Послевоенный период для Британской империи оказался сопряжен с многочисленными политическими и социально-экономическими трудностями⁷. Армия в этих условиях тяжело переживала адаптацию к новым условиям мирной жизни. Здесь необходимо выделить три ключевых фактора, оказавших значительное воздействие на развитие вооруженных сил в 1920–1930-х гг.

Во-первых, это политические особенности межвоенного периода: существенное полевение политики и демократизация жизни страны. Выступая под знаменем пацифизма и всеобщего разоружения, лейбористы и сторонники иных левых движений призывали к отказу от милитаризма в пользу социальных преобразований. Наличие сильной армии считалось неприемлемым в условиях пацифистского климата в обществе. Неприятие у пацифистов вызывала даже не столько сама война или вооруженные силы как таковые, сколько сухопутная армия. Такое двойственное отношение стало следствием высоких потерь на Западном фронте, потрясших британское общество. «Великая война психологически искалечила британцев, – отмечали историки, – подобные жертвы не вписывались в их историческое сознание»⁸. Патриотическая риторика сменилась критическим осмыслением произошедшего. В конце 1920-х гг. кинематограф наряду с солдатскими мемуарами, донес ужас войны до рядовых британцев. Под лозунгом «Более никаких Поштендейлей!» общественность приветствовала идею всеобщего разоружения. И вновь в первую очередь речь шла о сухопутной армии. Авиация и флот, не понесшие таких жертв, смогли сохранить свой статус в сознании английского общества.

В первой половине 1930-х гг. любой политик, открыто высказавшийся за перевооружение, рисковал своей карьерой в парламенте. Противоположные же идеи, наоборот, привлекали избирателей. Так, на выборах в Восточном Фулхеме в 1933 г. лидер лейбористов Джордж Лэнсбери заявил о своих планах «демобилизовать армию, разоружить военно-морской флот, расформировать соединения военной авиации...»⁹. В результате поддержка консерваторов в этом округе снизилась с 14.521 до 4.480 голосов. Подобная риторика в общественной среде и в рядах оппозиции вынуждала правительство маневрировать и идти на уступки. Консервативные политики старались быть осторожны в своих высказываниях, чтобы не прослыть милитаристами. Так, канцлер казначейства Н. Чемберлен, одобрявший меры по усилению противовоздушной обороны, в целом высказывался против роста расходов на вооружение. Как бывший министр здравоохранения, сделавший имя на социальном реформировании, он не приветствовал рост военных расходов. «Сама идея того, что с трудом заработанные сбережения наших людей... должны быть потрачены на оружие, является ненавистной», – заявлял Чемберлен¹⁰.

Позиция общественно-политических кругов непосредственно сказывалась на финансировании вооруженных сил, борьба вокруг которого стала еще одним фактором, повлиявшим на обороноспособность Великобритании. В парламенте в ходе обсуждения военных статей бюджета разворачивались ожесточенные дебаты. Лейбористская партия противодействовала любым попыткам увеличения расходов на оборону, считая их без того необоснованно высокими. Хотя с 1919 г. по 1928 г. военные затраты снизились с 616 млн ф.ст. до 113 млн ф.ст., они оставались существенно выше, чем перед Первой мировой войной¹¹. Если в 1910–1914 гг. правительство тратило на оборону от 64 до 78 млн ф.ст. (из них армия получала 27–28 млн ф.ст.), то в 1925–1929 гг. эти расходы достигли 119–125 млн ф.ст. (из них на армию 43–44 млн ф.ст.). Более того, британские военные расходы в пересчете на душу населения оставались одними из самых высоких в мире. Данные, согласно справке Наркомата обороны СССР «О направлении роста вооружений капиталистических стран в 1927–1934 гг.», приведены в таблице¹².

Страна	Военный бюджет, ам. долл.	Численность населения, млн	Расходы на душу населения, ам. долл.
Англия	529,0	45	11,8
Франция	542,2	45	13,2
Польша	118,0	30,4	3,9
США	725,7	120	6,0
Италия	331,4	41	8,1
Япония	245,0	65	3,8
СССР	661,0	161	4,1

Лейбористы и либералы требовали свертывания дорогостоящих программ перевооружения и реструктуризации военной промышленности, аргументируя свою точку зрения отсутствием у Великобритании потенциальных противников на континенте. Существенное влияние на свертывание военных расходов оказал утвержденный в 1919 г. новый принцип финансирования оборонных программ¹³. Исходя из предположения, что в ближайшие десять лет в мире не предвиделось крупномасштабного вооруженного конфликта с участием Великобритании, был сделан вывод о возможности сокращения бюджетов военных ведомств. У. Черчилль, занимавший в 1924–1928 гг. пост канцлера казначейства, в общем разделял данный принцип финансового планирования. И хотя он высказывался за то, чтобы каждый год учитывать конкретную ситуацию, «десятилетнее правило» определенно тормозило последовательную модернизацию вооруженных сил.

Впрочем, ситуация с финансированием военных программ выглядела весьма неоднозначно: в 1913 г. военные затраты в бюджете соединенного королевства составляли 44%, а в 1928 г. – лишь

17%. Что касается их доли в ВВП, то она за прошедшее время существенно не изменилась. Все зависело от взглядов участников политического процесса и той системы координат, к которой они были привязаны.

Третьим фактором, оказавшим влияние на состояние вооруженных сил, стали настроения в армейской среде, где царила атмосфера уныния и пессимизма. Особенно широко подобные настроения распространялись среди прогрессивных офицеров – потенциальных реформаторов¹⁴. После войны их профессиональные задачи сузились до масштабов несения гарнизонной службы, участия в колониальных войнах и выполнения полицейских задач в Индии, Ирландии и самой Англии. В результате обозначились признаки самоизоляции армии, возвращения этого «самого консервативного и могущественного профсоюза» к довоенным армейским порядкам¹⁵. Военные все больше оказывались в стороне от процесса развития общества, переживавшего глубинную трансформацию: демократизацию, вовлечение в социально-политическую жизнь страны широких слоев населения, культурное и мировоззренческое обновление.

Главой Имперского Генштаба с февраля 1933 г. являлся генерал сэр Арчибальд Монтомери-Массингберд. Многие критически настроенные современники видели в его взглядах отражение кризисного состояния армии. Однако едва ли положение сухопутных сил в начале 1930-х гг. следует считать катастрофическим. Хотя территориальная армия по сравнению с 1914 г. была сокращена почти вдвое с 255 тыс. до 134 тыс. человек, численность регулярных частей уменьшилась незначительно, составив 118,1 тысяч¹⁶, а общая численность вооруженных сил империи (с учетом доминионов) даже возросла, составив к 1934 г. 943,2 тыс. человек¹⁷. Генеральный штаб следил за техническими разработками на континенте, и особенно за германскими. Начальник генштаба – сначала генерал лорд Кейвен, а затем фельдмаршал Дж. Милн – продолжали рассматривать Германию как потенциальную угрозу, в связи с чем строили планы модернизации полевой армии¹⁸.

Военные умело расходовали имеющиеся средства на постепенное перевооружение. Финансирование отдельных программ, в частности по механизации войск, оставалось на достаточно высоком уровне, что позволило военно-политическим кругам в 1920 – начале 1930-х гг. задумываться о таких проектах, как полномасштабная механизация армии, включая дальнейшее развитие танковых подразделений. Медлительность этого процесса частично объясняется быстрым техническим прогрессом, что затрудняло переход от разработок к их массовому внедрению. Кроме того, историк Д. Френч в качестве причины отставания выделял структурную громоздкость Генштаба, не позволявшую оперативно следить за ходом

военных разработок¹⁹. Таким образом, процесс модернизации шел, хотя дать ему однозначную оценку сложно. Ошибки были неизбежны, но зачастую они являлись следствием объективных факторов. Как писал генерал А. Уйзвелл в ноябре 1930 г., задача перед реформаторами мирного времени стояла крайне сложная, «сродни работе архитектора, которому, перестраивая дом, приходилось приспособляться к существующей конструкции и живущим в нем людям, а главное к постоянному недостатку средств»²⁰.

С началом 1930-х гг. международная обстановка осложнилась. Рост агрессивности фашистских держав, их стремление к пересмотру послевоенного миропорядка негативно сказались на состоянии имперской обороны. Особое беспокойство вызывала ситуация на Дальнем Востоке. Усиление Японии становилось все более угрожающим для интересов Британской империи. Политические круги постепенно приходили к осознанию, что длительное ограничение вооружений в сочетании с экономическими трудностями создают реальную угрозу безопасности.

Стремясь достичь компромисса между идеей разоружения, стремлением Германии к возрождению сильной армии и заинтересованности Франции в собственной безопасности, британские военно-политические круги приступили к рассмотрению возможных угроз. Для этого в структуре Имперского комитета обороны в октябре 1933 г. был создан Комитет оборонного планирования. В его состав вошли секретарь правительственного кабинета и одновременно секретарь Имперского комитета обороны М. Хэнки, постоянный заместитель канцлера казначейства У. Фишер, постоянный заместитель министра иностранных дел Р. Ванситтарт и начальники штабов армии, авиации и флота: А. Монтгомери-Массингберд, Э. Эллингтон, Э. Чатфилд.

На первом заседании комитета в ноябре 1933 г. Фишер и Ванситтарт предложили считать Германию основным потенциальным противником. Исходя из этой установки, представители казначейства и внешнеполитического ведомства высказались за пересмотр политики в области обороны. Министр авиации Дж. Лондондерри предупреждал, что «если Британия не ответит на германское перевооружение, то ситуация в дальнейшем будет только ухудшаться»²¹. Однако не все в комитете согласились с такой точкой зрения. М. Хэнки и первый морской лорд Э. Чатфилд в качестве основного источника угрозы продолжали рассматривать Японию. Они настаивали на усилении флота в рамках доктрины «двойного стандарта» и сингапурской стратегии. В результате в 1933 г. военные планы допускали возможность ведения войны одновременно против Германии и Японии.

При обсуждении международной ситуации о непосредственном, т.е. «техническом», перевооружении речи не шло. Генеральный штаб спешно

разработал план «ограниченной модернизации», запросив на эти нужды 40 млн ф.ст. Мнения в комитете разделились между сторонниками двух различных вариантов стратегии: европейского, подразумевавшего подготовку к противостоянию с Германией, и имперского, предусматривавшего сосредоточение усилий против Японии. Комитет начальников штабов, полагая, что в случае войны Германия будет следовать известному плану Шлиффена, рекомендовал в своем меморандуме в ноябре 1933 г. израсходовать эти средства для механизации войск и создания экспедиционного корпуса с целью защиты Бельгии и Голландии²². Правда, осознавая невозможность возврата к ситуации 1914 г., военные намеревались ограничить свой контингент четырьмя пехотными и одной кавалерийской дивизиями, а также танковой бригадой.

Британское правительство, не желавшее связываться с дорогостоящими программами перевооружения и возлагавшее надежды на переговоры с Германией, медленно реагировало на изменение ситуации. Особенно жестко на страже финансовой стабильности стояло казначейство во главе с Н. Чемберленом. Он, безусловно, видел необходимость усиления обороны ввиду роста агрессивности японской и германской политики, о чем свидетельствует его дневниковая запись: «этого требует обычное благоразумие»²³. Однако, будучи сторонником умеренных преобразований в рамках консервативного реформизма, Чемберлен ориентировался на укрепление социальной стабильности при помощи государственных мер по оживлению экономики. Поэтому, как пишет Дж. Пост, «спаситель британской экономики» стремился избежать «жертвования маслом ради пушек»²⁴. В итоге Комитет оборонного планирования согласился лишь на исправление тех недостатков, которые были допущены в 1920-е гг., т.е. за время существования «десятилетнего правила». Члены комитета поддержали выделение на эти цели дополнительных ассигнований в течение последующих пяти лет, отвергнув при этом планы по модернизации сухопутных сил в целом. Более того, в результате дальнейшего обсуждения казначейство добилось сокращения запросов военных. Однако по мере нарастания политического кризиса в Европе с середины 1935–1936 гг. начинается планомерное обсуждение вопросов модернизации сухопутных сил и ее стратегии в предстоящем Европейском конфликте²⁵.

Примечания

- ¹ *Barnett C. Britain and her army, 1509–1970. A military, political and social survey. L., 1970. P. 411.*
- ² См.: *Ражев А. В. Британская имперская стратегия на Дальнем Востоке и проблема безопасности Австралии в 1920–30-е годы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. 2012. Вып. 51, № 16 (270). С. 79–82.*

- ³ См.: *Лухарев Д. В.* Адмирал Дэвид Битти и британский флот в первой половине XX века. СПб., 1997.
- ⁴ *Barnett C.* Britain and her army. P. 359.
- ⁵ *Dunlop J. K.* The development of the British Army 1899–1914. L., 1938. P. 231.
- ⁶ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 с. Л. 2, 4.
- ⁷ См.: *Грудзинский В. В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996. С. 289; *Нохрин И. М.* Прощание с Империей : национальная политика в Канаде в «либеральную эпоху» Уильяма Лайона Маккензи Кинга // *Rex Britannica : история Британской империи и созданного ею мира : сб. науч. работ к 60-летию проф. В. В. Грудзинского / под ред. И. М. Нохрина.* Челябинск, 2016. С. 117–137; 120–123.
- ⁸ *Barnett C.* The collapse of British power. L., 1972. P. 424–426.
- ⁹ *The Private Papers of Hore-Belisha / ed. R. J. Minney.* L., 1960. P. 33.
- ¹⁰ *Мэй Э. П.* Странная победа. М., 2009. С. 190.
- ¹¹ См.: *Peden G. C.* Arms, economics and British strategy: from dreadnoughts to hydrogen bombs. Cambridge University Press, 2007. P. 127.
- ¹² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 с. Л. 23–24.
- ¹³ *Shay R. P.* British rearmament in the 1930s. Politics and profit. Princeton, 1977. P. 19.
- ¹⁴ См.: *Bond B.* Leslie Hore-Belisha at the War Office // *Politicians and defence : studies in the formulation of British defence policy, 1845–1970 / eds. I. F. W. Beckett, J. Gooch.* L., 1981. P. 111.
- ¹⁵ См.: *Поуз К.* Король Георг V. М., 2005. С. 324.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 с. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ См.: *French D., Reid B. H.* The British General Staff, reform and innovation, 1890–1939. L., 2004. P. 148–149.
- ¹⁹ См.: *French D.* Raising Churchill's army: the British Army and the war against Germany, 1919–1945. Oxford, 2001. P. 83.
- ²⁰ *Winton H. R., Mets D. R.* The challenge of change: military institutions and new realities, 1918–1941. University of Nebraska Press, 2000. P. 74.
- ²¹ *Shay R. P.* Op. cit. P. 34.
- ²² См.: *Peden G. C.* Sir Warren Fisher and British Rearmament against Germany // *The English Historical Review.* 1979. № 370. P. 35.
- ²³ *Мэй Э. П.* Указ. соч. М., 2009. С. 190.
- ²⁴ *Post G.* Dilemmas of Appeasement : British Deterrence and Defense, 1934–1937. N.Y., 1993. P. 39.
- ²⁵ Подробнее см.: *Ражев А. В.* Стратегия и ведомственные противоречия. Модернизация армии Великобритании во второй половине 1930-х годов // *Военно-исторический журн.* 2012. № 9. С. 67–73; *Razhev A. V.* British army in 1935–1939 : the modernization of land strategy and the context of appeasement // *Magistra Vitae : электрон. журн. по историческим наукам и археологии.* 2017. № 2. С. 89–64.

Образец для цитирования:

Ражев А. В. Сухопутные силы Великобритании к середине 1930-х годов: проблемы модернизации // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2019. Т. 19, вып. 1. С. 64–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-64-68>

Cite this article as:

Razhev A. V. The Land Forces of Great Britain in the Middle of the 1930s: Problems of Modernization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations,* 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 64–68 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-64-68>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 947.084.5

Советско-турецкие контакты по военным вопросам в начале 1920-х годов

В. Г. Цыплин

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, v.tsyplin@yandex.ru

В статье рассматриваются аспекты военного взаимодействия в период формирования советско-турецких отношений и становления Турецкой Республики. Проводится обобщенный анализ особенностей военно-политической обстановки вокруг России и Турции в начале 1920-х годов. Даются некоторые характеристики действиям советского и турецкого руководства по военным вопросам в период совпадения национальных интересов большевиков и кемалистов.

Ключевые слова: советско-турецкие отношения, военно-техническое сотрудничество, военные поставки.

Soviet-Turkish Contacts on Military Matters in the Early 1920s

V. G. Tsyplin

Vitaly G. Tsyplin, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7900>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, v.tsyplin@yandex.ru

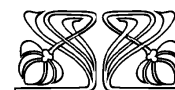
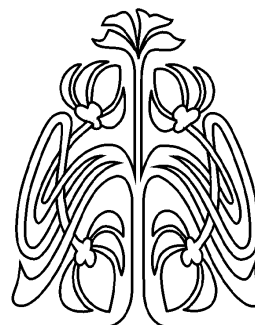
The article examines the aspects of military cooperation during the formation of the Soviet-Turkish relations and the formation of the Turkish Republic. A general analysis of the military-political situation around Russia and Turkey in the early 1920s is conducted. Some characteristics of the actions of the Soviet and Turkish leadership on military matters during the period of mutual national interests of the Bolsheviks and Kemalists are given.

Keywords: Soviet-Turkish relations, military-technical cooperation, military supplies.

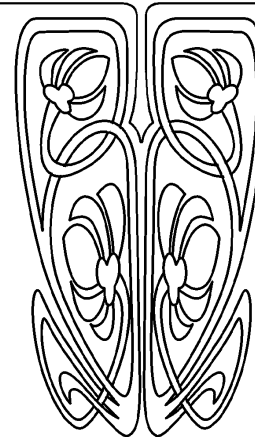
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-69-75>

Первые шаги российско-турецкого сближения в военной области просматриваются в апреле 1920 г., когда Кемаль Ататюрк обратился к Советской России с просьбой об установлении дипломатических отношений и оказании военной помощи. Советское руководство в этот период предполагало, что турецкие националисты могут объединиться с союзниками и тогда против Москвы будет применено ее же оружие. Поэтому Г. В. Чичерин говорил, что при передаче оружия Турции надо соблюдать осторожность и осмотрительность. Помощь Советской России национально-освободительному движению Турции способствовала успешной борьбе турецкого народа за свою независимость. Кемалисты после ликвидации армянского восстания на своем восточном фронте и в войсковых частях в Александрополе, Ардагане, Артвине, Карсе не беспокоились за свою восточную границу. Они начали стягивать все силы для борьбы на западе¹.

В 1920 г. в Анкаре, вскоре после образования Великого национального собрания, Кемаль Ататюрк провел секретное заседание с новым депутатским корпусом. Он пояснил разницу в понятиях «быть большевиком» и «быть союзником большевиков», что Турция должна поддерживать нормальные отношения с Россией без признания больше-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

визма². Хотя в 1919 г. он высказал другую позицию об образовании РСФСР, в которой воспринимал государство большевиков как возможную модель для нового правительства Турции. В продолжение этого Атаюрк 26 апреля 1920 г. направляет свое письмо председателю Совнаркома В. И. Ленину, где просит оружия, золота и воинских подразделений для ведения боевых действий на Анатолийских территориях против капитала. После Мудроского перемирия в Турции все склады боеприпасов, вооружение и стратегические объекты были конфискованы войсками Антанты. В письме было предложение разработать общую военную стратегию на Кавказе, имеющей целью устранения кавказского барьера, созданного дашнаками, грузинскими меньшевиками при содействии Англии. В современной Турции это обращение относят к одному из первых международных документов нового парламента. Армения не разрешала доставку помощи Турции через свою территорию, а страны Антанты своими судами блокировали все поставки по Черному морю. Из-за этого все операции по транспортировке проводились втайне, а турецкая сторона с помощью созданного специального подразделения отслеживала информацию о передвижениях патрульных кораблей Антанты. Несмотря на это, информация о советской военной помощи Турции была раскрыта, а греческая сторона провела обстрел зданий советского консульства и некоторых районов в городе Самсун, в связи с чем большевики отправили ноту протеста странам Антанты.

В июле 1920 г. в Москву для заключения договора прибыли представители правительства Турции с руководителем МИДа Бекиром Сами-бейем, который принадлежал к осетинской диаспоре в Турции, был сыном русского генерал-лейтенанта. Ранее он был завербован англичанами, вел с ними тайные переговоры о создании антикоммунистических формирований из турецких и грузинских войск. От него исходило предложение премьер-министру Британии об объединении Кавказских народов вокруг Турции для борьбы с большевизмом при активном содействии Англии. В ходе встреч Бекир Сами-бей убеждал Ллойда Джорджа в стремлении турок наладить контакты с Англией и отсутствии с их стороны каких-либо симпатий к большевикам³. Сами-Бей крайне негативно относился к переговорам с Москвой, давал недостоверную информацию турецкому правительству о ходе переговорного процесса, в целом необъективно преподносил своему руководству политику РСФСР, поддерживал провокационные действия Антанты в регионе. После правдивой информации в прессе руководитель внешнеполитического ведомства ушел в отставку, что явилось «лакмусовой бумагой» относительно взаимоотношений Турции с Москвой. В августе был выработан проект договора о дружбе. Параллельно в Москве работала военная комиссия, включавшая в себя представителей наркоматов (министерств)

и иностранных дел, внешней торговли РСФСР и РВС Республики. Должностные лица совместно с представителями Турции занимались уточнением перечня необходимых военных материалов⁴. На организационном заседании было решено установить минимум военно-технических материалов, без которых Турция не может обойтись⁵. Советскому правительству был представлен перечень необходимых поставок нуждающейся Турции⁶. Стороны договорились обеспечить безопасность железных дорог, соединяющих Россию и Турцию, не создавать проблем курсированию торговых судов по Черному морю. Было высказано предложение о созыве конференции Черноморских держав для обсуждения проливов в новом режиме. В результате работы документ не был подписан, в связи с чем М. Кемаль 29 ноября 1920 г. направил телеграмму Г. В. Чичерину с предложением заключения союза против империалистов⁷.

Захват М. Кемалем стратегически важных районов Армении вынудили Советскую Россию использовать отправку оружия как механизм достижения необходимых и важных на тот или иной момент уступок. При передаче партии оружия в декабре 1920 г. Россия потребовала отступления турок за Арпачай в Карсскую область. Таким образом, Советская Россия не приостановила отправку оружия, чтобы не разорвать контакты. Зимой 1921 г. поставки оружия продолжились. Нельзя было осложнять отношения с турками накануне заключения договора⁸. Турецкая сторона использовала все способы показа своей лояльности Совнаркому. С согласия К. Атаюрка для отвода глаз была создана турецкая коммунистическая партия, которая позднее после выполнения обязательств советской стороной была распущена⁹. По предположению ряда исследователей турецкая коммунистическая партия создавалась еще для получения финансирования от Коминтерна, но ссылок на реальные документы по этому вопросу никто не приводит. Первые контакты с Москвой до создания Великого национального собрания Турции пытались установить через турецких коммунистов в лице М. Субхи, позднее Атаюрк стал видеть в сильном коммунистическом движении потенциального и опасного конкурента. Убийством М. Субхи и его сторонников, спасавшихся от преследователей и пытавшихся покинуть Турцию на корабле, закончилось сотрудничество режима Атаюрка с начинавшимся формироваться турецким коммунистическим движением. Это событие вошло в историю как «убийство пятнадцати» и является примером жестокости по отношению к коммунистам¹⁰.

Командированный в Турцию для ведения переговоров о военных поставках и уточнения идеологической составляющей нового правительства герой гражданской войны С. Буденный проявил себя слабым дипломатом. Он не обратил никакого внимания на криминальный след в гибели турецких коммунистов. Современные экс-

перты считают, что многие данные, проливающие свет на эти и другие события в Турции, до сих пор засекречены и находятся в тайных архивах. Личная жизнь вождя, целый ряд его контактов, включающих процесс принятия внешнеполитических решений, в том числе по военным вопросам, остаются закрытыми в турецком обществе. Память основоположника Турецкой республики священна, специальный закон защищает репутацию, честь и достоинство бывшего лидера¹¹.

Россия и Турция, если использовать несколько сомнительную в международном сообществе терминологию XXI в., являлись международными «изгоями» и противниками империалистического Запада. У В. И. Ленина в условиях международной изоляции были ситуативные союзники, с которыми заключались временные союзы. К ним относился М. Кемаль, частично согласовывающий военную стратегию с Москвой и рассчитывающий на военную и финансовую поддержку со стороны большевистской России. Помощь была предоставлена, ее размеры перечислены у целого ряда исследователей XX века¹² и дипломатов¹³. В войне за независимость против Антанты и ее союзников более половины всех использованных турецкими войсками патронов были доставлены из России. Говоря об оружии, турецкие историки останавливаются на цифрах, которые свидетельствуют, что каждая четвертая винтовка, каждое четвертое орудие и каждое третье орудийное ядро поставлены из Советской России. Такой же позиции придерживаются наши современники А. Шамсутдинов, В. Шеремет, И. Дроговоз, С. Багдасаров. У новой турецкой власти не было никакого вооружения и флота, и перевозить военные грузы было нечем. С восточных границ было переброшено военное оборудование, принадлежащее русской армии в 1918 г.

Были и некоторые специфические виды военной помощи, выразившиеся не только в прямой материальной помощи и поставках оружия. Так, в новую турецкую армию из Советской России были посланы инструкторы; для политического разложения войск Антанты изнутри и сбора разведывательной информации в подразделения Западных государств были направлены тайные агитаторы¹⁴. Кроме этого купленные в Германии правительством Анкары самолеты доставлялись в Турцию через территорию России без каких-либо таможенных и налоговых сборов. Из новороссийского порта на корабле «Шахин» в обстановке секретности самолеты доставили к турецкому побережью. Авиационная техника была применена Турцией на анатолийском фронте¹⁵. Таким же способом в Турцию отправили всё находившееся в Новороссийске минное и артиллерийское имущество, винтовки и боеприпасы. Известен факт передачи оружия Турции командованием XI российской армии, дислоцированной в Азербайджане. Это было сделано по собственной инициативе командиров без соответствующей команды сверху¹⁶.

Заслуживает внимание факт, что оружие и снаряды в количестве 8 тысяч винтовок, 40 пулеметов и 20 тысяч ящиков боеприпасов, находившиеся под охраной французов на складе Акбаша в районе Галлиполи и предназначавшиеся странами Антанты для деникинской армии, пыталось забрать русское судно. В январе 1920 г. соратники Кемаля захватили этот груз и не допустили его доставку деникинцам. Таким образом, большевики оказали первую фактическую поддержку Турции оружием¹⁷.

В целях развития межгосударственных отношений на конгресс в Сивас весной 1920 г. приехал представитель Москвы Махмудов. После этого в Москве побывал генерал Халил в качестве представителя нового турецкого правительства. На этих встречах обсуждались вопросы военной помощи. После встречи в Москве в сентябре 1920 г. С. С. Каменева с представителем Меджлиса Халиля-пашой вопрос о военных поставках решился положительно. Через миссию Халиля-паши Москвой была оказана первая помощь Турции. Он вернулся в Турцию через Кавказ в составе советской делегации во главе с советником Я. Я. Упмал-Ангарским. Дорога в Анатолию была трудной и небезопасной. Это свидетельствовало о серьезных трудностях кавказского маршрута поставок¹⁸. Под руководством Г. К. Орджоникидзе через Туапсе в Турцию начали переправлять военные грузы. Учитывая слабые организационные возможности обеих сторон в тот период, поставки осуществлялись с перебоями. Об этом свидетельствуют послания Г. К. Орджоникидзе военному штабу Кавказского фронта Печерскому в период с 12 декабря 1920 г. по 3 февраля 1921 г. В этот момент Турция начала наступление на Западном фронте, и в оружии она очень нуждалась¹⁹. В Москве стороны активно обсуждали способы и пути доставки военных грузов. Турецкая сторона считала, что оптимальным вариантом будут доставки оружия по железнодорожным маршрутам и что РККА может освободить кавказские железнодорожные магистрали. Но большевики стояли на позициях доставки помощи только морем и других вариантов не рассматривали²⁰. В результате сначала перевозкой оружия занимались просто местные жители, используя свои плавсредства. Этого было явно недостаточно. Поэтому вопреки запретам министра обороны анкарского правительства кемалисты в сентябре – октябре 1920 г. отправили на ремонт в Новороссийск артиллерийские корабли береговой обороны среднего водоизмещения «Айдин-Рейс», «Превезе» и транспорт «Шахин». Эти корабли не пожелали перейти на сторону султанского правительства, были захвачены в Синопе англичанами и разоружены. Команды судов численностью около 150 человек во главе с офицерами смогли увести суда от англичан. После обращения турецкого правительства В. И. Ленин дал указание Чичерину совместно с командованием РККФ принять турецкие корабли, поставить их

на довольствие, перевооружить и вернуть новому турецкому правительству. Турецкие корабли были встречены РККФ южнее Геленджика и направлены в Новороссийск под охрану советской береговой обороны. Таким способом их место базирования спрятали от англичан. Судам присвоили новые названия соответственно: «Луч Востока», «Восставший» и «Шамиль». Они были включены в состав морских сил Черного моря. В мае 1921 г. суда вернули Турции. В августе 1920 г. для транспортировки оружия большевики передали турецкой стороне два военных корабля «Живой» и «Жуткий»²¹. Для перевозки оружия в Турции был образован контрабандистский отряд, члены которого по решению Меджлиса освобождались от воинской службы. Это выглядело нормально на фоне стихийных попыток правительств государств наладить торговые связи, так как именно контрабанда определяла характер советско-турецких торговых отношений в начале 1920-х гг.²²

В начале 1921 г. послом в Москву был назначен одноклассник Мустафы Кемаля генерал турецкой армии Али Фуат Джебесой, который в составе посольской делегации имел полномочия обсуждать в Москве вопросы военной помощи. В марте 1921 г. он был участником подписания Московского договора, по которому туркам передавались обширные армянские территории, осуществлялись военные и финансовые поставки. На международные акты, не признанные национальным правительством Турции, большевики не ориентировались. Военные поставки обеспечили успех национально-освободительной войны в Турции над греческой интервенцией, халифатской армией султана, активно поддерживавшихся Антантой²³. Причем было открыто сразу 2 фронта: на Западе – против греков и на Востоке – против дашнакской республики Армения. Российская военная помощь стала решающим фактором в военных победах турок над армянами и греками, после чего стало возможным появление Турецкой республики.

Важным результатом этих событий стали Муданайское перемирие 1922 г., а потом и Лозаннская конференция 24 июля 1923 г., где Турция подписала мирный договор со своими противниками по Первой мировой войне²⁴. В Лозанне при обсуждении вопросов о возврате Стамбула и проливов делегация большевиков встала на сторону Турции. Страны Антанты понимали, что при провале переговоров РККА, освободившаяся после гражданской войны, будет помогать Турции. Это было невозможно без временного сближения идеологически непохожих друг на друга государств, а именно интернационально-коммунистической России и буржуазно-националистической Турции²⁵. Россия первой из великих держав признала новую Турцию. После этого Греция чуть не объявила большевикам войну, так как греческие политики во главе с премьером Венизелосом действительно хотели войны с Турцией. Потребовались дипломатические усилия по недопущению военного конфликта²⁶. Это было сложно сделать из-за стремления союзников по Антанте делить Турцию греческими «руками».

Из разоренной мировой и гражданской войной голодающей России, еще не закончившей войну с Польшей, Совнарком принял решение тайно выделить серьезные средства. В руководстве Советской России по вопросу помощи Турции возникали серьезные дискуссии. Так, в феврале 1922 г. в ЦК возник спор между Чичериным и наркомом финансов Г. Я. Сокольниковым. Финансист выступил против выделения денег Анкаре в то время, когда жители России голодают. Тогда В. И. Ленин согласился с мнением Чичерина, и 27 февраля было принято решение о выделении Турции еще 3,5 млн. рублей. Сам Г. В. Чичерин к главным средствам вовлечения народов Востока в общемировой революционный процесс относил экономическое сотрудничество и экономическую помощь. К коммунистической пропаганде он относился менее серьезно²⁷. Состав помощи проанализирован различными исследователями рассматриваемого периода²⁸.

Если сказать объективно, то современные турецкие историки недостаточно последовательны в итоговой оценке объемов советской военной помощи. Это связано с тем, что многие турецкие архивы, проливающие свет на события того времени, до сих пор не открыты. В российских архивах информации по такой тематике почему-то немного. Поэтому исследователям остается «привязываться» к записям и мемуарам действующих лиц рассматриваемого исторического периода 1920-х годов, которые сводятся к мысли, что сотрудничество России с Турцией помогало большевикам провести советизацию Кавказского региона и организовать контроль причерноморских территорий. Для реализации этих целей и оказывалась военная помощь. В августе 1921 г. нарком иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин на приеме предложил М. Фрунзе должность главы чрезвычайного посольства от Советской Украины в Турции. М. Фрунзе, командовавший в то время Вооруженными силами УССР, считался одним из самых талантливых военачальников. 26 ноября 1921 г. М. Фрунзе во главе делегации, состоявшей из сорока человек, на итальянском корабле «Саннаго» прибыли из Багуми в Трабзон. Кроме дипломатической деятельности М. В. Фрунзе руководил группой военных советников-специалистов Советской России²⁹. К. Е. Ворошилов некоторое время исполнял в Турции обязанности военного советника. Именно с появлением М. Фрунзе военные историки связывают первые победы новой турецкой армии в период войны против сил Антанты и Константинопольского правительства. Они считают, что именно М. Фрунзе помог турецкому командованию в разработке наступательных операций против греков, которые завершились победой турецких

войск. В начале 1920-х гг. все без исключения советские республики были обязаны помогать турецким трудящимся. Украинские коммунисты выделили кемалистам серьезную материальную помощь: М. Фрунзе, например, передал турецким властям в Трапезунде 100 тыс. руб. для открытия детского приюта, родители которых погибли на фронте. М. Фрунзе, будучи на дипломатической работе, имел возможность бывать на передовой действующих отрядов и передавать свой опыт командования непосредственно командирам в боевой обстановке³⁰.

Большое значение имели договоренности по некоторым секретным вопросам в переговорном процессе с турецкой стороной. М. В. Фрунзе должен был лично достигать положительных результатов накануне объединения всех советских республик в СССР. В этой связи 25 декабря 1921 г. в Анкаре начала работу конференция по подготовке подписания Украинско-Турецкого договора на основе Московского договора от 16 марта 1921 г. Документ был подписан 2 января 1922 г.³¹ М. Фрунзе помог кемалистам организовать операцию по подавлению освободительного движения греков-понтийцев, после чего был поражен количеством убитых и лишенных постоянных мест проживания. Кемаль Атаюрк, Исмет-паша и Февзи-паша при содействии советских военных представителей стали объединять вокруг себя разобщенные отряды турецкой армии и различные формирования бандитской направленности. Эти структуры в советской историографии будут позднее называться революционной армией. На должность полпреда РСФСР в Турции В. И. Ленин назначил С. Аралова, которого характеризовал как знающего свое дело. В качестве напутственного слова В. И. Ленин сказал: «Не вмешивайтесь в их дела. Англия натравила на них греков... Вам предстоит серьезная работа. Товарищ Фрунзе на днях выедет в Анкару от Украинской республики. По-видимому, вы с ним встретитесь в Турции. — Помочь материально Турции мы сможем, хотя и сами бедны»³².

В конце 1921 г. состав полпредства РСФСР в Турции направился из Москвы в Анкару. По приглашению Атаюрка во время приготовлений к решающему наступлению против подразделений Антанты в марте 1922 г. С. Аралов побывал в штабах двух турецких армий и тыловых военных учреждениях. В состав делегации входили первый посол Азербайджана в Турции Абилов и военный атташе Звонарев. Был проведен митинг, посвященный годовщине национальной армии, после которого представители России передали турецким военным подарки со словами на турецком языке: «Турецкому солдату от Красной Армии Советской России»³³. Это свидетельствовало о том, что В. И. Ленин опасался потери Турции, так как она могла превратиться в союзника Англии. Запад же пытался не допустить усиления новой Турции. Для этого предпринимались попытки соз-

дания на советско-турецкой границе Армянского и Курдского государств, но благодаря большевистской военной помощи Турции эти далеко идущие планы были расстроены³⁴, что способствовало сопротивлению интервенции, расчленению страны и образованию кемалистской республики.

Фактическим признаком русско-турецкой дружбы по оружию, обусловленным внешними обстоятельствами, можно считать косвенное воздействие белых русских военных эмигрантов на процесс выдавливания французского оккупационного корпуса, дислоцировавшегося в районах Константинополя, Босфора и Дарданелл по условиям Севрского мирного договора. Кроме того, разместившиеся на территории Турции после военного поражения в Северном Причерноморье и Крыму вооруженные русские белогвардейцы своим нахождением в эмигрантских военных лагерях в какой-то степени мешали реализовать унижительные для национального достоинства турецкого народа условия Севрского мирного договора. Это в некоторой мере позволило поднять национально-освободительное движение в Турции, силовыми методами пресечь действия сепаратистов по расчленению исконной турецкой территории, заменить предательское султанское правительство и создать республику³⁵. Кемалисты были готовы к сотрудничеству как с большевиками, так и с белогвардейцами. Им были близки и те и другие политико-правовые взгляды на роль государства в жизни народа и отдельной личности.

В 1920-е гг. руководители Советского государства продолжали попытки реализовать идею создания интернациональных формирований из турок, предпринятых ими еще в начальный период Гражданской войны. Они, по мнению современных исследователей, характеризовались крайней непоследовательностью и противоречивостью на фоне отсутствия какого-либо желания координировать свои действия с турецкими руководителями³⁶.

По данным современных исследователей, Россия в общей сложности оказала национально-освободительному движению Турции огромную помощь, соответствующую сумме около 80 миллионов турецких лир, что составляет немного больше годового бюджета Меджлиса в начале 1920-х гг. Эта цифра в два раза превышает расходы министерства обороны правительства Анкары того времени.

Таким образом, в начале 1920-х гг. в отношениях между Советской Россией и Турцией четко просматриваются политические, военные, идеологические и экономические интересы. Заметна демонстрация определенной степени доверия между большевиками и кемалистами в период их военно-стратегического партнерства. Совершенно очевиден факт, что каждая из сторон вела свою закулисную игру, и каких-либо серьезных дружественных уз, особой преданности и привязанности к своему союзнику не

питала. Присутствовало определенное политическое решение, которое нередко превращалось в реальные действия. Это было заметно в период переломных моментов межгосударственных отношений и дипломатических перекосов. Иногда представлялось, что бывшее доверие, достигнутое и существовавшее при заключении договоров и соглашений в результате многосторонних переговоров Москвы, Анкары и республик Закавказья в 1920-х гг., уходит в прошлое.

Примечания

- 1 См.: Шталь А. Малые войны 1920–1930-х годов. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 31.
- 2 См.: Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017. С. 27–28.
- 3 См.: Гасанлы Д. Крах армянских претензий на Нахичевань. URL: https://news.rambler.ru/science/11367455/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=corylink (дата обращения: 23.07.2018).
- 4 См.: Густерин П. Советская дипломатия на мусульманском Востоке в 1917–1921 годах. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2014. С. 39.
- 5 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0132. Оп. 3а. Д. 1. Л. 6.
- 6 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 14. Д. 88. Л. 6–7.
- 7 См.: Armaoğlu F. Yüzyıl Siyasî Tarihi 1914–1995. İstanbul, Alkim Yayinevi. С. 312.
- 8 См.: Соколова Н. А. Политические и торговые отношения между Советской Россией и Турцией в 1917–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2002. С. 83.
- 9 См.: Салтан А. «Шесть стрел» Мустафы Кемала Ататюрка. URL: https://kompromat1.net/articles/36705-shestj_strel_mustafy_kemalja_atatjurka (дата обращения: 25.07.2018).
- 10 См.: Полонский И. Красные партизаны причерноморья: коммунистическое движение доставляет немало хлопот турецкому правительству. URL: <https://hist-etno1.livejournal.com/440227.html> (дата обращения: 24.07.2018).
- 11 См.: Шуваева-Петросян Е. Мифы и правда о Мустафе Кемале Ататюрке. URL: <https://shuv-petrosyan.livejournal.com/114864.html> (дата обращения: 23.07.2018).
- 12 См.: Новичев А. Д. Турция: краткая история. М.: Наука, 1965. С. 159.
- 13 См.: Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1960. С. 124.
- 14 См.: Тулин В. Как Россия спасла Турцию от исчезновения. URL: <http://www.yerkramas.org/article/98514/kak-rossiya-spasla-turciyu-ot-ischeznoveniya> (дата обращения: 22.07.2018).
- 15 См.: Озтюрк М. Рассмотрение советской помощи Анкаре в 1920–1922 гг. На основе турецких исторических источников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. С. 45.
- 16 См.: Казанджян Р. Русско-Турецкие отношения 1920–1921 гг. и вопрос Армении в свете секретных документов. URL: https://news.rambler.ru/science/11367455/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=corylink (дата обращения: 25.07.2018)
- 17 См.: Озбай Фаттих. Турецко-российские военно-технические отношения: История и эволюция. Рабочий доклад. Нижний Новгород: Институт стратегических исследований ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2004. С. 7.
- 18 См.: Озтюрк М. Указ. соч. С. 43.
- 19 См.: Амбарцумян К. Р. Место южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920–1921 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавказ. федер. ун-та, 2017. № 3. С. 10.
- 20 См.: Озтюрк М. Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 89.
- 21 См.: Казинян А. Большевицские дары Турции. URL: <https://shkolazhizni.ru/@ARARAT/posts/74882/> (дата обращения: 24.07.2018).
- 22 См.: Соколова Н. А. Политические и торговые отношения между Советской Россией и Турцией в 1917–1923 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2002. С. 19.
- 23 См.: Шлыков П. Анкара смеется последней. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/04/14/ankara> (дата обращения: 26.07.2018).
- 24 См.: Баранов Д. 95 лет российско-турецким дипломатическим отношениям: исторические факты и перспективы. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13476> (дата обращения: 28.07.2018).
- 25 См.: Бакланов В. О тактической дружбе кемалистской Турции и большевистской России в 20-е годы XX века. URL: http://historick.ru/view_post.php?id=204&cat=12 (дата обращения: 23.07.2018).
- 26 См.: Подымов А. Как Россия Турцию от раздела спасла. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kak_rossija_turciju_ot_razdela_spasla_832.htm (дата обращения: 27.07.2018).
- 27 См.: Редченко Д. В. Г. В. Чичерин и советская внешняя политика в странах Востока // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 107.
- 28 См.: Цыплин В. Г. Советские поставки вооружения в азиатские страны в 1920-х годах // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 354–355.
- 29 См.: Задонский С. М. Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России и Турции. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3810> (дата обращения: 23.07.2018).
- 30 См.: Михайлов А. Секретная миссия Михаила Фрунзе. URL: <http://www.russkie.org/index.php?id=1076&module=fullitem> (дата обращения: 26.07.2018).
- 31 См.: Рунов В. А. Фрунзе. Тайны жизни и смерти. М.: Вече, 2011. С. 211.
- 32 См.: Ченкелидис В. Понтийские греки в воспоми-

- ниях первого советского посла в Турции. URL: <https://tua.gr/greece/history/15730-pontijskie-greki-v-vospominaniyakh-pervogo-sovetskogo-posla-v-turtsii.html> (дата обращения: 23.07.2018).
- ³³ См.: О том, как Советский Союз создавал современную Турцию. URL: <https://rusarminfo.ru/2015/11/29/o-tom-kak-sovetskij-soyuz-sozdaval-sovremennuyu-turciyu/> (дата обращения: 29.07.2018).
- ³⁴ См.: Почему Ленин помог туркам создать новое государство. URL: <http://russian7.ru/post/pochemu-lenin-pomog-turkam-sozdat-nov/> (дата обращения: 23.07.2018).
- ³⁵ См.: Кузнецов О. Ю., Блинов М. Ю. Русские военные эмигранты в Турции. 1920–1923. Международный симпозиум «Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией» : сб. материалов. (Стамбул, 5–6 апр. 2012 г.). Стамбул, 2012. С. 77.
- ³⁶ См.: Познахирев В. В. Турецкие воинские формирования Красной Армии в 1918–1920 годах. // Вопросы истории. 2014. № 7. С. 166.

Образец для цитирования:

Цыплин В. Г. Советско-турецкие контакты по военным вопросам в начале 1920-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 69–75. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-69-75>

Cite this article as:

Tsyplin V. G. Soviet-Turkish Contacts on Military Matters in the Early 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 69–75 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-69-75>

УДК 327(73)|20|+929Буш

Египетская политика первой администрации Дж. Буша-мл.: формирование и эволюция

Е. О. Пивоварова

Пивоварова Елена Олеговна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, pivovarovaeo@mail.ru

В статье рассматривается политика первой администрации Дж. Буша-мл. в отношении Египта в контексте неоконсервативного подхода. Проводится анализ факторов формирования, основных направлений и результатов американо-египетской политики в рассматриваемый период.

Ключевые слова: египетская политика США, администрация Дж. Буша-мл., американо-египетские отношения, Республиканская партия, неоконсервативный подход, Демократическая партия.

The Egyptian Policy of the First George Bush Jr. Administration: Formation and Evolution

E. O. Pivovarova

Elena O. Pivovarova, <https://orcid.org/0000-0002-8598-965X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, pivovarovaeo@mail.ru

The article considers the policy of the First George W. Bush administration towards Egypt in the context of the neo-conservative approach. Factors of formation, main directions and results of the U. S. Egyptian policy during the period under review are analyzed.

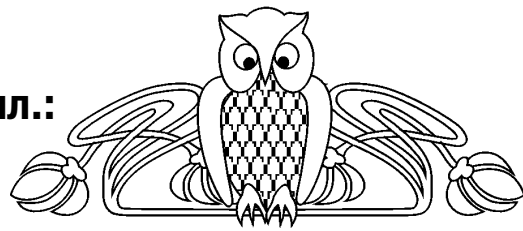
Keywords: Egyptian policy of the United States, George W. Bush Administration, American-Egyptian relations, Republican Party, Neo-conservative Approach, Democratic Party.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-76-80>

Приход в Белый дом республиканской команды Дж. Буша-мл. predetermined заметные изменения в ближневосточном курсе США, который новой администрации пришлось формировать на фоне резкого падения американского влияния в регионе в условиях провала ближневосточного процесса и начала нового палестинского восстания.

Первоначально республиканцы обещали сместить акценты с внешнеполитических задач на внутривнутриполитические и заявляли о реалистской направленности своей внешней политики, о чем свидетельствовало назначение на пост госсекретаря США К. Пауэлла, одного из ключевых представителей умеренных республиканцев.

Однако более детальный анализ состава команды Буша-мл. позволял говорить о неизбежности разворота Вашингтона к более активной внешней политике. Важнейшие посты в рамках новой администрации заняли представители ре-

спубликанской группировки неоконсерваторов – Д. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Вулфовиц, Р. Перл, Дж. Болтон, – которые выступали идеологами проведения жесткого внешнеполитического курса, подразумевавшего активное вмешательство США в дела регионов и государств.

Серия террористических актов, прогремевших в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., подстегнула коренные перемены во внешнеполитическом курсе США. Обострение и специфика террористических угроз использовались значительно усилившими свои позиции неоконсерваторами для обоснования провозглашенного в новой Стратегии национальной безопасности права США на превентивные удары в контексте широкомасштабной антитеррористической кампании¹.

Кроме того, была провозглашена задача широкой демократизации государств Ближнего Востока. Данная задача была вынесена на первый план в Вашингтоне после 11 сентября, поскольку среди участников терактов оказалось множество выходцев из Египта и Саудовской Аравии – двух ключевых арабских партнеров в регионе². Фактически, именно внутренняя политика этих прозападных, но в то же время антидемократических режимов, представлялась реальной угрозой для национальной безопасности США.

Однако сразу стало очевидным, что сформулированные цели противоречат друг другу. С запуском амбициозной антитеррористической кампании Вашингтон как никогда нуждался в поддержке своих традиционных ближневосточных партнеров и, прежде всего, Египта. Усиление давления на него в вопросе демократизации обещало резкое ухудшение американо-египетских отношений и активизацию на египетской политической сцене антиамериканских оппозиционных сил. Именно это вынуждало республиканскую администрацию отложить планы демократизации региона и умерить давление на своих партнеров в вопросе прав человека³. Тем более, что уже с конца сентября 2001 г. полным ходом шла подготовка к вторжению в Афганистан.

В целом в рамках антитеррористической кампании США Каир должен был сыграть важнейшую роль. Во-первых, присутствие Египта как влиятельного арабского государства в составе американской антитеррористической коалиции было необходимо для легитимации политики Вашингтона, разрушения мифа о том, что запущенная американская кампания была направлена против

арабского мира. Во-вторых, Вашингтон стремился обеспечить себе право пользования Суэцким каналом, а также пролета через воздушное пространство Египта для проведения потенциальных военных операций в регионе. В-третьих, в целях налаживания американско-арабских отношений в регионе планировалась активизация ближневосточного мирного процесса, и здесь тоже требовалось традиционное содействие Египта. В-четвертых, опыт Египта в борьбе с террористическими угрозами, исходящими от внутренней радикальной оппозиции, с которой АРЕ имела дело в середине 1990-х гг., также представлялся ценным для Вашингтона.

Позиция Египта в отношении участия в реализации американских планов тревоги не вызывала. Прежде всего стоит упомянуть, что в мае 2001 г. главным внешнеполитическим ведомством Египта возглавил бывший египетский посол в США А. Махер. В отличие от своего предшественника – А. Муссы – А. Махер был гораздо более умеренной политической фигурой. Показательно, что именно он принимал участие в Кэмп-Дэвидском процессе⁴.

Хотя новый министр иностранных дел ясно давал понять, что АРЕ не станет участвовать в военных акциях антитеррористической коалиции под эгидой США⁵, после начала 7 октября 2001 г. в Афганистане операции «Несокрушимая свобода» египетский дипломат публично выразил поддержку американским усилиям в борьбе с терроризмом и пообещал оказывать этой борьбе полное содействие. В результате Вашингтону была оказана вся необходимая поддержка, включая пропуск американской авиации через египетское воздушное пространство, содействие транзиту американских военных судов через Суэцкий канал, предоставление необходимых разведданных. Кроме того, египетская сторона участвовала в создании военно-полевого госпиталя на афганской авиабазе «Баграм» и предоставила около 60 тонн гуманитарной помощи для послевоенного восстановления Афганистана⁶. Показательно, что в тот же день, когда начались удары США по Афганистану, были запущены американско-египетские учения «Брайт Стар»⁷, что подчеркивало особое значение АРЕ для республиканской администрации.

Однако не все в Вашингтоне были столь же благосклонно настроены в отношении Каира. Так, в октябре 2001 г. в американском сенате развернулась дискуссия о недостаточной активности Египта в рамках антитеррористической кампании США. Республиканец Дж. Маккейн и демократ Дж. Либерман настаивали на том, что «Египет и Саудовская Аравия должны решить: либо они с нами, либо они против нас». Госсекретарь Пауэлл поспешил заверить законодателей в том, что «они с нами, они откликаются на каждую нашу просьбу»⁸. И несмотря на возражения в Конгрессе, «кэмп-дэвидские» объемы американской помощи АРЕ на 2002 г. были сохранены: экономическая помощь составила 655 млн долл., военная – 1,3 млрд долл.⁹

Показательно также, что еще в конце сентября 2001 г. Пентагон одобрил целый ряд новых американско-египетских контрактов, в том числе соглашение о дополнительной продаже Египту танков «Абрамс М1А1» в количестве 100 единиц общей стоимостью 590 млн долл.¹⁰

А уже 2 ноября 2001 г. в секретном меморандуме, направленном в Конгресс, администрация сообщила законодателям о планах продажи Египту противокорабельных крылатых ракет «Гарпун» со спутниковым наведением новейшей модели¹¹. Эти планы крайне обеспокоили американских конгрессменов, особенно тех, кто был тесно связан с израильским лобби, ввиду перспективы подрыва военного превосходства Израиля в регионе. При этом возражения звучали от представителей обеих партий. Обеспокоенность выразили демократы Т. Лантос и председатель сенатского комитета по международным отношениям Дж. Байден, а также республиканец Дж. Хелмс¹². Израильское правительство и произраильские лоббистские организации также выражали тревогу по поводу этого контракта, а глава Сионистской организации Америки М. Клейн и вовсе призвал конгрессменов заблокировать всякую помощь Египту.

Однако представитель Госдепартамента Р. Бушер заявил, что администрация в любом случае осуществит данную сделку, независимо от позиции Конгресса¹³. Отмечалось, что предлагаемые к продаже ракеты позволят качественно улучшить возможности Египта по защите Суэцкого канала.

Безусловно, увеличение военных продаж и в целом военного бюджета отвечало интересам американского ВПК, чьи устремления традиционно поддерживали республиканцы. Так, патрульные корабли «Амбассадор», которые должны были выступать в качестве платформы для предполагаемых к продаже ракет, производились в штате Миссисипи, а представитель этого штата в Сенате республиканец Т. Лотт выступал главным защитником данной сделки в Конгрессе¹⁴.

Помимо этого, активное наращивание военных продаж Каиру осенью 2001 г. было связано с масштабными ближневосточными планами неоконсерваторов и необходимостью обеспечения участия в этих планах Египта. В результате администрация проявила настойчивость, и указанный контракт на общую сумму в 400 млн долл. был подписан.

В контексте американско-египетских экономических отношений республиканская администрация столкнулась со сложной дилеммой. С одной стороны, она стремилась поощрять экономические реформы в Египте с целью либерализации египетской экономики, повышения уровня жизни и стабилизации режима. С другой стороны, администрация опасалась оказывать давление на Египет на данном направлении, поскольку это способствовало активизации оппозиции, что также могло поставить под угрозу стабильность режима. В докладе исследовательской службы

Конгресса США, подготовленном в декабре 2001 г., активно проводилась идея сохранения курса на интенсивное развитие торгово-инвестиционного сотрудничества с Каиром при сокращении прямой экономической помощи и поощрении экономических реформ¹⁵.

Республиканцы из администрации поначалу придерживались именно такого подхода. Так, в сентябре 2001 г. официальный представитель Госдепартамента США сообщил египетскому министру торговли Б. Бутросу-Гали о планах Вашингтона по продвижению американо-египетского соглашения о свободной торговле с целью поддержки египетской экономики, серьезно пострадавшей на фоне трагедии 11 сентября¹⁶. А экономическая помощь фактически привязывалась к условию проведения экономических реформ.

Однако в январе 2002 г. директор Агентства США по международному развитию (USAID) В. Пирсон объявил о предоставлении Египту экономической помощи в размере 959 млн долл.¹⁷ Речь шла об уже выделенных на данный годовой период средствах, но удержанных ввиду отсутствия прогресса в проведении экономических реформ. И хотя к январю 2002 г. указанный прогресс так ничем себя и не обозначил, администрация объявила о выделении «замороженных» средств, что обещало еще больше демотивировать АРЕ на данном направлении. Иными словами, команда Буша-мл. вовсе отказывалась от мер давления на египетское правительство с запуском антитеррористической кампании.

При этом Египет, остро нуждавшийся в американской помощи, тоже демонстрировал шаги навстречу Вашингтону. Он активно способствовал продвижению американских ближневосточных инициатив, наращивая тесные контакты и с израильским правительством, и с палестинцами, сохраняя за собой лидирующие позиции в арабском мире¹⁸.

Однако уже в первой половине 2002 г. вслед за временным потеплением последовал период охлаждения в египетско-израильских и американо-египетских отношениях. В конце марта после серии палестинских терактов израильское правительство запустило на Западном берегу антитеррористическую операцию «Защитная стена», что вызвало громкую волну протестов в арабском мире. Уже 3 апреля 2002 г. Х. Мубарак разорвал почти все контакты с израильским правительством. О возвращении египетского посла в Израиль, отозванного еще в ноябре 2000 г., не могло быть и речи.

Именно на этом неблагоприятном фоне вызревал новый иракский кризис. Неоконсерваторы из администрации взяли курс на смену режима в Багдаде, несмотря на то, что К. Пауэлл и другие реалисты предупреждали о возможности новой волны недовольства среди арабских союзников, включая Каир¹⁹.

В середине августа 2002 г. произошел новый инцидент, послуживший дальнейшему

обострению американо-египетских отношений. Дж. Буш-мл. объявил своему египетскому коллеге Х. Мубарак о том, что АРЕ не получит дополнительную американскую помощь сверх той, которую Вашингтон ежегодно предоставлял Каиру в размере около 2 млрд долл. Дело в том, что 29 июля в Египте был повторно осужден американо-египетский правозащитник С. Ибрагим²⁰. Незадолго до инцидента Каир запросил у Вашингтона дополнительную помощь в размере 130 млн долл., поскольку аналогичную помощь в размере 200 млн долл. получил Израиль. Законодатели на начальной стадии бюджетного процесса заблокировали данную инициативу администрации. И хотя в августе 2002 г. этот вопрос уже не стоял в повестке дня, Дж. Буш-мл. публично озвучил отказ в предоставлении Египту дополнительной помощи, увязав данное решение с приговором в отношении С. Ибрагима.

В ответ на заявление Вашингтона египетский министр иностранных дел А. Махер заявил, что Египет не приемлет давления и не поддастся ему. А советник египетского президента У. аль-Баз и вовсе пригрозил, что Египет не пропустит американские военные корабли, которые будут направляться в Ирак, через Суэцкий канал²¹. Надо отметить, что, когда в мае 2002 г. С. Ибрагим был осужден судом первой инстанции, администрация не протестовала. Однако в августе повторный аналогичный приговор вызвал целую волну критики. Очевидно, Вашингтон готовился к антииракской кампании и остро нуждался в поддержке Каира, которую стремился обрести путем усиления на него давления в сфере прав человека.

Однако позиция Египта по поводу Ирака была твердой и неизменной – Каир был против любого варианта военного решения иракской проблемы. 15 декабря 2002 г. А. Махер заявил о том, что воздействие на Ирак должно осуществляться исключительно невоенными средствами. Относительно заявлений Вашингтона о наличии оружия массового уничтожения у Багдада Х. Мубарак заявил, что в этом вопросе следует начать с Израиля, обладающего таким оружием²².

В конце декабря 2002 г. Генеральный секретарь Лиги арабских государств А. Муса в официальном заявлении предупредил мировое сообщество о том, что в случае запуска военной операции против Багдада, «арабский мир не ограничится только гневными заявлениями; начало войны в Ираке откроет двери в ад»²³.

Вторжение США в Ирак никак не соответствовало египетским региональным интересам. Между Каиром и Багдадом сложилось тесное экономическое сотрудничество. Тысячи египтян уезжали на заработки именно в Ирак, а денежные переводы этих мигрантов составляли значительную часть египетского бюджета. Активно развивалось и торговое сотрудничество. В 2001 г. Египет и Ирак заключили Соглашение о свободной торговле, в результате действия которого осенью 2002 г.

объем египетского экспорта в Ирак составлял уже 1,7 млрд долл. Для сравнения можно указать на то, что объем египетского экспорта в США составлял всего 160 млн долл.²⁴

Кроме того, новый военный конфликт в регионе обещал еще сильнее ударить по египетской туристической индустрии, а значит, и по экономике в целом. По названным причинам, а также ввиду небывалого распространения антиамериканских настроений в египетском обществе правительство АРЕ не собиралось принимать участия в американской антииракской кампании²⁵.

20 марта 2003 г. администрация, так и не получив поддержки арабских партнеров, начала операцию «Иракская свобода». Практически одновременно, 25 марта 2003 г., Дж. Буш-мл. направил Конгрессу запрос на предоставление странам региона дополнительной помощи, включая Египет. И хотя демократы в Конгрессе, в частности У. Деллахант, активно выступили против инициативы²⁶, республиканская администрация с опорой на республиканское большинство в обеих палатах парламента добилась выделения запрошенной помощи. В частности, Египет получил 300 млн долл. прямой экономической помощи, а также 2 млрд долл. в виде кредитов²⁷.

Однако выделение этих средств не могло предотвратить волну антиамериканских выступлений, прокатившихся по всему Ближнему Востоку, включая Египет. Протестующие на улицах Каира выступали с лозунгами «Долой Америку» и требовали высылки американского посла²⁸.

Тем не менее, хотя египетское правительство публично осудило вторжение американцев в Ирак, оно все-таки открыло Суэцкий канал для американских военных кораблей, следовавших в направлении Ирака, так же, как и свое воздушное пространство для пролетов американской авиации. Египетская поддержка оказалась особенно важной для Вашингтона ввиду того, что Турция отказала Пентагону в открытии северного фронта в войне с Ираком²⁹.

Более того, АРЕ обеспечила безопасность американских судов при их прохождении зоны канала, а также предоставила США необходимые разведанные. Помимо этого, Каир оказывал содействие американской военной кампании и на дипломатическом уровне – именно египетские дипломаты убедили остальных членов Лиги арабских государств не торопиться с какими-либо антиамериканскими инициативами и решениями, и именно Каир убедил Сирию закрыть границу с Ираком с целью предотвращения проникновения сирийских боевых групп на территорию Ирака³⁰.

В марте 2003 г., практически одновременно с началом иракской кампании, американский президент поспешил объявить о планируемом запуске нового американского плана урегулирования ближневосточного конфликта – «Дорожной карты». И в этом вопросе республиканцы нуждались в участии Египта как никогда, поскольку с нача-

лом военной операции в регионе администрации было чрезвычайно важно продемонстрировать арабскому миру эффективное и честное посредничество в арабо-израильском конфликте.

Каир и в этом случае выступил в поддержку американской инициативы, активизировав посредническую деятельность для ее продвижения. Так, в апреле 2003 г. начальник разведки АРЕ О. Сулейман уладил спор между палестинским лидером Я. Арафатом и новым премьер-министром М. Аббасом, ставившим под угрозу формирование нового палестинского кабинета и обещавшим сорвать мирные усилия, спонсируемые США. Кроме того, египетское руководство на регулярной основе организовывало встречи представителей всех влиятельных группировок, в том числе «Исламского джихада» и «Хамас», с целью достичь понимания по вопросу прекращения насилия в отношении израильтян и продвижения мирного процесса. И именно в Каире начались межпалестинские переговоры о прекращении огня с Израилем.

Таким образом, египетская политика республиканской администрации Буша-мл., выстроенная в соответствии с неоконсервативными представлениями о внешнеполитических приоритетах Вашингтона и опиравшаяся на республиканское большинство в Конгрессе, в целом добилась основных поставленных целей. Хотя региональные мероприятия Вашингтона в рамках антитеррористической кампании во многом противоречили интересам АРЕ, тем не менее, к концу 2003 г. состояние партнерства между Каиром и Вашингтоном удалось восстановить и укрепить за счет щедрой американской помощи и новых военных контрактов. И хотя Египет не принял непосредственного участия в американских военных операциях в регионе, на всех остальных направлениях Каир обеспечил администрации необходимое содействие и поддержку. В то же время заметного прогресса по линии политической демократизации и экономической либерализации Египта достигнуто не было, поскольку давление на Каир в вопросах проведения политических и экономических реформ оставалось лишь инструментом влияния на его региональную позицию.

Примечания

- 1 Work with others to defuse regional conflicts. The National Security Strategy, September 2002 // The White House. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/nss4.html> (дата обращения: 15.02.2018).
- 2 Steinberg J. Counter Terrorism : A New Organizing Principle for American National Security? // Brookings Review. Summer 2002. P. 4+. URL: <http://www.brook.edu/press/review/rev--des.htm> (дата обращения: 15.03.2018).
- 3 Indyk M. Back to the Bazaar // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81, № 1. January/February.
- 4 Hammond A. Cairo Communiqué. With Popular Amr

- Moussa at Arab League, Mubarak Names a Kinder, Gentler New Foreign Minister // Washington Report on Middle East Affairs. July 2001. P. 33. URL: <https://www.wrmea.org/2001-july/with-popular-amr-moussa-at-arab-league-mubarak-names-a-kinder-gentler-new-foreign-minister.html> (дата обращения: 15.03.2018).
- ⁵ *Al-Sayyid M.* The Impact of 9/11 on the Middle East // Middle East Policy. 2002. Vol. 9, № 4. December. P. 76.
- ⁶ The Future of U.S.-Egyptian Relations : Hearing before the Subcommittee on the Middle East and Central Asia of the Committee on International Relations. House of Representatives. One Hundred Eighth Congress. Second Session. June 16, 2004. U.S. Government Printing Office. Washington, 2004. P. 20.
- ⁷ *Williams R.* Bright Star : Almost Business as Usual // The Washington Institute for Near East Policy. 2001. October 15. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/bright-star-almost-business-as-usual> (дата обращения: 12.03.2018).
- ⁸ Senators Accuse Saudis, Egyptians of Hedging – War on Terror (by Correspondent in Washington) // The Australian. 2001. October 23.
- ⁹ Public Law 107–115–Jan. 10, 2002. Foreign Operations, Export Financing and Related Programs Appropriations Act, 2002. 107th Congress // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/2506?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Foreign+Operations%2C+Export+Financing%2C+and+Related+Programs+Appropriations+Act%22%5D%7D&r=1> (дата обращения: 12.03.2018).
- ¹⁰ *Fishbein R.* Denial on the Nile // Jerusalem Post. 2001. September 28.
- ¹¹ *Blanche E.* US Arms Sales to Arabs Trigger Israeli Alarms // Middle East. 2002. March 28.
- ¹² *Lancaster J.* U.S.-Egypt Arms Deal Questioned ; Critics in Congress Cite Impact on Israel // The Washington Post. 2001. November 27.
- ¹³ См.: *Blanche E.* Op. cit.
- ¹⁴ См.: *Lancaster J.* Op. cit.
- ¹⁵ *Prados A.* Middle East : Attitudes toward the United States. CRS Report for Congress. Congressional Research Service. The Library of Congress. 2001. December 31. P. 17–18.
- ¹⁶ *Allam A.* Egypt Hopes for Free Trade Pact with U.S. // New York Times. 2002. March 6.
- ¹⁷ *Clawson P., Hawthorne A.* Assessing the \$959 Million in Accelerated Economic Aid to Egypt // The Washington Institute for Near East Policy. 2002. January 7. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/assessing-the-959-million-in-accelerated-economic-aid-to-egypt> (дата обращения: 18.03.2018).
- ¹⁸ *Spolar C., Franklin S.* Egypt's Mubarak Comes to U.S. in Effort to Reclaim Role as Mideast Peace Broker // Knight Ridder Tribune News Service. 2002. March 1.
- ¹⁹ *Curtiss R.* The Pentagon's Dynamic Duo : Richard Perle and Paul Wolfowitz // Washington Report on Middle East Affairs. 2003. April. P. 14–15, 90. URL: <https://www.wrmea.org/2003-april/the-pentagon-s-dynamic-duo-richard-perle-and-paul-wolfowitz.html> (дата обращения: 13.04.2018).
- ²⁰ *Marquis C.* U.S., Protesting Rights Leader's Sentence, Halts New Aid to Egypt // New York Times. 2002. August 16.
- ²¹ *Schneider H.* Egypt Dismisses U.S. Stand against Extra Aid // The Washington Post. 2002. August 16.
- ²² *Шмелёва Т. А.* Иракский кризис и египетско-иракские отношения // Институт Ближнего Востока. 2003. 13 января. URL: <http://www.iimes.ru/?p=276#more-276> (дата обращения: 02.05.2018).
- ²³ *Шмелёва Т. А.* В преддверии войны с Ираком : позиция арабских стран // Институт Ближнего Востока. 2002. 24 декабря. URL: <http://www.iimes.ru/?p=249#more-249> (дата обращения: 02.05.2018).
- ²⁴ *McGrath C.* Politics-Egypt : U.S. Fails to Win Support over Iraq // Global Information Network. 2002. October 12.
- ²⁵ *Krauss C.* Egypt-U.S. Relationship Is Strained by Iraq Crisis // New York Times. 2002. December 17.
- ²⁶ *Glain S.* Questions Are Raised on US Aid Plan for Nations Mideast Analysts, Lawmakers Query Funds Proposal // Boston Globe. 2003. March 31.
- ²⁷ Public Law 108–11–Apr. 16, 2003. Making Emergency Wartime Supplemental Appropriations for the Fiscal Year 2003, and for Other Purposes Act. 108th Congress // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-bill/1559/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Foreign+Operations%2C+Export+Financing%2C+and+Related+Programs+Appropriations+Act%22%5D%7D&r=19> (дата обращения: 26.03.2018).
- ²⁸ *Wattad N.* U.S. Attack on Iraq Provokes Anger across the Arab World // Washington Report on Middle East Affairs. May 2003. P. 19, 88. URL: <https://www.wrmea.org/2003-may/u.s.-attack-on-iraq-provokes-anger-acrosss-the-arab-world.html> (дата обращения: 26.04.2018).
- ²⁹ *Said M.* Potential Egyptian Contribution to a Security Framework in the Gulf // Middle East Policy. 2004. Vol. 11, № 3. P. 66.
- ³⁰ *Sipress A.* Friction over Egypt's Role in Regional Issues Strains Relations with U.S. // The Washington Post. 2003. May 25.

Образец для цитирования:

Пивоварова Е. О. Египетская политика первой администрации Дж. Буша-мл.: формирование и эволюция // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 76–80. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-76-80>

Cite this article as:

Pivovarova E. O. The Egyptian Policy of the First George Bush Jr. Administration: Formation and Evolution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 76–80 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-76-80>

УДК [94+327](479.24)|1991/1993|

От А. Муталибова к Г. Алиеву: формирование внешней политики независимого Азербайджана

А. С. Насибова

Насибова Айтен Сохраб кзы, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ayten-nasibova@mail.ru

Статья посвящена становлению внешней политики Азербайджана после приобретения независимости в 1991 г. Автор анализирует внешнеполитический курс первых президентов страны, выделяет сильные и слабые стороны внутренней и внешней политики каждого. Особое внимание уделяется внутренним факторам, которые определяли международное положение Азербайджана. Исследователь приходит к выводу, что в первые годы независимости руководство Азербайджана пыталось построить внешнюю политику страны на этническом и религиозном приоритете, а после 1993 г. страна берёт курс на прагматичную многовекторную политику.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, Нагорный Карабах, Аяз Муталибов, Народный фронт Азербайджана (НФА), Абульфаз Эльчибей, пантюркизм, пантуранизм, Гейдар Алиев, многовекторная политика, «политика балансов».

From A. Mutalibov to G. Aliyev: Formation of Foreign Policy of Independent Azerbaijan

A. S. Nasibova

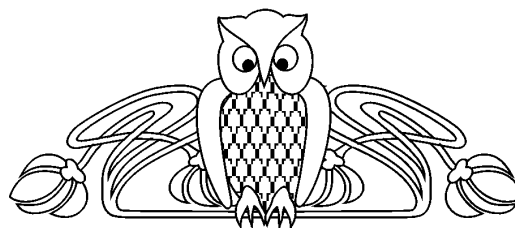
Ayten S. Nasibova, <https://orcid.org/0000-0002-3411-5717>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, ayten-nasibova@mail.ru

The article is devoted to the formation of the foreign policy of Azerbaijan after the acquisition of independence in 1991. The author analyzes the foreign policy course of the first presidents of the country, identifies strengths and weaknesses of the domestic and foreign policies of each. Particular attention is paid to internal factors that determined international position of Azerbaijan. The researcher comes to the conclusion that in the first years of independence the government of Azerbaijan tried to build the country's foreign policy based on ethnic and religious priorities, and after 1993 the country is heading for a pragmatic multi-vector policy.

Keywords: Azerbaijan Republic, Nagorno-Karabakh, Ayaz Mutalibov, Azerbaijani Popular Front Party (APFP), Abulfaz Elchibey, pan-turkism, pan-turanism, Heydar Aliyev, multi-vector policy, «the policy of balances».

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-81-86>

Через исторических событий конца XX в. привела к трансформации сложившейся системы международных отношений и к серьезным изменениям политической атмосферы в мире. Такие важные глобальные процессы, как окончание холодной войны, дезинтеграция СССР и роспуск

Организации Варшавского договора, изменили систему международных отношений, просуществовавшую почти полвека.

Политическая картина мира стала меняться ввиду появления новых участников – молодых и неопытных государств, которые по-своему воспринимали сложившиеся события и пробовали различные подходы для адаптации к новой среде. Речь идёт о независимых государствах постсоветского пространства, оказавшихся в одночасье «выброшенными» на политическую арену, и которые были вынуждены подстраиваться под реалии сложившейся политической ситуации.

Внешнеполитический курс бывших советских стран определил новую раскладку межгосударственных отношений в регионе. Это характеризовалось, с одной стороны, ослаблением политической напряжённости, а с другой – сопровождалось появлением новых региональных центров силы, которые приобрели стратегически важное значение в реализации внешнеполитических интересов мировых политических «гигантов»¹.

В этом контексте Азербайджанская Республика является показательным примером того, как страна смогла в короткие сроки построить внешнюю политику и влиться в систему международных отношений. С принятием 30 августа 1991 г. Декларации о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики² и 18 октября 1991 г. Конституционного акта³ Азербайджан встал на путь построения самостоятельного внешнеполитического курса, исходя из своих национальных интересов – принципов демократии и сохранения суверенитета.

В сложившейся системе международных отношений официальный Баку должен был построить взаимовыгодный диалог, где национальные интересы Азербайджана не должны были сталкиваться с интересами государств мира или, наоборот, не пожертвовать в очередной раз своими интересами в пользу более сильных региональных игроков. Это была достаточно трудная задача перед дипломатией Азербайджана, учитывая её уязвимое положение в регионе и в мире в целом.

Напомним, что Азербайджан в конце XX в. пережил ряд социально-политических потрясений, которые чуть ли не довели страну до политического хаоса. Страна начала путь к независимости с серьезными экономическими и политическими проблемами, которые были вызваны войной с Арменией за Нагорный Кара-

бах. Поэтому в ранние периоды независимости Азербайджан достаточно медленно втягивался в мировую политику и не принимал активного участия в международных делах.

Главная задача нового руководства Азербайджана с конца 1991 г. состояла в предотвращении сепаратизма, национализма, обеспечении территориальной целостности и безопасности государства, устранении тяжелых социально-экономических последствий войны и укреплении международных позиций страны. Решение этих основополагающих задач помогло бы независимому Азербайджану войти в цивилизованное и нормальное русло развития⁴.

Первый президент Азербайджанской Республики Аяз Муталибов (1991–1992 г.) уделял большое внимание международной деятельности страны. За короткий период его президентства Азербайджан стал членом ряда региональных и международных организаций.

Уже в декабре 1991 г. Азербайджан принял в Организацию исламского сотрудничества (ОИС). Это означало, что страна сделала долгожданный шаг на пути к участию в мировой политике. Кстати говоря, ОИС была первой межправительственной организацией, где Азербайджан принял участие. К тому же к 1991 г. организация стала достаточно влиятельной среди мусульманского мира, где обсуждался ряд экономических, энергетических и политических вопросов, то есть членство в ОИС помогло бы Азербайджану установить и укрепить отношения со странами Ближнего и Среднего Востока⁵.

Придерживаясь принципа многосторонней дипломатии, А. Муталибов стремился установить взаимовыгодное партнерство и на других политических полюсах. 20 января 1992 г. Азербайджан был принят в члены СБСЕ, что заложило основу дальнейшей европейской политики Азербайджана.

Вступление Азербайджана в СБСЕ вывело нагорно-карабахскую проблему на новый международный уровень. Отныне межгосударственный конфликт стал объектом обсуждения европейских стран-членов, а на заседаниях организации всё чаще стали говорить о путях урегулирования войны и стабилизации политической ситуации на Южном Кавказе.

С этой целью в январе 1992 г. в Азербайджане побывала первая специальная миссия СБСЕ. В феврале 1992 г. Комитет старших должностных лиц СБСЕ потребовал прекращения огня в зоне конфликта, а Центру предотвращения конфликтов СБСЕ было поручено предпринять шаги для установления диалога между сторонами конфликта и мирными жителями Азербайджана и Армении. Собственно говоря, так была заложена почва для создания Минской группы, которая до настоящего времени является посредником в решении азербайджано-армянского конфликта⁶.

Вслед за принятием Декларации о независимости 29 октября 1991 г. правительство Азербайджана

подало в ООН заявление с просьбой о присоединении страны в члены Объединённых Наций. 14 февраля 1992 г. Совет Безопасности ООН рассмотрел заявление Азербайджана и рекомендовал Генеральной Ассамблее принять страну в члены организации. 2 марта 1992 г. была принята резолюция 46\230, регламентирующая принятие Азербайджана в Организацию Объединённых Наций⁷.

Столь активная дипломатия преследовала конкретные цели: укрепить международное положение страны, закрепить своё региональное значение, вывести карабахский вопрос на международно-правовой уровень, восстановить территориальную целостность и в целом выгодно использовать своё геостратегическое положение. Однако всё это было бы невозможно без налаживания двусторонних отношений.

Первые дипломатические контакты Азербайджан установил с Турецкой Республикой. Факторами межгосударственного сближения послужили этнические, культурные и исторические связи, связывавшие страны на протяжении столетий. Роспуск СССР дал настолько резкий толчок в отношениях, что Анкара, еле дождавшись провозглашения независимости Азербайджана, на официальном уровне признала её суверенитет уже 9 ноября 1991 г.⁸

Установление дипломатических отношений открыло широкие перспективы в двусторонних отношениях. В январе 1992 г. президент Азербайджана Аяз Муталибов совершил свой первый и единственный официальный визит в Турцию, в ходе которого страны, ссылаясь на этническую и историческую близость, заложили контуры дальнейшего взаимодействия и сотрудничества в различных областях.

В ответ на дружественный жест Муталибова 1–3 мая 1992 г. с официальным визитом в Баку прибыли президент Т. Озал и премьер-министр Турции С. Демирель. В ходе визита турецких руководителей был подписан ряд соглашений в области экономики и транспорта. В последующей истории азербайджано-турецких отношений визит Озала назовут решающим и историческим, так как именно тогда совместные заявления заложили краеугольный камень стратегического военного сотрудничества⁹.

Азербайджан, таким образом, впервые получил извне гарантии военной помощи. Стране, которая вступила на сложный путь построения независимости в условиях войны и экономического кризиса, была особенно нужна поддержка ближайшего более сильного соседа. Для Турции сотрудничество с Азербайджаном также было необходимо: страна смогла бы решить назревшую энергетическую проблему, укрепить положение на Южном Кавказе, стать посредником в диалоге Запада с Азербайджаном и принять участие в решении проблем обеспечения безопасности Кавказа.

Тем не менее было бы ошибочно утверждать, что Муталибов вёл исключительно протурецкую

политику. Отношения с Турцией скорее можно охарактеризовать как естественную реакцию на многовековые историко-культурные связи, а не только политический запрос властей и населения обоих государств. Тем более, что личные убеждения самого Муталибова были далеки от идей тюркизма или туранизма.

Можно сказать, что за короткий срок нахождения у власти Муталибов заложил основы многовекторной политики (об этом свидетельствует вступление Азербайджана в ряд региональных организаций), но в силу ряда исторических факторов доминировала пророссийская политика. Было не так просто разорвать отношения с Россией, на которых очень продолжительное время основывался общественно-политический и экономический уклад Азербайджана.

Следует отметить, что мнения экспертов о внешней политике президента Муталибова достаточно противоречивы. Многие обвиняют его в том, что пассивная внутренняя политика стала причиной усиления сепаратистских движений в Нагорно-Карабахском районе. В политическом обществе Азербайджана часто встаёт вопрос, например, почему Муталибов не реализовал на практике договорённости с Турцией в военной сфере, почему Муталибов так спокойно реагировал на нахождение в уже независимом государстве иностранных военных частей (366-й мотострелковый полк СССР) и отдавал предпочтение в двусторонних отношениях Москве, порой не учитывая государственные интересы Азербайджана¹⁰.

Однако справедливо ли обвинять Муталибова во всех бедах, которые случились с Азербайджаном в конце XX в.? По мнению автора, необходимо дать объективную оценку происшедшим событиям.

Муталибов за короткий срок президентства (чуть более полугодя) добился мирового признания для Азербайджана и способствовал вступлению страны в ООН. Придя к власти, Муталибов получил молодое государство, которое было поглощено экономическими и военными проблемами. В стране уже с 1989 г. остро стояла карабахская проблема. К тому же стоит напомнить, что нагорно-карабахский конфликт – это вопрос не одного десятилетия и то, что мировая общественность увидела в 1990-х гг., стало результатом накопившихся проблем в межнациональных отношениях в регионе. Поэтому после ослабления власти и дезинтеграции СССР регион был захвачен этническими конфликтами. В целом не только личность Муталибова, но и децентрализация власти, слабость государственных структур, экономический упадок и отсутствие международно-правовой поддержки зародили в Азербайджане общественно-политические проблемы.

На этом фоне оппозиционный Народный фронт Азербайджана (НФА) настойчиво требовал отставки президента страны. После трагических событий в Ходжалы 26 января 1992 г. и ряда неудач

азербайджанской армии в Нагорном Карабахе, под давлением НФА Муталибов подал в отставку.

Новым президентом Азербайджана стал один из лидеров НФА, учёный и переводчик по профессии Абульфаз Эльчибей (17 июня 1992 г. – 10 октября 1993 г.), набравший в президентских выборах 59,4% голосов избирателей. Он стал первым всенародно и демократично избранным президентом страны¹¹.

Внешнеполитический курс нового президента кардинально отличался от политики его предшественника. Яркий националист по своим политическим убеждениям, тюркист и туранист, он взял курс на построение дружеских отношений со странами Запада и Турцией. Назвав их стратегическими партнёрами, Эльчибей объявил негласную борьбу коммунизму, всем пережиткам советского прошлого и Ирану, который теперь стал считаться самым опасным соседом для Азербайджана.

Эльчибей не скрывал своего протурецкого курса во внешней политике. Будучи поклонником М. К. Ататюрка и лидера Азербайджанской Демократической Республики 1918 г. М. Э. Ресулзаде, Эльчибей заявил о принятии модели государственного развития Турции внутри страны и идеологии пантюркизма во внешней политике¹².

В культурно-просветительском смысле пантюркизм – это система идей и ценностей, протекающая из признания общности этнического происхождения, родства языков и близости культур тюркских народов и призывающая к единству, братству и сотрудничеству этих народов, а также направленная на защиту их свободы и независимости и способствующих их продвижению по пути прогресса и процветания.

В более широком контексте пантюркизм – это политическое движение конца XIX – начала XX в., главной целью которого была консолидация всех тюркоязычных народов вплоть до создания конфедерации или образования единого тюркского государства – Туран¹³.

Пантюркизм во внешней политике Азербайджана создавал режим наибольшего благоприятствования для Турции. В короткие сроки были снижены торговые тарифы между странами, а для турецких бизнесменов были созданы и предоставлены большие льготы почти во всех областях экономики. В ноябре 1992 г. между странами был подписан ряд соглашений относительно торгово-экономического, кредитного, инвестиционного, промышленного и технического сотрудничества. И тем самым фактически была заложена нормативно-правовая база двусторонних отношений¹⁴.

В августе 1992 г. в Анкаре впервые было подписано соглашение в области военного обучения. Кроме того, президент Турции Т. Озал всё чаще стал говорить о безоговорочной поддержке Азербайджана в нагорно-карабахском вопросе. В 1992 г. Анкара сначала разорвала экономические отношения с Арменией, а в 1993 г. и вовсе закрыла турецко-армянскую границу¹⁵. И по настоящий

день двусторонние отношения между Турцией и Арменией почти сведены на нет. Главным препятствием на пути решения турецко-армянского вопроса является факт нарушения территориальной целостности Азербайджана со стороны Армении. Начиная с 1993 г. лидеры Турецкой Республики неоднократно заявляли, что этот вопрос будет решён лишь после решения карабахской проблемы.

Приоритетное сотрудничество с одним соседом сопровождалось ухудшением отношений с остальными. При президентстве Эльчибея резко обострились отношения с Ираном. Эльчибей открыто вёл антииранскую политику, объявив Иран «врагом всего мусульманского и тюркского мира». Причиной столь резкой критики послужило ущемление прав и свобод и культурная дискриминация населения так называемого Южного Азербайджана (северо-западная часть современного Ирана, которая граничит с Азербайджаном), где живут преимущественно тюркские народы, в большинстве своем азербайджанцы.

Вместо дипломатических методов решения возникших разногласий с Ираном Эльчибей всё чаще призывал к срочному воссоединению Южного и Северного Азербайджана и поддерживал ультраправую националистическую партию Ирана «*Bozkurt*» (в пер. с тур. «Серые волки»), выступающую за отделение Южного Азербайджана от Ирана. Не удивительно, что в этот период двусторонние отношения достигли точки предела, но смена руководства в последующем способствовала сглаживанию конфликта¹⁶.

На фоне ирано-азербайджанского конфликта двусторонние отношения с Россией выглядели более оптимистично. Несмотря на явную критику советского прошлого, коммунизма и отказа от вступления в СНГ, 12 октября 1992 г. А. Эльчибей прибыл в Москву с официальным визитом в целях укрепления российско-азербайджанских отношений¹⁷. Сторонами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией¹⁸.

Смягчение российского курса во внешней политике Азербайджана можно было объяснить обострившейся ситуацией в Нагорном Карабахе. Эльчибей осознавал, что этот конфликт уже не сможет решиться в двустороннем порядке, так как основным гарантом Армении выступала Россия согласно двусторонним соглашениям. Отныне у Азербайджана был аналогичный договор о дружбе, в результате чего Россия стала нейтральным арбитром в решении карабахского вопроса.

Так или иначе, двусторонний договор не стал спасательным кругом для Азербайджана. За период президентства А. Эльчибея был нанесён серьёзный ущерб международному имиджу страны. Резкие, а порой противоречивые высказывания президента в адрес своих соседей (Армении, Ирана, России, стран Центрально-Азиатского региона) стали причиной того, что Азербайджан

оказался в дипломатической изоляции, а вокруг страны образовалась антиазербайджанская коалиция государств. Всё это стало следствием пантюркизма во внешней политике, основанной больше на «романтических» представлениях о единстве тюркского мира, чем на прагматической оценке сложившейся международной ситуации вокруг Азербайджана.

Всё это сопровождалось этническим сепаратизмом, продолжавшейся карабахской войной, вседозволенностью, попытками военного переворота, мятежом Сурета Гусейнова и назревшей гражданской войной. В итоге к 1993 г. азербайджанская государственность оказалась лицом к лицу с глубоким кризисом и угрозой уничтожения. Летом 1993 г. Милли Меджлис вынес вопрос о доверии президенту страны на всенародный референдум. 8 августа 97,5% граждан страны проголосовали за смену власти и отстранения от власти А. Эльчибея¹⁹.

Несмотря на то что референдум привёл к смене власти в стране, Эльчибей до самой смерти пользовался большой популярностью среди азербайджанцев всего мира. Для Азербайджана и всего тюркского мира Эльчибей возродил идеи пантюркизма, стал идейным вдохновителем ряда политических партий и примером подражания для многих политиков. По сути, в начале 1990-х гг. Эльчибею удалось выразить политические взгляды многих азербайджанцев, которые не могли об этом открыто говорить в советский период. А если учесть тот факт, что Эльчибей пришёл к власти путём всеобщих выборов с лозунгами пантюркизма, то становится очевидным, какого идеологического направления во внешней политике придерживался сам народ²⁰.

С приходом нового президента Г. Алиева (10 октября 1993 г. – 31 октября 2003 г.) внешняя политика Азербайджана претерпела существенные изменения. Страна взяла курс на проведение многовекторной политики и построение пояса мира и стабильности вокруг государственных границ. «Политика балансов», которую внедрял в политическую жизнь новый президент страны, ставила перед Азербайджаном весьма сложные цели – устранить допущенные ошибки предшественников, сгладить сложившуюся вокруг Азербайджана напряжённую ситуацию, построить новый внешнеполитический курс, отражающий стратегические интересы государства²¹.

Первоочередной задачей нового руководства стало решение карабахского вопроса. В ходе активной дипломатической позиции Г. Алиева, при посредничестве Минской группы ОБСЕ и Межпарламентской ассамблеи СНГ 4 мая 1994 г. был подписан Бишкекский протокол о прекращении огня в зоне Нагорного Карабаха²². Это стало предшествующим этапом подписанного 12 мая 1994 г. Соглашения о прекращении огня между Арменией, самопровозглашённой Нагорно-Карабахской Республикой и Азербайджаном²³. Так официально

был заморожен один из кровавых региональных конфликтов конца XX в. Однако по настоящее время стороны не могут найти консенсус в решении данного вопроса, а регулярные нарушения режима прекращения огня сторонами обостряют политическую ситуацию на Южном Кавказе.

Стоит отметить, что острая фаза карабахского конфликта завершилась не по тому сценарию, который планировал официальный Баку. С приходом опытного советского политика Г. Алиева, который тесно был связан с Москвой, азербайджанская политическая элита надеялась получить поддержку России в карабахском вопросе и, возможно, с лучшими условиями прекратить войну. Но внутренние политические проблемы в России, а также ряд договорённостей между Москвой и Ереваном привели к тому, что Россия заняла достаточно сдержанную позицию и придерживалась роли посредника в решении конфликта. Можно предположить, что это станет одной из причин охлаждения двусторонних отношений.

Лишь 3 июля 1997 г. между сторонами был подписан основополагающий документ, закрепляющий договорно-правовую базу в двусторонних отношениях – Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой²⁴. Становление азербайджано-российских отношений в целом было без потрясений и взаимных притязаний. Г. Алиев вывел Россию в категорию стратегических партнёров и укрепил торгово-экономические отношения. Тенденцию, заложенную Алиевым-старшим, унаследовал его сын И. Алиев, который поддерживает с Россией партнёрские отношения.

Ещё одной заслугой Гейдара Алиева было то, что он смог использовать энергетическое богатство Азербайджана в правильном ключе. В сентябре 1994 г. президент принял «нефтяную стратегию» развития страны, в результате был заключен «контракт века» с консорциумом иностранных компаний на разработку нефтяных месторождений. Так Азербайджан перешёл на курс построения взаимовыгодных отношений с Западом. Это укрепило авторитет страны, способствовало вливанию иностранных инвестиций в государственную казну и улучшению экономической ситуации в целом²⁵.

«Политика балансов» Г. Алиева охватывала не только Запад. Президент понимал необходимость сближения с мусульманским миром. Конечно, в такой ситуации первоочередной задачей была стабилизация отношений с соседним Ираном. Как ранее было сказано, националистическая политика Эльчибея нанесла существенный ущерб азербайджано-иранским отношениям. Принцип демократии, многовекторности и сдержанности в политике Алиева стабилизировал нарастающий конфликт между странами. В мае 2002 г. Г. Алиев совершил официальный визит в Тегеран. По итогам было подписано 10 документов о двусто-

роннем сотрудничестве в области таможенного контроля, транспорта, дорожного строительства, коммуникаций и культуры²⁶.

Стоит отметить, что смена внешнеполитического курса Азербайджана вызвала определённые опасения в турецком политическом обществе. Приход Алиева был воспринят в Турции скептически, всё чаще стали говорить о перспективах ухудшения азербайджано-турецких отношений. Конечно, после откровенного тюркиста Эльчибея подобные опасения имели под собой логическую подоплёку. Тем не менее Г. Алиев быстро их развеял.

В сентябре 1993 г. в ходе визита министра иностранных дел Турции Х. Четина Г. Алиев подчеркнул, что намерен продолжить политику наибольшего благоприятствования для братской Турции. Президент также отметил, что Турция по-прежнему остаётся главным маршрутом в экспорте нефти с месторождения Азери-Чыраг-Гюнешли и что азербайджанские военные, как и в договорённостях при Эльчибее, будут обучаться турецкими специалистами. Вскоре сам Алиев посетил Турцию с официальным визитом. В феврале 1994 г. был подписан ряд соглашений, в том числе Г. Алиев высказался в поддержку проекта Баку–Тбилиси–Джейхан²⁷.

В общей сложности три официальных, два неофициальных, а также пятнадцать рабочих визитов президента Азербайджана Г. Алиева в Турцию являются показателем того, что в своей внешней политике Алиев-старший уделял стратегическое значение Анкаре. А неоднократные заявления о братстве, единстве народов, общности языка, культуры и религии наглядно демонстрировали, что Турция для Азербайджана стала не только политическим партнёром во внешней политике, но и неотъемлемой частью общественной жизни страны.

Таким образом, внешняя политика Азербайджана в первые годы независимости была построена на религиозно-этническом принципе. Первые президенты страны по-разному истолковывали стратегические интересы Азербайджана, назревшие цели и задачи внешней и внутренней политики и действовали не из прагматичных интересов государства. Однако такая система не выдержала испытания временем, так как к началу 1990-х гг. уже сформировавшаяся система цивилизованных отношений требовала от государств построения внешней политики на балансе интересов субъектов международных отношений. Поэтому в первых внешнеполитических шагах независимого Азербайджана наблюдались серьёзные противоречия, неопределённые и непоследовательные действия, которые оказали негативное влияние на процесс строительства независимого государства.

Начиная с 1993 г. руководство страны строит внешнеполитический курс исходя из сложившихся реалий и национальных интересов страны.

Азербайджан с этого времени становится государством с многовекторной внешней политикой, занимающим достойное место в международной и региональной интеграции.

Примечания

- ¹ См.: Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. 2-е изд. Баку, 2013. С. 267.
- ² См.: Декларация Верховного Совета Азербайджанской Республики о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики (30 августа 1991). URL: http://republic.preslib.az/ru_d1.html (дата обращения: 09.02.2018).
- ³ См.: Конституционный акт Азербайджанской Республики от 18 октября 1991 года «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2889 (дата обращения: 09.02.2018).
- ⁴ См.: Мəммədov F., Vəliyev C., Məmmədov A. Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətinin əsas istiqamətləri (1991–2016). Bakı, 2017. Vol. 30.
- ⁵ См.: Guliyev S. Bağımsızlıktan sonra Azərbaycan-ABD ilişkileri. Ankara, 2004. S. 31.
- ⁶ Ibid. S. 14.
- ⁷ См.: Резолюции 46-й сессии ООН (1991–1992 годы). URL: <http://www.un.org/ru/ga/46/docs/46res.shtml> (дата обращения: 10.02.2018).
- ⁸ См.: Vəliyev C., Resullu R., Aslanlı K. Azərbaycan-Türkiye: dostluk, kardeşlik ve strateji ortaklık. Ankara, 2012. S. 14.
- ⁹ См.: Ибрагимов Р. Турецко-азербайджанские отношения и политика Турции на центральном Кавказе // Кавказ & Глобализация. 2011. Т. 5, вып. 3–4. С. 18.
- ¹⁰ См.: Guliyev S. Op. cit. S. 14.
- ¹¹ См.: Hasanov I. Haydar Aliyev döneminde Azərbaycan'ın dış politikası (1993–2001). Ankara, 2003. S. 31.
- ¹² Ibid. S. 32.
- ¹³ См.: Насибова А. С. Эволюция идей пантюркизма во внешней политике Турции // Современные евразийские исследования : науч. журн. Саратов, 2015. Вып. 3. С. 109.
- ¹⁴ См.: Гасанов А. Указ. соч. С. 749.
- ¹⁵ См.: Колесниченко М. А. Азербайджан в системе международных отношений // Вестн. СПбГУ. 2011. Сер. 6, вып. 3. С. 65.
- ¹⁶ См.: Beşikçi S. Ö. Bağımsızlık sonrası dönemde Azerbaycan dış politikasındaki stratejik değişimler ve yönelimler // Türk dünyası incelemeleri dergisi. 2016. Т. 16, № 2. S. 240.
- ¹⁷ См.: Внешняя политика. Подписан двусторонний договор. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/26504> (дата обращения: 15.02.2018).
- ¹⁸ См.: Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой (Москва, 12 октября 1992 г.). URL: <http://dikipedia.ru/document/5191610> (дата обращения: 15.02.2018).
- ¹⁹ См.: Гасанов А. Указ. соч. С. 287.
- ²⁰ Hasanov I. Op. cit. S. 36.
- ²¹ См.: Гасанов А. Указ. соч. С. 288.
- ²² См.: Original Russian and English translations of the Bishkek Protocol (May 5, 1994) and Armenia-Azerbaijan Ceasefire Agreement (May 9–11, 1994). URL: <http://www.usazeris.org/ArmeniaAzerbaijanCeasefireAgreementBishkekProtocol1994.pdf> (дата обращения: 17.02.2018).
- ²³ Ibid.
- ²⁴ См.: Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 3 июля 1997 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8305322> (дата обращения: 17.02.2018).
- ²⁵ См.: Beşikçi S. Ö. Op. cit. S. 244.
- ²⁶ См.: Ирано-азербайджанские отношения : диалог с переменным успехом. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4411> (дата обращения: 17.02.2018).
- ²⁷ См.: Ибрагимов Р. Указ. соч. С. 19.

Образец для цитирования:

Насибова А. С. От А. Муталибова к Г. Алиеву: формирование внешней политики независимого Азербайджана // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 81–86. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-81-86>

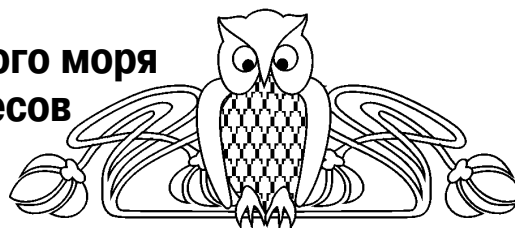
Cite this article as:

Nasibova A. S. From A. Mutalibov to G. Aliyev: Formation of Foreign Policy of Independent Azerbaijan. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 81–86 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-81-86>

УДК 327(8)+339(9)

Использование ресурсов Каспийского моря через призму казахстанских интересов в 1990-е и начале 2000-х годов

Г. С. Саркулова

Саркулова Галия Ставаловна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, galiyasarkulova@mail.ru

В статье исследуется процесс развития транспортно-логистических коридоров Каспийского региона через призму национальных интересов Казахстана и геополитической конкуренции между ведущими акторами. Автор также анализирует внешнюю политику Республики Казахстан, указывая на тот факт, что стране удалось выдержать сбалансированный курс и быть уравновешенно активной со всеми игроками в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика Республики Казахстан, Каспийский регион, энергоресурсы, геополитика, международные отношения.

Use of Resources of the Caspian Sea through the Prism of Kazakhstan Interest in the 1990s and Early 2000s

G. S. Sarkulova

Galya S. Sarkulova, <https://orcid.org/0000-0003-2500-0560>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, galiyasarkulova@mail.ru

The article explores the development of transport and logistics corridors of the Caspian region through the prism of Kazakhstan's national interests and geopolitical competition between the leading actors. The author also analyzes the foreign policy of the Republic of Kazakhstan, pointing to the fact that the country managed to maintain a balanced course and to be balanced with all players in the region.

Keywords: foreign policy of the Republic of Kazakhstan, Caspian region, energy resources, geopolitics, international relations.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-87-92>

С обретением независимости в 1991 г. прибрежные страны Каспийского моря получили возможность самостоятельно распоряжаться энергоресурсами, которые оказались в их территориальной зоне. Развитие нефтегазового сектора экономик стран не заставило себя долго ждать, поскольку экономическое положение после распада СССР было крайне сложным. Осознавая тот факт, что природные запасы можно было эффективно использовать для накачивания бюджета страны и решения конкретных задач по модернизации экономики, государства Каспийского региона приступили к поиску инвесторов и развитию транспортно-логистического потенциала региона.

Общепринятые представления о больших запасах энергоносителей в Каспийском море порой сильно разнились с действительностью. В

1990-е и в начале 2000-х годов распространение получили завышенные сведения о запасах нефти и газа на Каспии, которых придерживались как региональные государства, так и международное сообщество в целом. Связано это было в основном с тем, что ведущие внешние силы (в первую очередь, Соединённые Штаты и Европейский Союз) устремились теперь уже в независимые страны Каспия (в основном в Казахстан и Азербайджан) с целью установления здесь своих энергетических интересов посредством инвестирования в различные трубопроводные проекты, которые, в свою очередь, сулили огромную прибыль странам-экспортерам, и для ускорения данного процесса через СМИ и экспертное сообщество, близкое к правительственным кругам, активно распространяли информацию о заведомо завышенных запасах нефти и газа в регионе¹.

Собственные оценки относительно углеводородной карты Каспия имелись и у Туркменистана, Азербайджана и Казахстана. В данном вопросе интересы стран региона и внешних акторов сближались: для новых прибрежных государств также было характерно стремление к преувеличению энергетических запасов Каспийского моря с целью привлечения иностранных инвестиций на разработку перспективных месторождений. Все это порой приносило свои результаты. Так, в соответствии с Государственной программой освоения казахстанского сектора Каспийского моря дальнейший рост добычи на территории страны был связан с активизацией разработки ресурсов, находящихся на дне месторождений Тенгиз и Карачаганак². Исследования сектора подтвердили наличие промышленно значимых запасов энергоресурсов.

В то же время опыт Азербайджана показал обратную сторону вопроса. Десять из пятнадцати контрактов по разработке каспийских месторождений с иностранными компаниями были прекращены из-за отсутствия достаточных запасов, а два контракта на разработку нефтяных месторождений Алов-Шарг-Араз и Савалан-Далга-Лерик-Дениз-Джануб – из-за территориальных споров с Ираном³.

Компания BP в 2002 г. оценила запасы нефти и газа в 153,8 млн баррелей (14,6% от мировых) и в 2688,3 трлн куб. футов (почти 50% от мировых) соответственно на территории всех пяти прибрежных государств⁴. По данным Агентства энергетической информации США за 2003 г., Ка-

спийский регион занимал второе и третье место соответственно по доказанным запасам нефти и газа⁵. Углеводородные запасы Каспия оценивались в 17–33 млрд баррелей нефти и 232 трлн куб. футов газа⁶.

Наиболее реалистичное отношение к энергетическому потенциалу Каспийского моря было у Москвы. Российские специалисты оценивали общие запасы региона в 352,87 трлн куб. футов⁷. В целом российское экспертное сообщество оценивало запасы Каспия до 4% от мировых⁸. По данным Министерства природных ресурсов РФ, потенциальные ресурсы нефти и газа по странам региона в начале 2000-х гг. составляли: в России – 2,1, Казахстане – 8, Туркменистане – 2,2, Азербайджане – 3,7 и в Иране – 1 млрд т у.т.⁹ При этом специалисты указывали немаловажный факт того, что наиболее перспективные нефтегазовые районы в Каспийском море уже были разработаны в 1960-х гг.

От освоения углеводородных ресурсов Каспия, зависело (и до сих пор во многом зависит) социально-экономическое положение и политическая стабильность во всех прибрежных странах¹⁰. Положение Казахстана характеризовалось и состоянием его топливно-энергетического комплекса, который, с одной стороны, привлекал иностранных инвесторов богатством углеводородов Республики, а с другой – отличался отсутствием собственных финансовых ресурсов для их освоения¹¹. Об отсутствии самостоятельной возможности для Казахстана, Азербайджана и Туркменистана присутствовать на рынке газа и необходимости привлекать иностранных инвесторов рассуждали и иностранные финансисты¹².

Помимо проблемы добычи каспийских углеводородов, не менее серьёзным вопросом виделась транспортировка нефти и газа из региона на мировые рынки. По мнению некоторых российских исследователей, транспортировка добытых энергоресурсов на внешние рынки, помимо иных проблемных точек статуса Каспийского моря, также стала предметом серьёзных противоречий прибрежных государств с вектором на усиление по комплексу объективных и субъективных причин¹³. Подобный вывод вытекает, например, из заявлений, сделанных президентом Республики Казахстан (РК) на полях Всемирного экономического форума в Давосе (Швейцария) 27–31 января 1995 г. Н. А. Назарбаев представил вниманию собравшихся проекты по совместному освоению нефтегазовых месторождений республики. Президент подчеркнул, что, обладая огромными природными ресурсами и квалифицированными кадрами, республика рассматривает вопросы транспортировки энергоресурсов как на Запад, так и на Восток¹⁴.

На наш взгляд, Казахстану удалось в какой-то степени очень удачно для реализации своих национальных интересов вписаться в выстраиваемую систему трубопроводов на Каспийском

море. Заключив в конце 1990-х и начале 2000-х гг. соглашения с Россией и Азербайджаном о разграничении дна на севере Каспия, Казахстан решал одновременно и задачи по выходу на мировой рынок энергоресурсов. С одной стороны, реализация совместного с Россией проекта Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), связывающего казахстанское нефтяное месторождение Тенгиз с российским Новороссийском, с другой стороны, участие Казахстана в проекте трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан.

По мнению ряда российских и зарубежных исследователей, маршрут Тенгиз–Новороссийск – безусловная победа Российской Федерации¹⁵, так как он не только позволил Москве транспортировать каспийскую (казахстанскую) нефть на мировые рынки, указанный вариант транспортировки энергоресурсов стал инструментом российского влияния в регионе, альтернативным другим направлениям нефтяного экспорта с Каспийского моря, в частности, поставил крест, по сути, на американском проекте Транскаспийского нефтепровода.

Казахстан, в свою очередь, получил реальную возможность поставлять собственную нефть на внешний рынок. Выбору в пользу реализации проекта КТК Тенгиз–Новороссийск способствовал ряд обстоятельств:

1) кратчайшее и политически безопасное направление (через Астраханскую область, Калмыкию и Краснодарский край, минуя конфликтный регион Чеченской Республики);

2) наличие инфраструктуры у Российской Федерации;

3) начало переговорного процесса практически сразу после распада СССР;

4) чёткое осознание Казахстаном заинтересованности выхода со своими энергоресурсами на мировой рынок в то время, пока остальные страны региона только выстраивали свои приоритеты¹⁶.

По оценкам И. С. Зонна, Астана должна получить 8,2 млрд долл. от налогов и дивидендов¹⁷.

Ещё одним из реально действующих трубопроводов на российском векторе был нефтепровод по маршруту Узень–Атырау–Самара протяжённостью 1380 км. Его проектная мощность задумывалась в 30 млн т в год. В 1998 г. в ходе официального визита председателя Правительства РФ Е. М. Примакова в Казахстан было принято решение о реконструкции нефтепровода Атырау–Самара¹⁸. В 1999 г. перед Закрытым акционерным обществом «Национальная компания по транспортировке нефти «КазТрансОйл» Правительством Республики Казахстан была поставлена задача обеспечить разработку и реализацию проекта увеличения пропускной способности нефтепровода Атырау – Самара до 15 млн т в год¹⁹. В 2000 г. Россия и Казахстан подтвердили намерения по дальнейшему увеличению объёмов транзита казахстанской нефти на экспорт по системе российских нефтепроводов, в качестве меры было

предусмотрено расширение пропускной способности нефтепровода Атырау–Самара до 15 млн т в год²⁰. В 2002 г. в рамках соглашения о транзите нефти²¹ казахстанская сторона обязалась загружать нефтепровод Атырау–Самара именно таким объёмом чёрного золота.

Помимо приведённого соглашения 2002 г., в котором Астана и Москва обязались сотрудничать в области транзита нефти, осуществляемого трубопроводным и другими видами транспорта, на основании взаимной выгоды и с учётом экономических интересов друг друга, у Казахстана с Российской Федерацией была выработана обширная международно-правовая база сотрудничества на двусторонней основе в топливно-энергетическом комплексе. Начало было положено ещё в 1993 г., когда Казахстан и Россия на взаимовыгодной основе, исходя из принципа недопущения действий, наносящих экономический ущерб друг другу, обязались всемерно продолжать и развивать сотрудничество в отраслях ТЭК²². В 1997 г. в Москве было заключено соглашение о техническом и экономическом сотрудничестве и интеграции в нефтегазовых отраслях²³. Наряду с этим Казахстан сотрудничал с Российской Федерацией в сфере транзита энергоресурсов и на основе многосторонних соглашений, заключённых в рамках СНГ²⁴ и Таможенного союза²⁵.

Реализация транспортировки казахстанских энергоресурсов через российские трубопроводные системы не была беспроблемной для Казахстана. Долгое время причиной, по которой Республика Казахстан не спешила наращивать объёмы транспортировки нефти через российские трубы, была неспособность договориться по двум пунктам. Первый касался установления инвестиционного тарифа за прокачку тонны нефти. Проблема упиралась в существовавшие разногласия среди акционеров Каспийского трубопроводного консорциума. Одна группа полагала, что за счёт повышения тарифа за прокачку возможным будет покрыть расходы на расширение пропускной способности, а представители компании ChevronTexaco выступали резко против повышения тарифа даже на короткий промежуток времени, опасаясь потери конкурентоспособности с иными трубопроводными проектами на Каспии²⁶.

Ещё одна серьёзная проблема, представлявшая препятствие для наращивания Казахстаном объёмов прокачки собственной нефти, заключалась в том, что Астана не желала терять премиум. Речь идёт о разнице в качестве между казахстанской и российской нефтью: тенгизская нефть более качественная. Российская «Транснефть» долгое время не хотела вводить на своих трубопроводах банк качества, из-за чего её трубопровод Атырау–Самара не наращивал мощности. Для КТК и добывающих компаний в Казахстане такой банк качества был создан и позволял идентифицировать партии нефти на различных этапах её транспортировки, перевал-

ки и хранения. Отсутствие подобной системы у «Роснефти», в частности в Самаре, не позволяло проводить такой мониторинг и влекло за собой замещение различных сортов лёгкой и тяжёлой нефти и их смешивание, что, по мнению представителей «КазТрансОйл» (дочерней структуры «КазМунайГаза»), оборачивалось убытками для казахстанской стороны, так как терялись 6–8 долларов на каждой тонне нефти²⁷.

Тем не менее осознание Россией стратегической важности сохранения и усиления своего влияния в регионе Каспийского моря позволило запустить проект КТК, ради которого Кремль пошёл на сотрудничество с иностранными инвесторами, а также в последующем на исключение строившегося трубопровода из системы «Транснефти». Тем самым был создан прецедент нарушения государственной монополии в вопросе транспортировки углеводородов. Российскому проекту удалось сохранить свои конкурентные преимущества, например, себестоимость прокачки нефти. Помимо этого, эксперты отмечают, что экспорт казахстанской нефти через КТК в отличие от трубы Баку–Джейхан в большинстве случаев оказывался дешевле, так как исчезала необходимость транспортировать нефть по железной дороге до Актау, перегружать в портах и доставлять по морю²⁸.

Однако КТК и другие маршруты с российским участием – не единственные транспортно-трубопроводные проекты, в реализации которых была заинтересована Астана. Президент Н. А. Назарбаев объяснял большое внимание к другим проектам трубопроводов важностью диверсификации путей транспортировки каспийской нефти на мировые рынки. При этом глава государства подчёркивал, что в конечном счёте вопрос об участии в них Казахстана будут решать экспортеры нефти, принимая во внимание сугубо экономические параметры (рентабельность, уровень конкуренции, цены на рынках и так далее). Многовариантность нефтяных маршрутов, по мнению первого президента Казахстана, «важна и потому, что только она поможет согласованию интересов всех, кто причастен к каспийской проблематике, сохранению и укреплению стабильности и безопасности в регионе»²⁹.

В 1993 г. американская корпорация «Шеврон» (Chevron Corporation) всерьёз и надолго пришла в Казахстан. Её приход ознаменовался подписанием 6 апреля 1993 г. в г. Алма-Ате Соглашения об образовании совместного казахстанско-американского предприятия по разработке Тенгизского месторождения. Соглашение подписали президент РК Нурсултан Назарбаев и глава американской нефтяной корпорации «Шеврон» Кеннет Дерр. Созданное совместное предприятие получило название «Тенгизшевройл» (Tengizchevroil), а срок действия соглашения составлял 40 лет. Компания «Тенгизшевройл» стала (и является по сей день) крупнейшим предприятием в Казахстане

по разработке, добыче, а также сбыту нефти и нефтепродуктов³⁰.

Помимо финансовых вливаний в развитие энергетического сектора страны, Казахстан получил также возможность выхода на внешние рынки, постоянно увеличивая объем потенциального экспорта. Со временем, принимая во внимание увеличивающиеся объемы производства, ТШО (Тенгизшевройл) разработала систему транспортировки сырой нефти таким образом, что она поступала на широкий рынок различными транспортными маршрутами, включая трубопровод, железную дорогу и баржи. Этот проект во всех отношениях являлся стратегически важным для всего Казахстана.

На рассмотрении казахстанского руководства были проекты Транскаспийского трубопровода, предусматривавшего транспортировку казахстанских ресурсов в Баку, а оттуда уже к Чёрному морю. Не менее интересным представлялся для Астаны проект трубопровода Западный Казахстан – Западный Китай, реализация которого позволила бы выйти на рынок не только Китая, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Строительство системы нефтепроводов здесь предусматривало несколько этапов и после завершения участка Кенкияк–Атырау в 2003 г. необходимым оказалось вовлечение в казахстано-китайский проект российской стороны через использование потенциала трубы Омск–Павлодар–Атасу–Шимкент с последующей организацией поставок российской нефти по схеме SWAP, что получилось очень выгодным для Астаны. Это позволило Казахстану загрузить трубу без наращивания дополнительной добычи и переориентации потоков, а России – увеличить поставки нефти на привлекательный китайский рынок³¹.

Наряду с этим Казахстан рассматривал и различные варианты сотрудничества с Ираном и Туркменистаном, в частности, в рамках проекта трубопровода Казахстан–Туркменистан–Иран (КТИ), протяжённость которого 1700 км. КТИ предполагал транспортировку казахстанской нефти из Тенгиза и Узеня через Туркменистан в Иран взамен на иранскую нефть из Персидского залива. В планах Казахстана был также магистральный нефтепровод через Афганистан и Пакистан протяжённостью 2500 км с выходом к Аравийскому морю³².

Южные маршруты транспортировки каспийской нефти, идущие через Иран, могли бы конкурировать с путями, проложенными через Россию, однако возможности Казахстана в этом направлении были узкими (и остаются такими до сих пор). Исламская Республика – единственное государство в Центральной Азии, имеющее на севере и юге выходы к морю и океану. При всей дешевизне и логичности южных маршрутов проблема упиралась и упирается в политическую плоскость. Президентская администрация в США выступала резко против передачи Тегерану под контроль транспортировку нефти. По её мнению, это могло иметь негативные последствия для региона³³.

Сотрудничество с Азербайджаном ознаменовалось вхождением Казахстана в проект трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД)³⁴. Однако выбор Казахстана был обусловлен не только тесным взаимодействием с Азербайджаном, но и тем влиянием, которое на данный процесс оказывали Турция и США, активно продвигая Баку–Тбилиси–Джейхан³⁵. Политическое влияние указанных государств нивелировало объективные трудности реализации данного маршрута, связанные с возможной нехваткой мощностей Казахстана по загрузке данного трубопровода и отличиям в химическом составе азербайджанской и казахстанской нефти. Это напрямую вытекало из положений Бакинской декларации о развитии и расширении энергетического транспортного коридора Восток–Запад от 25.05.2005 г.,³⁶ где полностью поддерживалась транспортировка нефти и газа из Казахстана через Азербайджан, Грузию и Турцию на мировые рынки.

Нефтепровод БТД явился первым трубопроводом, проложенным в обход российской территории и при активном участии Соединенных Штатов и Великобритании. С началом его функционирования существенно изменилась геополитическая карта региона Центральной Азии, Кавказа и акватории Каспийского моря. Транспортировка значительных объёмов нефти, которая могла бы осуществляться через территорию России по существующему нефтепроводу Баку – Новороссийск, теперь планировалась производиться в обход России, что, безусловно, снизило её влияние в регионе. В свою очередь, США получали не только альтернативный Персидскому заливу источник нефти, но и расширяли зону своего влияния и усиливали свои позиции в Каспии.

Проект трубопровода начал осуществляться после подписания декларации 29 октября 1998 г. в Анкаре. Её подписали президенты Азербайджана, Грузии, Казахстана, Турции, Узбекистана, в присутствии министра энергетики США. В ходе саммита ОБСЕ в Стамбуле 18 ноября 1999 г. был подписан дополнительный пакет соглашений, определивший конкретные сроки начала строительства трубопровода БТД и перекачки «большой нефти» Каспия на внешние рынки³⁷.

Практическое функционирование трубопровода БТД и его первое заполнение нефтью началось несколько позже, 25 мая 2005 г. (закачка нефти в трубу была начата с месторождения Азери–Чираг–Гюнешли (АЧГ)). Общая длина трубопровода по территории Азербайджана, Грузии и Турции составила 1770 километров. Стоимость проекта БТД оценивалась в 3,7 млрд долларов³⁸.

Спецификой Каспийского региона являлось тесное переплетение геополитики с транспортно-логистическими коридорами и контролем над ними. Н. Назарбаев подчёркивал, что экономическое развитие республики зависит не только от наличия запасов нефти и газа, но и от достижения благоприятных условий в области их

транспортировки. Поэтому казахстанский лидер выражал заинтересованность в гармонизации международных отношений в регионе, налаживании тесного экономического сотрудничества с прикаспийскими партнёрами, главным из которых считал Россию, потому через российскую трубопроводную систему осуществлялся почти весь нефтяной экспорт Казахстана³⁹.

В 2002 г. Казахстан и Россия подписали беспрецедентное соглашение по транспортировке нефти, утверждающее объёмы ее транзита на ближайшие 15 лет⁴⁰. Президент Нурсултан Назарбаев отмечал данный факт как серьёзный успех в дипломатии двусторонних отношений России и Казахстана: «Если в прежние годы мы ежегодно заключали соглашение о транзите нефти, то в нынешнем году подписали договор сроком на 10 лет, гарантирующий Казахстану ежегодный объём экспорта не менее 15 миллионов тонн»⁴¹. Таким образом, РК и РФ значительно углубили уровень сотрудничества на перспективу.

Что же касается стремления казахстанского лидера к «гармонизации» международных отношений в регионе, то можно привести следующий пример от 2006 г. С одной стороны, на полях саммита глав государств и правительств «Группы восьми» в Санкт-Петербурге президенты России и Казахстана достигли договорённости о развитии долгосрочного сотрудничества в области переработки и реализации газа Карачаганакского месторождения (17 июля). С другой стороны, в рамках официального визита в Казахстан вице-президента США Р. Чейни в переговорах с руководством страны были обсуждены перспективы двусторонних отношений в сфере энергетики, инновационного и торгово-экономического сотрудничества, состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам международной политики, ситуации в Центральной Азии и Каспийском бассейне (5–6 мая)⁴².

В сфере трубопроводной политики Астана не проповедовала принципа удалённости от Москвы, что позволяло эффективно использовать российские трубопроводные инфраструктурные возможности для транспортировки казахстанских ресурсов на мировые рынки. Более того, это также позволяло Казахстану экономить на строительстве собственных инфраструктурных проектов, сосредоточившись на добыче нефти и газа. Грамотная многовекторная политика Казахстана была направлена на одновременное задействование с российским проектом КТК и маршрута Атырау–Самара трубопроводов, построенных без российского участия, таких как Баку–Тбилиси–Джейхан. Стремление руководства Республики Казахстан принимать участие также в реализации трубопроводных маршрутов с другими странами региона и его соседями призвано было избежать чрезмерной зависимости в поставке энергоресурсов от какого-то одного государства или группы государств с целью равной диверсификации таких маршрутов.

Примечания

- 1 См.: Зонн И. С., Жильцов С. С. Новый Каспий. География, экономика, политика. М., 2008. 542 с.; Каспийская повестка накануне III саммита прикаспийских государств : аналит. докл. М., 2010. С. 34.
- 2 См.: Государственная программа освоения казахстанского сектора Каспийского моря / Министерство юстиции Республики Казахстан. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U030001095_ (дата обращения: 07.12.2017).
- 3 См.: *Rachinskiy M. Z., Chilingar G. V., Lipsits Yu. M., Gorfunkel M.* The South-Caspian Basin's Mineral Resource Base (1990–2005 Exploration Results and Future Potential) // *Energy Sources. Part A : Recovery, Utilization, and Environmental Effects.* 2008. Vol. 30. P. 80.
- 4 См.: *Parvizi A. M., Henk H.* Caspian Energy : Oil and Gas Resources and the Global Market // *Perspectives on Global Development and Technology.* 2003. Vol. 2, iss. 3–4. P. 391–392.
- 5 См.: *The Caspian, a giant in the making* // *Oil & Gas Investor.* 2003. Vol. 23. P. 1.
- 6 См.: *Hill F.* Pipelines in the Caspian. Catalyst or cure all? // *Georgetown J. of Intern. Affairs.* 2004. Winter/Spring. P. 17.
- 7 См.: *Айвазян Д.* Углеводородный потенциал Каспийского региона : оценки на региональном и международном уровнях // *Международные процессы.* 2003. Т. 11, № 2 (33). С. 137.
- 8 См.: *Мальшева Д. Б.* Каспийские энергоресурсы как элемент глобальной энергетической игры // Южный фланг СНГ. «Общие соседи» и «восточные партнеры» сквозь призму Каспия / под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина, А. Л. Чечевишникова. М., 2009. С. 23.
- 9 См.: *Харитоновна Н. И., Андриевская И. С.* Каспийская нефтяная провинция: риски, проблемы, прогнозы в контексте кризисной ситуации на Ближнем Востоке / Общественный институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. URL: <http://bs-kavkaz.org/2015/09/каспийская-нефтяная-провинция-риски> (дата обращения: 10.12.2017).
- 10 См.: *Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М.* Геополитика Каспийского региона. М., 2003. С. 65.
- 11 Там же. С. 54.
- 12 См.: *Леклерк А.* Русское влияние в Евразии : Геополитическая история от становления государства до времён Путина. М., 2014. С. 220.
- 13 Там же. С. 65.
- 14 См.: Хроника независимого Казахстана : 1995 год // Министерство иностранных дел Республики Казахстан : [официальный сайт]. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/khronika-nezavisimogo-kazakhstan-1995-god> (дата обращения: 01.05.2017).
- 15 См.: *Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М.* Указ. соч. С. 113 ; *Леклерк А.* Указ. соч. С. 221.
- 16 См.: *Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М.* Указ. соч. С. 112–113.
- 17 См.: *Зонн И. С.* Каспий : иллюзии и реальность. М., 1999. С. 137.
- 18 См.: Хроника независимого Казахстана : 1998 год // Министерство иностранных дел Республики Казахстан.

- [официальный сайт]. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/khronika-nezavisimogo-kazakhstana-1998-god> (дата обращения: 01.05.2017).
- 19 См.: Постановление Правительства Республики Казахстан от 29.04.1999 г. № 513 «Отдельные вопросы по развитию трубопроводного транспорта» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P990000513_ (дата обращения: 01.01.2016).
- 20 См.: Меморандум между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области от 09.10.2000 г. // Бюл. междунар. договоров Республики Казахстан. 2001. № 6. Ст. 59.
- 21 См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о транзите нефти заключено в г. Санкт-Петербурге 07.06.2002 г. // Бюл. междунар. договоров. 2002. № 10.
- 22 См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве и развитии топливно-энергетических комплексов заключено в г. Алма-Ате 25.12.1993 г. // Бюл. междунар. договоров Республики Казахстан. 1994. № 9.
- 23 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о техническом и экономическом сотрудничестве и интеграции в нефтегазовых отраслях заключено в г. Москве 25.02.1997 г. // Бюл. междунар. договоров. 1997. № 7.
- 24 См.: Соглашение о порядке транзита через территории государств – участников Содружества Независимых Государств заключено в г. Минске 04.06.1999 г. // Бюл. междунар. договоров. 2001. № 4 ; Соглашение о проведении согласованной политики в области транзита нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам заключено в г. Москве 12.04.1996 г. // Содружество. 1996. № 2 ; Соглашение о порядке транзита заключено в г. Москве 08.02.1992 г. // Бюл. междунар. договоров Республики Казахстан. 1993. № 1 (утратило силу).
- 25 См.: Решение Совета глав правительств при Межгосударственном Совете Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации от 22.01.1998 г. № 6 «О Соглашении о единых условиях транзита через территории государств – участников Таможенного союза» (Вместе с Перечнями опасных отходов) // Бюл. развития интеграции. 1998. № 1.
- 26 См.: *Заславский И.* Дело труба. Баку – Тбилиси – Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. М., 2005. С. 42.
- 27 Там же. С. 44–45.
- 28 См.: *Аришинов Ю. Е., Казанцев А. А., Лапенко М. В., Притчин С. А.* Каспийский регион-2025: международно-правовой статус, экономика и безопасность : аналит. докл. Саратов, 2017. С. 26.
- 29 Нурсултан Назарбаев : Как нам поделить Каспий // Известия. 2002. 3 октября. URL: <http://izvestia.ru/news/267931> (дата обращения: 01.01.2016).
- 30 См.: *Махмудов Н.* «Генгизшевройл» показывает зубки? // Аналитический ресурс «ЦентрАзия». URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1037915160> (дата обращения: 20.05.2016).
- 31 См.: *Аришинов Ю. Е., Казанцев А. А., Лапенко М. В., Притчин С. А.* Указ. соч. С. 27–28.
- 32 См.: *Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М.* Указ. соч. С. 126.
- 33 См.: *Аришинов Ю. Е., Казанцев А. А., Лапенко М. В., Притчин С. А.* Указ. соч. С. 27.
- 34 См.: Договор между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой по поддержке и содействию транспортировке нефти из Республики Казахстан через Каспийское море и территорию Азербайджанской Республики на международные рынки посредством системы Баку–Тбилиси–Джейхан, подписанный в г. Алматы 16.06.2006 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P070001188_ (дата обращения 01.01.2016).
- 35 См.: *Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М.* Указ. соч. С. 126, 128.
- 36 См.: Бакинская декларация о развитии и расширении энергетического транспортного коридора Восток–Запад от 25.05.2005 г. // Организация Объединённых Наций. URL: <https://documents-dds.ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/417/82/PDF/N0541782.pdf?OpenElement> (дата обращения 09.11.2016).
- 37 См.: *Дарабади П.* Гейдар Алиев и геополитика Каспийского региона на рубеже XX–XXI вв. // Информационно-аналитический ресурс «NewTime». URL: <http://newtimes.az/ru/relations/3579/> (дата обращения: 20.05.2016 г.).
- 38 См.: *Гурьев А. А.* Геополитический ракурс нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан / Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/19-06-05.htm> (дата обращения: 21.05.2016 г.).
- 39 См.: Нурсултан Назарбаев: Как нам поделить Каспий...
- 40 См.: *Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев : логика перемен. Астана, 2001. С. 498.
- 41 Нурсултан Назарбаев : Как нам поделить Каспий...
- 42 См.: Хроника независимого Казахстана : 2006 год // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. [официальный сайт]. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/khronika-nezavisimogo-kazakhstana-2006-god> (дата обращения: 01.05.2017).

Образец для цитирования:

Саркулова Г. С. Использование ресурсов Каспийского моря через призму казахстанских интересов в 1990-е и начале 2000-х годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 87–92. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-87-92>

Cite this article as:

Sarkulova G. S. Use of Resources of the Caspian Sea through the Prism of Kazakhstan Interest in the 1990s and Early 2000s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 87–92 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-87-92>

УДК 327

Парадипломатия канадской провинции Онтарио в XXI веке

А. Ю. Косова

Косова Алина Юрьевна, аспирант кафедры американских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, st048426@student.spbu.ru

Статья посвящена парадипломатической деятельности канадской провинции Онтарио, которая является одним из наиболее активных субъектов Канады на международной арене в XXI веке. Автор уделяет внимание основным направлениям международной деятельности Онтарио и соотношению парадипломатии провинции с политикой федерального центра в XXI веке. Также в статье рассмотрены основные причины развития парадипломатии в Канаде. В результате делается вывод о том, что Онтарио является успешным внешнеполитическим игроком, при этом субъект находит компромиссы с федеральным центром; благодаря такому подходу он выстраивает прочные отношения с другими международными акторами: традиционно с США, а в качестве альтернативного направления – с Китаем.

Ключевые слова: Канада, международная деятельность, Онтарио, федерализм, парадипломатия.

Paradiplomacy of the Canadian Province Ontario in the 21st Century

А. Ю. Косова

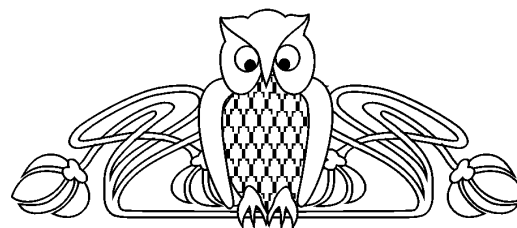
Alina Ju. Kosova, <https://orcid.org/0000-0001-7698-1384>, St. Petersburg State University, 1/3 Smolny Str., 8 entrances, St. Petersburg, 191060, Russia, st048426@student.spbu.ru

The article examines the paradiplomatic activity of the Canadian province Ontario which is one of the most active entities of Canada in the international arena of the XXI century. The author pays attention to the main Ontario's directions of international activity and the relation of the province's paradiplomacy with the policy of the Federal center in the XXI century. The article also considers the main reasons for the development of paradiplomacy in Canada. As a result, it is concluded that Ontario is a successful foreign policy actor; the province finds compromises with the Federal center, thanks to this approach, it builds strong relations with other international actors: traditionally with the United States, and as the alternative direction – China.

Keywords: Canada, international activities, Ontario, federalism, paradiplomacy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-93-96>

Канада является одной из крупнейших федераций в мире, которая за последние годы существенно увеличила свою вовлеченность в мировые политические дела. Однако внешнеполитическая деятельность Канады не ограничивается только федеральным уровнем – в неё активно вовлечены провинции, что приводит к развитию такого процесса, как парадипломатия.

Иво Духачек впервые использовал термин в 1986 г. для обозначения «политических связей государств, которые формируются через контакты субнациональных правительств с разными акторами международных отношений в торговле, промышленности, культуре и других сферах»¹.

Причины развития парадипломатии в Канаде

Одной из основных причин международной деятельности провинций в Канаде является то, что в канадской Конституции не содержится положений о разделении полномочий во внешней политике между субъектами и федеральным центром. Информация о международной деятельности в целом практически отсутствует в документе (за исключением статьи 92, где говорится о возможности провинций быть «связанными инфраструктурой не только с другими субъектами Канады, но и иностранными государствами»²; и статьи 95 – на уровне провинций «можно принимать решения относительно въезда граждан других стран на территорию субъекта»³).

К возможным факторам, оказавшим влияние на отсутствие положений о внешней политике Канады в Конституции государства, можно отнести следующие: при создании Акта о Британской Северной Америке 1867 г. Великобритания оказывала давление на «отцов-основателей» канадского доминиона; создатели Акта о Британской Северной Америке сомневались в идее независимости Канады от Великобритании в будущем; боязнь возникновения Гражданской войны в Канаде; нежелание вносить изменения в Конституционные Акты относительно внешней политики Канады.

При этом федеральные власти признают факт существования международной активности провинций, и вопрос об изменении положений Конституции в отношении международной деятельности провинций не поднимается.

Парадипломатия Онтарио

Онтарио – вторая по величине (после Квебека) провинция в Канаде, которая охватывает около миллиона квадратных километров от Великих озер до берегов залива Хадсон. Субъект расположен между провинциями Манитоба на западе и Квебеком на востоке, граничит с США на юге.

Онтарио, в отличие от многих других канадских провинций, еще в XX в. располагала большим количеством зарубежных представительств

по всему миру для продвижения целей провинции за рубежом, для привлечения инвестиций и развития бизнеса и туризма. Однако в середине 1990-х гг. провинция закрыла их по причине экономии бюджета. Канадские правительственные учреждения (консульства, посольства и т.д.)⁴ взяли на себя обязательство представлять не только интересы федерального центра за рубежом, но и Онтарио. Поэтому субъект не закончил свою парадипломатическую деятельность, напротив, он стал развиваться еще интенсивнее, в частности, благодаря экономии денежных средств, которые раньше отправлялись на содержание зарубежных представительств. В свою очередь, в Торонто на сегодняшний день существуют более 100 представительств зарубежных государств⁵.

Международная деятельность Онтарио включает в себя организацию и проведение официальных торгово-экономических миссий в различных частях земного шара. Например, 28 ноября – 2 декабря 2016 г. в Японии и Южной Корее проходила бизнес-миссия провинции⁶. Основная задача – создание экономических связей и поиск новых возможностей в таких сферах, как производство автомобилей, информационные технологии, коммуникации.

Соотношение с политикой федерального центра

Несмотря на то что парадипломатия Онтарио является довольно активной, она не противоречит интересам страны в целом: провинция ставит своей задачей реализацию экономических интересов, но при этом не стремится привлекать к себе международное внимание, которое должно быть направлено на федеральный центр.

По словам премьер-министра Онтарио Кетлин Уинн, «сотрудничество и всесторонняя поддержка центральных властей Канады во внешнеполитической сфере»⁷ должны продолжаться.

При этом субъект может оказывать влияние на федеральные переговоры по внешней политике. Этот вид деятельности осуществляется двумя способами: напрямую – когда провинция играет активную роль в таких переговорах или, как чаще всего происходит, через оказание давления со стороны Онтарио на действия федерального правительства.

Основные направления международной деятельности

Для развития парадипломатии власти Онтарио видят необходимость в сотрудничестве с другими провинциями. Главная цель – укрепление экономики и стирание торговых барьеров.

Правительство субъекта не обходит стороной проблему «поощрения сильных сторон провинции»⁸ на международной арене: сотрудничество с США (главный торговый партнер), Европой,

Китаем, Индией, Кореей и Японией для привлечения инвестиций.

Так, например, в результате торговых миссий 2014–2015 гг. с Китаем были заключены соглашения на сумму почти 3,8 млрд долл.⁹, а в 2015 г. между Калифорнией и Онтарио были укреплены связи в области технологий и киноиндустрии.

Еще одним важным направлением является иммиграционная политика, здесь уделяется особое внимание адаптации мигрантов на территории провинции, согласно Закону об иммиграции в Онтарио¹⁰ и Программе отбора кандидатов на иммиграцию¹¹.

В настоящее время международная деятельность субъекта в первую очередь ориентирована на внутренние потребности: экономический рост и создание рабочих мест, что реализуется благодаря экономическому развитию и иностранным инвестициям. Так, по словам должностных лиц Онтарио, экспорт составляет примерно «25% ВВП провинции, и каждые 100 миллионов долларов, получаемые от экспорта, создают 1000 новых рабочих мест»¹².

Правительство Онтарио прошло долгий путь для того, чтобы создать имидж провинции как идеального торгового партнера и инвестиционного направления. К примеру, в 2005–2013 гг. премьер-министром субъекта были совершены поездки в Китай, Гонконг, Индию, Пакистан, Израиль, в результате чего между сторонами были заключены контракты на сумму более 1,6 млрд долл.

Следствием этих поездок стал план «Онтарио выходит на глобальный уровень. Торговая стратегия»¹³, направленный на расширение присутствия провинции на мировых рынках, рост экономики и создание рабочих мест, при этом делается акцент на помощи предприятиям малого и среднего бизнеса. Документ призван помочь компаниям субъекта захватить большую долю мирового экспорта. От этого зависит их будущее и будущее процветание провинции.

Сотрудничество Онтарио и США

Сотрудничество США и Онтарио во многом осуществляется через Конференцию губернаторов и премьеров района Великих озер и реки Св. Лаврентия¹⁴, которая объединяет руководителей Онтарио, Квебека, Иллинойса, Индианы, Мичигана, Миннесоты, Нью-Йорка, Огайо, Пенсильвании и Висконсина для поощрения экологически ответственного экономического развития.

Великие Озера и река Св. Лаврентия являются не только магистралью, связывающей Канаду и США, но и главным источником пресной воды региона. Экологические проблемы все чаще становятся повесткой дня для мирового сообщества, поэтому участники Конференции пришли к выводу, что «управление окружающей средой на территориях Канады и США имеет решающее значение для жителей и роста экономики»¹⁵. Акцент

делается на региональный, а не глобальный подход – так можно эффективно решить поставленные задачи. Кроме того, политика осуществляется совместно с федеральными центрами.

Бесспорно, проводимые мероприятия дали положительные результаты: до 2009 г. была реорганизована деятельность гидроэлектростанций (внедрены новые технологии, позволяющие наносить меньший вред окружающей среде) и решены вопросы, связанные с сохранением биоразнообразия и чистоты воды. Сейчас главная цель – поддержание достигнутых результатов и адаптация экономики к установленным экологическим стандартам.

К сожалению, Конференция в 2017 г. столкнулась с трудностями, которые связаны с деятельностью Дональда Трампа: он планирует сократить финансирование экологической программы в районе Великих Озер с 300 млн долл. до 10 млн долл.¹⁶

Окончательное решение по этому поводу еще не принято, но главы штатов и провинций намерены повлиять на ситуацию, потому что, по мнению их руководителей, такие сокращения «разрушат усилия двух стран в течение последних пяти десятилетий по восстановлению ресурсов»¹⁷.

Если говорить об экономическом развитии, то еще в 1990 г. было открыто торговое представительство Конференции в Торонто по содействию реализации экспорта и импорта товаров и услуг, а также в целях поддержки предприятий малого и среднего бизнеса штатов и провинций. Интересно то, что в отличие от экологического направления экономическая сфера не ограничилась территориальными рамками США и Канады, напротив, участниками Конференции было принято решение о выходе на глобальный уровень. Данный шаг можно объяснить тем, что осуществление экономической деятельности не только в регионе, но и за его пределами, позволяет получать большее количество прибыли и, соответственно, повышать уровень благосостояния.

Что касается отношений США и Онтарио вне рамок Конференции, то за последние десять лет сотрудничество начало смещаться от провинции и отдельных американских штатов к Онтарио и США в целом. По мнению Кетлин Уинн, в настоящее время важно понять перспективы сотрудничества с США и сделать все необходимое для того, чтобы оно было эффективным и долгосрочным. Действительно, провинция является экспортным центром для двадцати американских штатов (ежедневно товары продаются на сумму более 800 млн долл.¹⁸).

Правда, пока сложно сказать, будет ли партнерство Онтарио и федерального американского центра настолько эффективным, как рассчитывают в Канаде. Проблема снова заключается в политике Дональда Трампа, который на встрече с Джастином Трюдо в феврале 2017 г. говорил о пересмотре НАФТА, где «главной заботой США является Мексика»¹⁹.

Исходя из сложившейся ситуации, вполне вероятно то, что Онтарио будет снова ориентироваться на кооперацию с отдельными американскими штатами или будет искать других партнеров, например в Азии. Там одним из самых перспективных в экономическом плане государств является Китай.

Сотрудничество Онтарио и Китая

Дипломатические отношения между Китаем и Канадой были установлены в 1970 г. Провинция Онтарио активно сотрудничает с КНР: Торонто и Чунцин, Гравенхерст и Танг стали городами-побратимами²⁰, а в 2001 г. власти канадской провинции создали Международный рыночный центр в Шанхае и назначили постоянных представителей.

Несмотря на то что Китай является популярным направлением для международной деятельности провинций, Онтарио пока не ставит эту страну на первое место в своих внешних связях, но сотрудничество, прежде всего экономическое, развивается стремительно, преимущественно благодаря регулярным торговым миссиям сторон.

Рынок Китая быстро растет: с 2014 г. это государство является вторым по величине экспортером сельскохозяйственной продукции в Онтарио: 832 млн долл.²¹. В свою очередь, провинция поставляет в Китай разнообразные товары: вина, кондитерские изделия, замороженные продукты и т.д. Содействие расширению торговли и инвестиций в экономическом секторе Онтарио связано с желанием провинциального правительства удвоить свои темпы роста и создать 120 тыс. новых рабочих мест к 2020 г.²²

Очевидно, что Китай поможет канадскому субъекту расширить границы своих экономических возможностей. Министр международной торговли Онтарио Майкл Чан заявил: «Я с нетерпением жду новых проектов Китая и Онтарио и новых инвестиций, которые принесут пользу для нашей провинции на долгие годы»²³.

Вывод

Внешняя политика Канады не ограничена федеральным уровнем, провинции также вовлечены в международную деятельность. Одним из таких субъектов является провинция Онтарио, парадипломатия которой имеет ряд особенностей:

во-первых, парадипломатия необходима провинции, прежде всего, для развития экономики и решения экологических проблем;

во-вторых, международная деятельность субъекта не противоречит интересам страны в целом. Онтарио поддерживает международную политику канадского правительства;

в-третьих, связь с федеральным центром не означает отсутствие самостоятельности субъекта. Онтарио не бросает вызовы правительству

Канады и прислушивается к его советам, однако парадипломатия осуществляется, прежде всего, исходя из провинциальных интересов;

в-четвертых, умение находить компромиссные решения с канадскими властями позволяет Онтарио выстраивать прочные отношения с другими акторами международных отношений: традиционно – с США, а в качестве альтернативного направления – с Китаем.

Сегодня взаимодействие США и Онтарио осуществляется преимущественно через Конференцию губернаторов и премьеров района Великих озер и реки Св. Лаврентия, основные направления – экология и экономика. Также за последние десять лет сотрудничество начало смещаться от провинции и отдельных американских штатов к Онтарио и США в целом.

При этом в отношениях Соединенных Штатов и Онтарио возникли трудности: Дональд Трамп планирует сократить финансирование экологической программы в районе Великих озер и пересмотреть договор НАФТА. Исходя из сложившейся ситуации, вполне вероятно, что Онтарио будет снова ориентироваться на кооперацию с отдельными американскими штатами или будет искать других партнеров, например, в Азии. Там одним из самых перспективных в экономическом плане государств является Китай.

Примечания

- ¹ Duchacek I. The territorial dimension of politics : within, among and across nations. Boulder ; L., 1986. P. 15.
- ² Government of Canada. A Consolidation of the Constitution Acts 1867 to 1982. Ottawa, 2013. P. 29.
- ³ Ibid. P. 32.
- ⁴ Canadian Government Offices Abroad. URL: http://www.international.gc.ca/cip-pic/description_bureaux-offices.aspx?lang=eng (дата обращения: 24.02.2018).
- ⁵ Consular offices. A list of consular offices in Ontario. URL: <https://www.ontario.ca/page/consular-offices> (дата обращения: 21.02.2018).
- ⁶ Ontario Business Mission to Japan and South Korea. November 28 – December 02. 2016. URL: <https://ontariogovernmentmissions.ca/japankorea/> (дата обращения: 18.02.2018).
- ⁷ Mandate letter: Intergovernmental Affairs. Premier's instructions to the Minister on priorities. 2016. URL: <https://www.ontario.ca/page/september-2016-mandate-letter-intergovernmental-affairs> (дата обращения: 18.02.2018).
- ⁸ Canada Going Global. Trade Strategy, 2013. URL: <https://dr6j45jk9xcmk.cloudfront.net/documents/665/tradestrategy-en.pdf> (дата обращения: 24.02.2018).
- ⁹ Mandate letter progress: Intergovernmental Affairs. The Minister's response letter to Premier Wynne, outlining the results achieved on key mandate priorities in 2014–15. URL: <https://www.ontario.ca/page/mandate-letter-progress-intergovernmental-affairs> (дата обращения: 24.02.2018).
- ¹⁰ Ontario Immigration Act, 2015. URL: <https://www.ontario.ca/laws/statute/15o08> (дата обращения: 20.02.2018).
- ¹¹ Ontario Immigrant Nominee Program. URL: <http://www.ontarioimmigration.ca/en/pnp/> (дата обращения: 20.02.2018).
- ¹² Mandate letter : Intergovernmental Affairs. Premier's instructions to the Minister on priorities, 2016. URL: <https://www.ontario.ca/page/september-2016-mandate-letter-intergovernmental-affairs> (дата обращения: 18.02.2018).
- ¹³ Ontario goes global: trade strategy. URL: <https://dr6j45jk9xcmk.cloudfront.net/documents/665/tradestrategy-en.pdf> (дата обращения: 22.02.2018).
- ¹⁴ The Conference of Great Lakes and St. Lawrence Governors and Premiers. Official Site. URL: <http://www.cgslsgp.org/> (дата обращения: 19.02.2018).
- ¹⁵ The Conference of Great Lakes and St. Lawrence Governors and Premiers. History. URL: <http://www.cgslsgp.org/about-us/history/> (дата обращения: 20.02.2018).
- ¹⁶ Great Lakes mayors warn against Trump's potentially drastic cuts to ecological initiative. URL: <http://www.chicagotribune.com/news/nationworld/midwest/ct-great-lakes-ecological-cuts-20170305-story.html> (дата обращения: 19.02.2018).
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Prime Minister Justin Trudeau and U.S. President Donald Trump had their first official meeting in Washington. URL: <http://www.cbc.ca/news/politics/trump-trudeau-presser-full-1.3980629> (дата обращения: 22.02.2018).
- ²⁰ Relationships between China and the Province of Ontario. URL: <http://toronto.china-consulate.org/eng/topics/t40569.htm> (дата обращения: 18.02.2018).
- ²¹ Ontario's Trade mission to China, 2015. URL: <http://www.omafra.gov.on.ca/english/about/chinamission.htm> (дата обращения: 22.02.2018).
- ²² Ibid.
- ²³ Ontario Begins Follow-Up Mission to China. Mission to Focus on Increased Trade and Investment in Ontario// Ministry of Citizenship and Immigration. URL: <https://news.ontario.ca/mci/en/2016/04/ontario-begins-follow-up-mission-to-china.html> (дата обращения: 21.02.2018).

Образец для цитирования:

Косова А. Ю. Парадипломатия канадской провинции Онтарио в XXI веке // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 93–96. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-93-96>

Cite this article as:

Kosova A. Ju. Paradiplomacy of the Canadian Province Ontario in the 21st Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 93–96 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-93-96>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК [94+355/359.08] (470.44) |1650–1674|

Экономическая жизнь в левобережном Саратове в третьей четверти XVII в.: хозяйственная деятельность, местное гражданское население

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова в 1650–1674 гг. Особое внимание уделено гражданскому населению города. Впервые представлен список известных руководителей посадской общины и подьячих. Показано, как постепенно происходило укрепление посадской общины, повышение ее роли в жизни Саратова.

Ключевые слова: левобережный Саратов, А. А. Гоздаво-Голомбиевский, рыбные угодья, подьячие, посадские люди, откупщики, Печатный приказ.

**Economic Situation in Left-Bank Saratov in the Third Quarter of the 17th Century:
Agricultural Activity, Local Civilian Population**

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

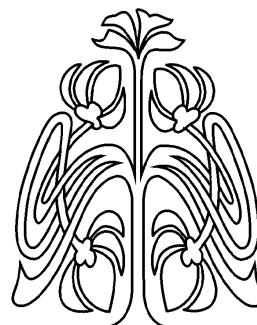
The article considers some unknown facts about left-bank Saratov in 1650–1674. Special attention is paid to the local population. A list of famous leaders of town community and minor officials is presented for the first time. A graduate development of town community, its increasing role for Saratov is shown.

Keywords: left-bank Saratov, Gozdavo-Gilombievskiyi, fish areas, minor officials, tradespeople, farmers, Print Prikaz.

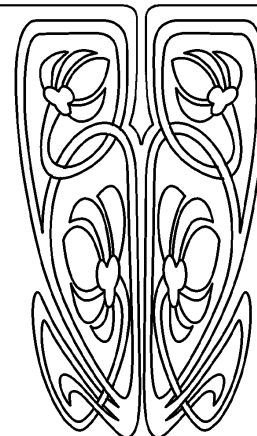
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-97-103>

В середине XVII в. вся жизнь в Саратове протекала на левом берегу Волги, на реке Саратовке, именно здесь проживало практически все население города. Рассмотрим один документ, косвенно подтверждающий данный тезис. В 1652 г. была послана из Москвы грамота только что назначенному воеводе Саратова стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову, сменившему прежнего воеводу Василия Григорьевича ФеофилаТЬева. Этой грамоте предшествовала челобитная кадашевца откупщика Оськи Степанова. В соответствии с данной грамотой Оська Степанов получил на откуп на два года с 1 сентября 1652 г. по 1 сентября 1654 г. «Саратовскую торговую баню и сусло и квас и уксус и морс и зимою пролуби, а летом портомойные плоты и перевоз через реку Саратовку, и перевоз же, что под городом через Волгу реку»¹.

Заметим, что перевоз через Саратовку указан первым, а перевоз через Волгу – вторым. Этот кадашевец Оська Степанов был, видно, расчетливым человеком и понимал, в какое выгодное предприятие он вкладывает деньги. Он не пожалел огромных средств, чтобы получить этот откуп, зная, что перевоз через Саратовку и находящиеся там

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

же проруби и портомойные плоты будут всегда функционировать и давать большую прибыль откупщику. Если бы основная масса жителей в те годы проживала на правом берегу Волги, то откупщику было бы невыгодно брать на откуп этот перевоз через Саратовку на противоположном берегу Волги (разорение при этом было бы неизбежным). А откуп стоил немалых денег, и цены постоянно росли. За два года старый откуп да еще с новой «наддачей» и пошлинами обошелся Оське Степанову в 264 рубля 18 алтын и 5 денег (огромная сумма, равная годовому окладу нескольких десятков стрельцов). Кроме того, он уплатил также печатных пошлин за эту откупную жалованную грамоту и за свою грамоту-челобитную еще 11 рублей 14 алтын с деньгой².

Основным занятием жителей города и основным источником дохода была рыбная ловля. Посадские люди ходатайствовали о предоставлении им наряду с другими жителями права на рыбную ловлю в окрестностях Саратова «для себя». В 1658 г. саратовские служилые и жилецкие люди получили это право на рыбную ловлю. От имени служилых людей челобитную в Москву с просьбой пожаловать жителям рыбные ловли написал стрелецкий пятидесятник Игнашка Кобяков, а от имени посадских людей – наиболее уважаемый человек Филька Попадейкин. По-видимому, он возглавлял в это время посадскую общину Саратова. Из Москвы пришла грамота стольнику и воеводе Никите Ивановичу Головину, в которой разрешалось саратовским служилым и посадским людям ловить рыбу на Волге «под городом и от города вверх и вниз по 5 верст про себя, без оброчно, и впредь тех рыбных ловель, которые отданы саратовским служилым и всяким жилецким людям, никому на откуп отдавать не велено»³. Жилецкие люди – это посадское население Саратова. Правда, такая грамота обошлась саратовцам недешево, пришлось им уплатить в Печатный приказ пошлину в размере 2 рубля. Челобитчики не пожалели денег, чтобы получить такую льготную грамоту. Это же право было подтверждено в следующем 1659 г. В грамоте, отправленной новому воеводе Саратова стольнику Даниле Варфоломеевичу Хитрову, вновь подчеркивалось, что все саратовцы, независимо от чина и звания («всяких чинов люди»), имеют право безоброчно ловить рыбу на Волге на расстоянии 5 верст вверх и 5 верст вниз по реке: «По челобитью Саратовских всяких чинов людей (имеется в виду служилое и посадское население. – Я. Р.), велено им на Волге ловить про себя рыбу, от города по реке вверх и вниз по 5 верст, без оброчно». Тогда же соседнему городу Царицыну была отправлена аналогичная грамота, но царицынским жителям повезло меньше; им разрешалось ловить рыбу безоброчно только под городом и вниз от города 5 верст, т. е. размеры безоброчных рыбных ловель для царицынцев были сокращены в два раза по сравнению с жителями Саратова⁴.

В 1656 г. при воеводе Василии Васильевиче Нелединском саратовский посадский человек Микита Дубенский (по-видимому, один из самых богатых людей Саратова) написал челобитную с просьбой дать ему на откуп «Збородинской юрт и Чардымской» по старым рубежам на этот 1655/1656 г. и на следующие три года без перекупки, а возможно, и на последующие годы, до очередных перекупщиков. Челобитная была удовлетворена. Было указано взять с М. Дубенского откуп старый и с новой «наддачей» в размере 24 рубля 1 алтын и 5 с половиной денег. Всего за 4 года откуп составил 96 рублей 7 алтын и 4 деньги⁵.

В 1667/1668 г. посадские люди, от имени которых написал челобитную земский староста Ивашка Живодер, а также стрельцы, просили центральные власти, чтобы «мелкие откупы всякие никому на откуп не отдавать». В 1668 г. воеводе Саратова князю Ивану Борятинскому пришло указание удовлетворить эту просьбу саратовцев⁶. Надо сказать, что к тому времени в Саратове посадская община была достаточно организована, она имела своего земского старосту.

Саратов со второй половины XVII в. стал важным торговым пунктом, особенно с того момента, когда кроме Волжского речного пути стал функционировать сухопутный прямой путь в столицу через Пензу. В Саратове со временем стала собираться значительная таможенная пошлина с торговых людей. В 1672 г. таможенная пошлина отдавалась на откуп за 1000 рублей на год (огромная сумма). Правда, существовала при этом оговорка, если такой суммы не дадут, то собирать «по вере». Этой грамоте из Москвы предшествовала челобитная саратовских посадских людей Семки Тяглого с товарищами. Дьяки Казанского приказа отправили грамоту воеводе думному дворянину Федору Ивановичу Леонтьеву и дьяку Льву Савлукову: «Велено Саратовскую таможенную пошлину отдать на откуп буде кто даст 1000 рублей, а буде кто больше 1000 рублей не даст, и тое таможенную пошлину собирать на великого государя на веру»⁷.

Нам теперь известны имена пяти наиболее уважаемых посадских людей того времени, некоторые из них возглавляли посадскую общину. В 1650-е гг. во главе посадских людей стояли Ивашка Горбун (о нем далее), Микита Дубенский, Филька Попадейкин, в 1660-е гг. – земский староста Ивашка Живодер, а в 1670-е гг. – Семка Тяглый.

Саратов как город с воеводским управлением имел воеводскую канцелярию (съезжая изба), в которой находились на службе подьячие. Также имелась таможенная изба для взимания казенных налогов. В приказной съезжей избе существовало несколько делопроизводств: хлебный стол, который заведовал распределением хлебного жалования, и денежный стол, заведывавший денежным жалованием. Подъячий хлебного стола контролировал также пополнение хлебных за-

пасов, как для заполнения государевых житниц (на экстремальный случай), так и для выдачи хлебного жалования. В окрестностях Саратова в XVII в. хлеб не выращивали, своего уезда и соответственно сельского населения (крестьян, которые бы занимались выращиванием хлеба) не было. Весь хлеб был привозной из Казани. Одно время хлебные запасы из Казани в Саратов привозили сами казанские посадские люди. Потом последовала челобитная казанцев, которые просили освободить их от этой работы. Пусть, мол, саратовцы сами приезжают в Казань и получают положенное им хлебное жалование. Казанцы при этом ссылались на свое малолетство. В итоге в 1658 г. последовало распоряжение из Москвы воеводам Казани и Саратова (воеводе Н. И. Головину): «Казанцов посадских людей, для их малолетства, ис Казани на Саратов с деньгами и со хлебными и со всякими запасы посылать не велено»⁸.

Через пять лет, в 1663 г., воеводе Казани князю Григорию Семеновичу Куракину пришло указание: «По челобитью Саратовцев ружников и всяких оброчников и стрельцов, велено из Казани отпустить хлебных запасов Саратовским ружникам, оброчникам и стрельцом годовые их оклады сполна»⁹. Контроль за приходом и расходом всего поступающего в Саратов хлеба осуществлял подъячий хлебного стола.

В левобережный Саратов дьяки обычно не назначались, здесь находились только подъячие. Исключение составляет лишь дьяк Лев Савлуков, который был назначен сюда после подавления восстания Степана Разина в связи с чрезвычайными обстоятельствами накануне переноса города на правый берег для урегулирования отношений между воеводой и горододельцем полковником Александром Шелем. Это единственный дьяк, который был в Саратове. Не следует забывать, что и воевода в это время был не из простых стольников или московских дворян, а думным дворянином (первый и последний раз человек на такой высокой должности оказывался воеводой в Саратове). Так что о дворах дьяков в левобережном Саратове (во множественном числе) говорить не следует. А. А. Герасимов в своей книге сделал опечатку, когда писал, что по состоянию на 1630-е гг. к служилому населению и посадским жителям, отмеченным в Окладной росписи пятины 1634 г., «следует добавить воеводу, дьяков приказной избы, духовенство, прислугу воеводы и т.п.». Следовало бы в данной цитате указывать не дьяков, а подъячих приказной избы. Ссылаясь на А. А. Герасимова, современный исследователь А. С. Касович уже определенно пишет, что в левобережном Саратове находились на службе в воеводской канцелярии дьяки (во множественном числе) и подъячие¹⁰.

Что касается подъячих, то мы имеем любопытную информацию об их назначении в съезжую избу. Оказывается, местные жители писали

челобитную в Москву с просьбой назначить им в качестве подъячего того или иного человека взамен выбывшего. Причем такую челобитную писали люди низшего звена, простые стрельцы, пушкари. В частности, в 1655–1656 гг. была отправлена в Москву челобитная саратовских стрельцов и пушкарей, от имени которых выступали стрелец Дорофейка Яковлев и пушкарь Мартынка Корсаков. Они выступали также от имени «всех служилых, и посадских и всяких городских людей». По данной челобитной саратовских жителей воеводе В. В. Нелединскому в 1656 г. было отправлено указание – назначить подъячего Дмитрия Васильева в съезжую избу. Жалование этому подъячему велено учинить из выбылых окладов, т. е. из оклада прежнего подъячего. В грамоте не указано ни имя прежнего подъячего, ни что с ним стало, говорится только про «выбылое место». Мы также не знаем, где служил ранее этот подъячий Дмитрий Васильев¹¹.

В Саратове были и площадные подъячие, исполнявшие функции современных нотариусов. По-видимому, эти площадные подъячие были самой низкой ступенью подъячих. Они предпочитали быть на более высокой должности – подъячими в съезжей избе. Там и оклад был выше. По мнению А. А. Герасимова, площадные подъячие вообще не получали жалования (?), но подчинялись правительственному надзору¹².

Один из таких площадных подъячих Васья Степанов подал в 1669 г. челобитную с просьбой освободить его от этой должности и назначить в съезжую избу. В 1670 г. воеводе стольнику Ивану Васильевичу Самарину была отправлена грамота с указанием назначить этого Ваську Степанова в съезжую избу заведывать хлебным столом. Он сменил на этой должности прежнего подъячего хлебного стола Ивашку Кривоносова¹³. Возможно, что этот Ивашка Кривоносов был родственником (сыном?) посадского человека Оськи Кривоносова, который указан в Окладной росписи пятины 1634 г. как один из наиболее богатых людей Саратова. Этот Оська Кривоносов занимался рыбным промыслом, его капитал в 1634 г. оценивался в 25 рублей¹⁴.

Вскоре после этого назначения Васьки Степанова в Саратов прибыл новый воевода Кузьма Лутохин, погибший в том же году от разинцев. Что стало с подъячим хлебного стола Васькой Степановым – неизвестно, разделил ли он судьбу своего воеводы или остался жив и продолжал служить при разинских атаманах?

В съезжей избе (воеводской канцелярии) существовал также денежный стол, которым заведовал подъячий денежного стола. Пока имен таких подъячих в источниках не обнаружено, но, несомненно, они были.

В левобережном Саратове в середине XVII в. существовала таможня. Туда также назначались подъячие. Один из первых известных таможенных подъячих был Ивашка Семенов, который служил

здесь до 1658 г. Таможенными подъячими мечтали стать, прежде всего, площадные подъячие. На таможене всегда можно было пожить. Поэтому неудивительно, что площадной подъячий Куземка Кривоपालов написал челобитную с просьбой перевести его на таможеню. В итоге в 1658 г. стольнику и воеводе Н. И. Головину было разрешено назначить этого Куземку Кривоपालова в таможенные подъячие с сохранением ему прежнего оклада. В документе указано: «*Воеводе Головину; по челобитью площадного подъячаго Куземки Кривоपालова, велено ему быть на Саратове в таможене в подъячих на Ивашкино место Семенова в том же окладе*»¹⁵. Эту запись можно понимать двояко: либо Кривоपालову при новом назначении установили оклад прежнего подъячего Семенова, либо Кривоपालов, перейдя на новую должность, сохранил за собой свой прежний оклад площадного подъячего. Во втором случае получается, что площадной подъячий Куземка Кривоपालов ранее получал определенное денежное жалование. Это противоречит мнению Герасимовича о том, что площадные подъячие вообще не получали жалования.

Таким образом, нам известны имена пяти подъячих, которые находились в Саратове в течение около 20 лет в 1650–1670 гг. Это Дмитрий Васильев, Васька Степанов, Ивашка Кривонос, Ивашка Семенов и Куземка Кривоपालов. В «Смете военных сил Российского государства» по состоянию на 1651 г. указано наличие в Саратове одновременно четырех подъячих¹⁶.

Ранее был известен только целовальник Микита Терентьев, который в конце 1634 г. повез в Москву собранные в соответствии с окладной росписью пятины деньги. Весь этот управленческий аппарат Саратова насчитывал всего около десятка человек (но никак не несколько десятков, как считает А. С. Касович)¹⁷.

Основной источник для характеристики посадской общины левобережного Саратова в 1630-е гг. – это Окладная роспись пятины. В этом источнике приводятся 32 имени посадских людей, фактически – 32 двора, если предположить, что они жили семьями каждый в своем дворе, а не делили двор на двоих. Остальные 51 человек, соседи и подсоседники, не имели своих дворов. Имена всех этих 83 мужчин известны¹⁸. Это посадское и вообще неслужилое торгово-промышленное население города составляло не более 15%. Впервые о наличии «неслужилого элемента» (посадских людей) в Саратове в количестве всего 7 человек говорится в документе 1621 г. (дело о самовольных действиях воеводы кн. Е. Ф. Мышецкого в отношении бухарского купца)¹⁹.

К сожалению, от последующего времени существования левобережного Саратова пока не обнаружено ни одного документа, подобного окладной росписи 1634 г., по которому мы могли бы судить о численности и составе посадского населения города. К настоящему времени известны только отрывочные записи из книг Печатного

приказа, опубликованные А. А. Голомбиевским. Но и эти записи, несмотря на их отрывочность, позволяют утверждать, что посад в 1640–1660-е гг. продолжал развиваться, а также, что он получил с течением времени правильное устройство.

П. П. Смирнов приводит данные из росписи 1657–1658 гг., когда в Саратове собирались полонянничные деньги «*с патриарших и монастырских крестьян и с посадских и с вдов их со 86 дворов*». В Саратове в то время было 86 дворов, с которых собирались эти полонянничные деньги. Аналогичную цифру (86 посадских дворов) приводит в своем исследовании Я. Е. Водарский²⁰. Судя по количеству дворов по сравнению с 1634 г. посадское население за 25 лет выросло почти в три раза.

Посадская община Саратова в середине XVII в. начинает постепенно укрепляться, посадские люди выступают в защиту своих интересов против злоупотреблений голов и целовальников. В 1651 г. по челобитью посадских людей «*Ивашки Горбуна со товарищи, велено таможенным верным головам и целовальникам*» с промыслов посадских людей таможенные пошлины «имать по указу», и никаких других пошлин не брать²¹. По-видимому, таможенные головы и целовальники злоупотребляли своим служебным положением. Против таких злоупотреблений саратовская община выступила сообща и в итоге добилась положительного решения.

В 1656 г. при воеводе В. В. Нелединском посадская община вместе со служилыми людьми добилась высылки из Саратова в Астрахань саратовского сына боярского Микифора Протопопова и несколько семей стрельцов²². А. А. Герасимович отнес это событие к 1651 г., хотя, по нашему мнению, оно произошло только через пять лет. Можно сказать, что именно челобитная неслужилого посадского населения сыграла важную роль в принятии правительством такого неординарного решения о высылке неугодных жителям людей, да еще и с семьями. О причинах такого недовольства саратовцев этими ссылаемыми людьми можно только догадываться. Вспомним, что именно по ходатайству не только служилых, но и посадских людей подъячим в съезжую избу был назначен правительством Дмитрий Васильев в том же 1656 г. (у А. А. Герасимовича это событие отмечено под 1651 г.)²³.

О влиятельности саратовской посадской общины, к голосу которой прислушивалась администрация, свидетельствует тот факт, что именно заступничество саратовских посадских людей спасло от казни пленных казаков волжского атамана Микитки Соколова во главе со Стенькой Федоровым.

А. А. Герасимович в своей книге указывал, что в 1650 г. воевода В. Г. Феофилачев в ходе успешного похода за воровскими казаками поймал на Волге этого воровского атамана Соколова и часть его шайки. Атаман Соколов был казнен (повешен), а рядовых членов по просьбе саратовцев

воевода отпустил²⁴. Источник информации для А. А. Гераклитова – это документ Приказного стола, а не Печатного приказа, поэтому у А. А. Голумбиевского данный сюжет отсутствует, хотя он разбирал все челобитные саратовцев в Книгах Печатного приказа за 1650–1675 гг., в том числе и при воеводе В. Г. ФеофилаТЬеве и даже при его предшественнике – князе Федоре Борятинском. Заслуга в обнаружении этого источника принадлежит А. А. Гераклитову, однако исследователь, опубликовав данный документ, подробно не комментировал его, ограничившись одной фразой.

Разберем данный источник более подробно, тем более что это последний известный случай действий волжских воровских казаков. В дальнейшем все нападения на караваны на Волге будут совершать донские казаки, пробираясь перелозками у Царицына или Камышенки на Волгу.

В 1654/1655 г., через несколько лет после этих событий, В. Г. ФеофилаТЬев писал: *«Во 158-м году посылал я холоп твой с Саратова твоих государевых служилых людей для поиска волских воровских казаков. И в те, государь, поры взяты на Волге воровские казаки – атаманы Микитка Соколов с товарищи. И по твоему государеву указу и по грамоте тех волских казаков велено повесить, и я холоп твой велел того атамана Митку Соколова повесить»*²⁵.

Однако за остальных рядовых членов шайки Соколова вступились жители Саратова, в том числе за некоего Стеньку Федорова. Посадские люди обратились с челобитной в Москву с просьбой, чтобы государь их пожаловал, *«велел тем волским казаком вину отдал и повесит их не дал»*. Воевода В. Г. ФеофилаТЬев не посмел пойти против общего решения и до указа из Москвы посадил всех разбойников в тюрьму. А. А. Гераклитов писал, что ему непонятно такое горячее и совсем необычное заступничество саратовских жителей за вора и разбойника Стеньку Федорова, который в дальнейшем, находясь в Валуйках, часто пьянствовал и буйствовал²⁶. Можно предположить, что этот Стенька Федоров обещал посадским людям указать клад, где зарыты награбленные сокровища, поэтому посадские Саратова спасли его от казни.

Эта история имеет свое продолжение. В 1654 г. В. Г. ФеофилаТЬев был воеводой на Валуйках, и тогда же, в 1654/1655 г., этот Стенька Федоров Самаренин пришел на Валуйки. На допросе он сказал, что весной 1654 г. (после Святой недели) его выпустил из тюрьмы саратовский воевода А. П. Чириков, и после этого он был в Царицыне, Астрахани, на Дону, откуда пришел на Валуйки. В. Г. ФеофилаТЬев посадил Стеньку Федорова в тюрьму на Валуйках до государева указа. Дальнейшая его судьба неизвестна. Мы видим, что в тюрьме в Саратове воровские казаки находились долго, свыше трех лет. В 1652 г. воеводу В. Г. ФеофилаТЬева сменил А. П. Чириков, который принял от прежнего воеводы тюремных сидельцев во главе со Стенькой Федоровым, а

также росписной список этих заключенных. Весной 1654 г. этот воевода А. П. Чириков все еще находился в Саратове. Судя по данному сюжету, воевода В. Г. ФеофилаТЬев имел право казнить разбойников, однако в данном случае он не посмел пойти против мнения посадской общины²⁷.

В состав посадского населения входили не все категории неслужилого населения. Гулящие люди (сходцы) из других мест, прибывшие в Саратов на заработки, в основном не были в состоянии нести посадское тягло. Они платили обычно половину, поэтому лишались тех прав, которые имели посадские люди²⁸.

Трудно сказать, когда именно на правом берегу Волги напротив Саратова возникло еще одно постоянное поселение. Речь идет о дворцовом рыбном городке. Дворцовый рыбный промысел существовал в левобережном Саратове уже к середине XVII в. Он был заведен «на широкую ногу», как отмечал А. А. Гераклитов, и находился под надзором особых промышленников. По-видимому, в 1660-х гг. возникла необходимость построить на правом берегу постоянное поселение для складирования дворцовых рыбных и соляных запасов. Для защиты этих запасов был построен целый укрепленный городок *«в районе нынешней старособорной площади»*, – так определил его место А. А. Гераклитов²⁹. Этот дворцовый рыбный городок уже существовал во время восстания Степана Разина к 1670 г. Для охраны такого городка назначались дворцовым ведомством специальные люди. В источниках они упоминаются как «рыбного промыслу солдаты». Здесь не стоит приводить состояние вооружения данного городка уже после переноса Саратова на правый берег, так как это другой хронологический период.

Точно установлено, что к моменту восстания Разина, к 1670 г., такой гарнизон существовал, известны даже имена некоторых солдат этого рыбного городка, которые поддержали Разина, участвовали в его походе. В ходе следствия по делу восставших ссылке подверглись не только саратовские стрельцы, посадские люди, но и 6 солдат рыбного промысла, пятеро из которых были женаты, имели детей, а один холост, но на его попечении находилась мать. Перечислим их имена: *«Трошка Комарев, жена у него Домка сын Ивашко; Лукашка Алексеев, жена у него Улька да дочь девка; Ивашко Борисов, у него мать; Данилко Горбунов, жена у него Матренка, дочь Палашка; Мишка Пушкарь, жена у него Федоска, дочери Федоска, Дунька Офимка»*. Эти пять солдат рыбного промысла были отправлены в Холмогоры, как и 15 саратовских стрельцов³⁰.

Еще один солдат рыбного промысла с семьей был отправлен в ссылку в Великий Устюг. Это *«Ивашко Баннов, жена у него Палашка, дети Гришка, Пронька малы да дочь Марфутка»*. Также в Великий Устюг в ссылку были отправлены четверо саратовских посадских людей – двое Ба-

рышей и двое Ощиных (трое из них были женаты и один холостой). Это «Посацкой человек Ивашко Барыш, жена у него Окулька; Ивашко Иванов Барыш, холост; Посацкой человек Васька Оцин, жена у него Федорка, 2 дочери, Оленка, Орина; Ивашко Оцин, жена у него Манька, сын Гараська, дочь Наташка». Кроме того, в Великий Устюг отправлялись 8 саратовских стрельцов³¹.

Рыбные богатства и возникшие возле них промыслы привлекали сюда «прохожих всяких людей», которые селились возле этого рыбного городка. Уже после подавления восстания Степана Разина, а именно в 1675 г., когда был построен правобережный Саратов, местному воеводе стольнику Михаилу Ивановичу Глебову поступил указ из Москвы, чтобы всех этих людей созвать в съезжую избу и допросить, «кто откуда и сколь давно на Саратов жить пришли и дворами поселились и с саратовских городов и сел, и которых по сказкам объявятся Ломовского и Темниковского уездов наших дворцовых сел крестьяне, и тем велено жить около нашего дворцового рыбного городка, и ведать им того промысла промышленникам, и быть им в том городке для береженья неприятельских людей вместо наших дворцовых солдат, которые прежде посылаемы из Москвы, а саратовским воеводам тех людей опричь татинных и разбойных и убойственных дел ни в чем ведать не велено». По результатам опроса выяснилось, что таких выходцев из Ломовского и Темниковского уездов оказалось 42 семьи. Эти люди (главы семей и взрослые мужчины) были поверстаны на государеву службу. Возможно, что таких выходцев было больше, но приказ касался только дворцовых людей из Ломовского и Темниковского уездов. Так что, судя только по этим цифрам, население рыбного городка было довольно многочисленным. Этот пришлый бродячий элемент до 70-х гг. еще не получил правильной организации³².

На жизнь города и на численность его жителей влияла постоянная опасность со стороны разбойных нагайцев и крымцев, воровских казаков, а позднее ещё и калмыков. Часто, вместо охраны Волжского пути, жителям Саратова приходилось бороться за свое существование, полагаясь только на собственные силы. На помощь из ближайших соседних городов, Самары и Царицына, из-за их удаленности надеяться не приходилось. Поэтому численность посадского населения оставалась почти неизменной, мирное посадское население до конца XVII в., пока существовала угроза набегов, росло очень медленно.

Только после переноса Саратова на правый берег начинается постоянный рост города и его значения. Постепенно из пограничного укрепления Саратов превращается в промышленный и торговый центр. В последней четверти XVII в. Саратов растет и развивается, в конце века в городе кроме двух монастырей мы видим уже 4 церкви, ставится вопрос об утверждении епископской кафедры. Одновременно с развитием города растет и

развивается экономическое значение Саратовского Поволжья. Теперь уже ценность представляет не только сама Волга и ее воды, но и берега. После строительства Пензенско-Сызранской сторожевой черты богатые московские монастыри вместо временных рыбацких станков на островах основывают на правом берегу Волги постоянные села и деревни между Сызранью и Саратовом. Это Архангельское (Сосновый остров, сейчас Хвалынский), Терса, Малыковка (Вольск), Воскресенское и Березняки (напротив современного Маркса). Добавим сюда еще Петровск в 100 км северо-западнее Саратова по дороге на Пензу, а также первые села и слободы южнее Петровска в районе Медведицы. Но это уже относится к правобережному Саратову, времени царствования Федора Алексеевича, царевны Софьи и молодого Петра I. История левобережного Саратова к тому времени уже завершилась.

Примечания

- 1 Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892 (также – ЧОИДР). 26 с. (далее – Голомбиевский А. А. Материалы...). (№ 84. С. 19).
- 2 Там же.
- 3 Голомбиевский А. А. Материалы... № 69. С. 16. См. также: Гоздаво-Голомбиевский А. А. История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). С. 214 (далее – Голомбиевский А. А. История...).
- 4 Голомбиевский А. А. Материалы... № 69. С. 16; № 70. С. 17; Голомбиевский А. А. История... С. 214.
- 5 Голомбиевский А. А. Материалы... № 88. С. 20.
- 6 Там же. № 95. С. 22.
- 7 Там же. № 96. С. 22.
- 8 Там же. № 28. С. 12.
- 9 Там же. № 44. С. 13.
- 10 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Изд-во «Друкарь», 1923. С. 228; Касович А. С. Саратов левобережный // Четыре века : сб. ст., посвящ. 400-летию Саратова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 28.
- 11 Голомбиевский А. А. Материалы... № 19. С. 11.
- 12 Гераклитов А. А. История Саратовского края... С. 232.
- 13 Голомбиевский А. А. Материалы... № 59. С. 15.
- 14 Смирнов П. П. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. XVI.
- 15 Голомбиевский А. А. Материалы... № 26. С. 12.
- 16 Водарский Я. Е. «Сметный список» военных сил России и его крепостные крестьяне // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII веков. М. : Институт истории АН СССР, 1989. С. 24–25.
- 17 Касович А. С. Указ. соч. С. 28.

- ¹⁸ См.: *Смирнов П. П.* Окладная роспись пятины... С. I–XXI ; *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2014. С. 180–186.
- ¹⁹ *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 223, 228.
- ²⁰ См.: *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба в середине XVII в. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1948. Т. 2. С. 716 ; *Водарский Я. Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // *Города феодальной России* : сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М. : Наука, 1966. С. 289.
- ²¹ *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 3. С. 9.
- ²² Там же. № 17. С. 11.
- ²³ Там же. № 19. С. 11 ; *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 228.
- ²⁴ *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 228–229.
- ²⁵ *Герасимов А. А.* Материалы для истории Саратовского Поволжья; столбцы Московского архива Министерства Юстиции // *Труды СУАК.* 1912. Вып. 29, № 10. С. 70–71.
- ²⁶ *Герасимов А. А.* Материалы для истории Саратовского Поволжья... С. 71.
- ²⁷ Там же. С. 70–71.
- ²⁸ *Акимов Т. М.* *Ардабацкая А. М.* Очерки истории Саратова (XVII и XVIII века). Саратов : Саратовское обл. гос. изд-во, 1940. С. 24.
- ²⁹ *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 230.
- ³⁰ Грамота из Новгородского приказа двинскому воеводе Ф. П. Нарышкину с сообщением о ссылке в Холмогоры царицынцев, самарцев и саратовцев; роспись ссыльных. 1674, декабря 4 // *Крестьянская война под предводительством С. Разина* : сб. документов : в 4 т. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3, № 276. С. 342.
- ³¹ Память из Стрелецкого приказа в приказ Устюжской четверти с распоряжением о ссылке участников восстания в Устюг и роспись ссыльных. 1674, декабря 3 // *Крестьянская война...* Т. 3, № 275. С. 340–341.
- ³² *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 230.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Экономическая жизнь в левобережном Саратове в третьей четверти XVII в.: хозяйственная деятельность, местное гражданское население // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2019. Т. 19, вып. 1. С. 97–103. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-97-103>

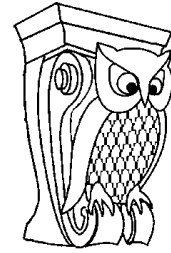
Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Economic Situation in Left-Bank Saratov in the third Quarter of the 17th Century: Agricultural Activity, Local Civilian Population. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 97–103 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-97-103>

УДК [94+277.4+279.13](470.44)18/19]

Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии)

С. М. Руфин

Руфин Сергей Михайлович, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Поволжский кооперативный институт, Энгельс, Саратовская область, vmf-86@mail.ru

В статье рассматривается проблема свободы вероисповедания последователей религиозных сект баптистов, штундистов и адвентистов. Акцентируется внимание на анализе правового положения данных религиозных течений по законодательству Российской империи кон. XIX – нач. XX в. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на легализацию религиозных организаций протестантского направления, последователи этих сект продолжали ограничиваться в правах. Особенно сильно они притеснялись представителями властей в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: свобода вероисповедания, законодательство, сектантство, баптизм, адвентизм, штундисты.

The Question of the Legal Status of Religious Sects of Baptists and Adventists in of the Russian Empire at the End of the 19th Century – the Beginning of the 20th Century (Based on Saratov's Province Sources)

S. M. Rufin

Sergey M. Rufin, <https://orcid.org/0000-0002-9508-3923>, Volga Co-operative Institute, 24 Krasnoarmeyskaya Str., Engels, Saratov Region 410012, Russia, vmf-86@mail.ru

The article discusses the problem of religious freedom, followers of religious sects of Baptists, and Adventists Stundists in the legislation of the Russian Empire at the end of the 19th century - the early 20th century. The article focuses on the analysis of the legal provisions of these religious movements. The author comes to the conclusion that despite the legalization of religious organizations of Protestant direction, the followers of these sects continued to limit rights. They were extremely oppressed by the government during the World War I.

Keywords: freedom of religion, legislation, baptism, Adventism, Stundists (Stundists).

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-104-108>

Баптизм представлял собой религиозное течение протестантского христианства и был одним из многочисленных религиозных направлений, существовавших в Российской империи. 27 марта 1879 г. Государственный совет утвердил Временные правила, в соответствии с которыми должны были вестись метрические записи баптистов. Этот законодательный акт можно считать документом признания баптизма в Российской империи, который основательно облегчил деятельность баптистских общин, так как они получили официальный статус. С этого момента баптисты имели право собираться на богослужения в специально отведенных для этого

домах, если это было согласовано с губернатором. Они могли без ограничений свидетельствовать о своей вере, выполнять ритуальные действия по своим традициям, выбирать своих духовных представителей и вести метрические записи¹.

В соответствии с правилами, изданными 15 августа 1879 г. министром внутренних дел Л. С. Маковым, метрические книги баптистов должны были вестись для губернских городов и уездов – губернскими правлениями, для Санкт-Петербургского и других градоначальств – управлениями градоначальников и для Москвы – управлением обер-полицмейстера. 18 ноября того же года правила эти были утверждены указом Правительствующего Сената. По мнению И. В. Амбарцумова, такое установление объяснялось тем, что баптизм рассматривался правительством не как полноправное исповедание, а скорее как секта. Однако поскольку он был сектой, выделившейся не из православия, а из протестантизма, то считался менее опасным, чем русские сектантские течения. Давая баптистам свободу веры, российские власти не желали узаконивать их обряды наравне с обрядами прочих христианских исповеданий.

В 1882 г. вышло разъяснение Министерства внутренних дел, гласившее, что «закон 1879 года относится 1) к баптистам иностранно-подданным, проживающим в России, 2) к тем, которые перешли в русское подданство, будучи баптистами, и 3) к русско-подданным баптистам, обратившимся в эту секту из неправославного исповедания; но на русских сектантов-баптистов не распространяется»².

4 июля 1894 г. был издан закон, относивший последователей штундизма, который был разновидностью баптизма, к более вредной секте и воспрещал молитвенные собрания. «Дети штундистов должны быть отчуждаемы от родителей и отданы на попечение родственников, принадлежащих православной церкви; а если это невозможно, то они должны быть переданы на попечение местного духовенства»³.

С этого времени штундистам запрещалось проводить службы и открывать школы. Паспорта и удостоверения личности штундистов должны были иметь отметку об их принадлежности к этой секте. Любой работодатель, принявший на работу штундиста, подвергался штрафу. Имена членов этой секты должны были быть переданы министру путей сообщения, который вывешивал списки в железнодорожных конторах для того, чтобы они не могли устроиться там на работу.

Наряду с этим штундистам запрещалось нанимать на работу православных. Подобное нарушение наказывалось ссылкой на Кавказ на срок до пяти лет. Штундистам запрещалось покупать или брать в аренду землю. Любой штундист, уличенный в чтении Библии или в молитве вместе с другими, должен быть арестован и немедленно выслан в Сибирь в административном порядке, т.е. без суда, а все проповедники должны быть приговорены к исправительным работам на рудниках в Сибири. Проповедники и авторы религиозных работ приговаривались к 8–16-месячному заключению, а за повторное нарушение предусматривалось наказание в виде заключения в крепости на срок от 32 до 48 месяцев, а за третье нарушение они подлежали ссылке.

В разъяснении также уточнялось, что штундистов следует хоронить в стороне от освященной земли, для них запрещалось проводить заупокойную службу. Всем сектантам запрещалось покидать места постоянного жительства. Кроме того, они признавались юридически недееспособными в ведении финансовых и торговых дел.

Правда, на практике правоохранительным органам не всегда удавалось отличить последователей секты штунда. Известны примеры, когда штундисты называли себя баптистами и пользовались льготами, установленными законом 1879 г. Так, в сообщении МВД саратовскому губернатору от 17 мая 1900 г. было отмечено, что законом от 27 марта 1879 г. секта баптистов была легализована, им разрешали свободно отправлять свои требы и иметь пресвитеров. По точному смыслу закона имелись в виду немецкие баптисты, и согласно ст. 82 Устава предупреждения преступлений под его действие подпадали лица, на законном основании принадлежавшие к данной секте.

В министерстве внутренних дел имелись сведения о том, что последователи русской секты штунды с целью воспользоваться льготами, установленными в данном законе, стали называть себя баптистами. В особенности данное стремление проявилось после издания в 1894 г. закона о признании секты штунды более вредной. Были зафиксированы случаи, когда штундисты при привлечении их к уголовной ответственности за устройство запрещенных собраний отрицали свою принадлежность к секте штундистов, именуя себя баптистами. В качестве доказательств они предоставляли выданные из местных управ, волостных правлений и полицейских управлений документы, в которых в графе «вероисповедание» произвольно обозначалось «баптист».

Подобными документами штундисты нередко вводили в заблуждение суды и избегали юридической ответственности. Принимая во внимание, что баптизм как особое вероучение был признан законом от 27 марта 1879 г. сектой евангелическо-лютеранской церкви и русских баптистов не может быть с точки зрения закона, МВД просило губернатора сделать распоряжение, чтобы указанные учреждения при выдаче документов лицам русского про-

исхождения, если они называли себя баптистами, не ограничиваться голословными утверждениями, а требовать согласно ст. 6 Положения о видах на жительство 1895 г. предъявления надлежащих доказательств принадлежности к баптизму⁴.

17 октября 1906 г. вышел Именной Высочайший указ, который устанавливал порядок образования общин «раскольников и сектантов» и определял их права и обязанности. Согласно данному закону баптисты могли свободно исповедовать свою веру и выполнять свои обряды. Для сооружения молитвенных домов им нужно было получить разрешение губернатора или градоначальника. Для того чтобы основать общину, баптистам нужно было подать заявление в губернское управление с подписями не менее 50 основателей старше 25 лет. Эти заявления должны были рассматриваться в течение месяца. Деятельность общин могла распространяться на несколько губерний: такое разрешение должно было предоставляться губернаторами данных территорий. Зарегистрированным общинам предоставлялось право выбирать наставников, открывать свои учебные заведения и заниматься благотворительностью, издавать богослужебную литературу и приобретать имущество в собственность. Кроме того, общинам предоставлялось право ведения метрических записей.

Еще одним важным последствием новых законов о веротерпимости, а особенно Высочайшего указа от 17 апреля 1905 г., стало разрешение свободного перехода из одного христианского исповедания в другое. Помимо указа были изданы циркуляр Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД от 18 августа 1905 г. за № 4628 и отзыв этого ведомства от 24 мая 1906 г. за № 2817, в которых был подробно расписан порядок перехода в другое исповедание⁵. Согласно новым правилам местная власть не имела права разрешать или запрещать переход в другое вероисповедание, а только регистрировать переход. Причем, по мнению Г. Павлюка, «действовала примерно следующая процедура:

- 1) желающий подавал заявление местному губернатору (непосредственно или через уездную власть);
- 2) губернатор уведомлял православное епархиальное начальство в течение месячного срока;
- 3) инославное духовное начальство извещало губернатора о совершившемся присоединении⁶.

Однако данный закон не удовлетворял все требования баптистов. По мнению представителя баптистов В. Павлова, недостатки закона «О старообрядческих и сектантских общинах» заключались в том, что он давал «слишком много власти усмотрению администрации». В ходе съезда баптистов, который проходил в январе – феврале 1907 г. в Петербурге, были внесены предложения изменить следующие пункты закона:

- «1) Желательно, чтобы метрические книги велись не наставниками, а особо избранными для этого старостами;

2) Чтобы община могла приобретать недвижимое имущество на неограниченную сумму, не испрашивая на то Высочайшее соизволение;

3) Чтобы для образования общины не требовалось подписи для заявления не менее 50 лиц, а лишь не менее 25 лиц обоего пола;

4) Чтобы в случае приостановления действий общины губернатором, постановление его можно было обжаловать окружному суду;

5) Чтобы наставники не утверждались губернатором, а лишь доводилось до его сведения и их избрании;

6) Чтобы нравственная оценка качеств, требуемых к занятию должностей наставника, была представлена самой общине»⁷.

Когда в соответствии с законами 1905–1906 гг. православные получили возможность легально переходить в другие христианские вероисповедания и секты, возникла проблема: следует ли применять к новообразованным общинам баптистов, составленным преимущественно из бывших православных, закон 27 марта 1879 г. или относительно них должны вступить в силу нормы указа 17 октября 1906 г. Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, разрешая данную ситуацию, разъяснил, что «вопрос о порядке ведения метрических книг баптистов находится в зависимости от того, образовалось ли данное общество баптистов на почве православия или протестантизма. Для сектантов, и в том числе для баптистов, отделившихся от православия, порядок ведения метрических книг подчиняется действию Высочайшего указа 17 октября 1906 г., на основании коего ведение означенных книг для сектантов, объединенных в общины и имеющих наставников, законным порядком утвержденных, возлагается на последних. Под именем же баптистов, упоминаемых в статьях 1106–1108 Уставов Иностранных Исповеданий следует понимать сектантов, отделившихся от инославных исповеданий, которым хотя и предоставлена свобода вероучения, но указаний в законе о разрешении им образовывать религиозные общины не имеется, метрические книги этой категории баптистов должны вестись местными гражданскими властями»⁸.

В начале XX в. правительством было признано и другое протестантское течение – адвентизм. В циркуляре от 14 марта 1906 г. разъяснялось, что адвентистам разрешается беспрепятственно исповедовать свое вероучение, совершать обряды, но перед публичными служениями каждый раз уведомлять губернатора. Губернатор должен был утверждать кандидатуры «наставников и проповедников». «В этом документе, подписанном П. А. Столыпиным, – отмечает В.А. Русанов, – положение адвентистов приравнивалось к баптистам, и им разрешались все виды деятельности последних. Данный документ стал первым официальным актом, легализующим деятельность адвентистов в России»⁹.

Известны случаи, когда права сектантов нарушались местными органами полиции в силу

неправильного применения соответствующих законодательных актов. Это видно на следующем примере. 14 декабря 1910 г. балашовскому уездному исправнику поступило сообщение из губернского правления о жалобе баптистов г. Балашова на закрытие полицией молитвенных собраний в селении Малиновке и в селах Котоврасе и Выселки и требующих регистрации. Балашовский исправник донес, что согласно правилам, приложенным к Циркуляру министра внутренних дел от 4 октября 1910 г., им было сделано распоряжение приставам, чтобы они потребовали от сектантских общин заявлений. При этом, чтобы они не делали препятствий молитвенным и богослужебным собраниям и тем общинам, в которых эти собрания уже проходили. Из донесения пристава 5-го стана видно, что урядник 38-го участка Щербинин неправильно истолковал распоряжение пристава, обязав сектантов подписками, чтобы они не проводили собраний без особого разрешения¹⁰.

Несмотря на легализацию данного религиозного течения, баптисты нередко ограничивались в своих правах, что было вызвано опасением со стороны властей усиления влияния идей баптизма на православное население. Так, несмотря на разрешение открывать свои учебные заведения, установленное в законе 1906 г., известны ситуации, когда административные органы запрещали их образовательную деятельность. Так, например, 6 декабря 1911 г. саратовскому губернатору поступило сообщение о том, что балашовская община евангельских христиан баптистов подала ходатайство в МВД о разрешении устройства воскресных детских собраний, согласно утвержденным министерством правилам для воскресных детских собраний при Санкт-Петербургской общине евангельских христиан¹¹.

По данному вопросу губернатору поступило сообщение Департамента духовных дел МВД о том, что, по мнению большинства губернаторов, данные организации представляют собой большую опасность для православной церкви как «рассадники» идей сектантства среди православных детей школьного возраста, привлекаемых на данные собрания. Принимая во внимание невозможность установления наблюдения, губернаторы посчитали их недопустимыми¹².

По мнению саратовского губернатора, легализованные детские собрания баптистов формально не нарушали соответствующих правил. Однако косвенные наблюдения местных приходских священников давали основание предполагать, что сектанты, пользуясь невозможностью организации надзора за деятельностью данных собраний, допускают на них и детей православных. Общая формулировка правил для собраний ставила их в привилегированное положение. Особенно это проявлялось в том, что детские собрания хотя и назывались молитвенными, но по существу являлись школами, формировавшими воззрения детей. Правила об организации детских собраний определяли, что «цель детских собра-

ний – религиозное воспитание детей в духе учения евангельских христиан баптистов»¹³.

По мнению саратовского духовенства, «государственная школа не пользуется свободой преподавания истины веры. Священник ведет занятия по строго определенной программе, баптисты могут свободно внушать детям даже то, что не соответствует целям правительственной власти. Представитель полиции, присутствующий на собрании, не может знать в лицо всех детей-баптистов, часто трудно установить их в ходе расспросов, так как на собрание допускаются дети от пяти до шестнадцати лет, и часто ребенок пяти-восьми лет не понимает разницы между словами «баптист» и «православный»»¹⁴.

Отношение духовенства к данным религиозным организациям продолжало оставаться отрицательным и после их легализации. Так, 31 марта 1911 г. директор Департамента духовных дел в письме сообщал саратовскому губернатору, что «быстрое развитие русского сектантства побудило Департамент Духовных дел приступить к всестороннему обследованию сектантских движений, в целях принятия соответствующих мер к охране законных прав и интересов Православной церкви»¹⁵. Ознакомление с русским сектантством вызывало интерес у представителей местной гражданской власти, в особенности в тех местностях, в которых существовало и развивалось сектантское движение.

К данному письму Департамента была приложена записка о состоянии русского баптизма. «Баптистское движение, перенесенное с запада, принесло с собой и такие приемы и формы для выражения своей жизнедеятельности, которые выросли на почве рационализма и в условиях западноевропейской свободы совести, имеют в виду не столько удовлетворение молитвенно-религиозных потребностей членов баптистской секты, сколько евангелизацию русского православного населения в баптистском духе. Все проявления баптизма нередко не считаются с господствующим положением Православия и в целях своевременного введения сектантских жизнепроявлений в рамки закономерной деятельности»¹⁶.

По мнению директора Департамента духовных дел, общие баптистские организации (союз русских баптистов, правление этого союза, миссионерское общество баптистов, всероссийский союз кружков баптистской молодежи) не признаются российским законодательством в качестве публично-правовых союзов, так как по действующему закону все сектантские общины считаются «простым агрегатом общин, необъединенных каким-либо административным центральным органом»¹⁷. Однако это обстоятельство не освобождало местные власти от надзора за деятельностью данных организаций и принятия мер по пресечению их незаконных действий. Деятельность разъездных проповедников баптизма, членов юношеских кружков, учителей воскресных школ должна быть предметом надзора со стороны местной гражданской власти, и в случае соращения

православных виновные должны быть привлечены к ответственности по ст. 90 Уголовного Уложения»¹⁸.

Властями поднимался также вопрос о смешанных браках православных с баптистами. Многие представители этой секты нарушали нормы семейного законодательства, по которому такие браки признавались законными только в случае, если они были совершены по обрядам Православной церкви. В случае совершения таких браков баптистскими наставниками они признавались недействительными. Закон воспрещал баптистским наставникам венчать лиц православного вероисповедания, не достигших возраста, установленного для перехода в сектантство. В качестве выхода из такого положения пресвитер Астраханской общины Таврической губернии Балахин предлагал такие браки записывать в особые частные тетради и впоследствии «по достижению данными лицами соответствующего возраста вписывать их браки в метрические книги, что незаконно, и эти браки должны считаться недействительными, а метрические записи, составленные впоследствии, а не в момент совершения брака, считались подложными»¹⁹.

В письме от 28 октября 1909 г. губернатору Саратовский епископ Гермоген так охарактеризовал учение адвентистов: «Учение адвентистов болезненно-мистическое, крайне вредное в общественном отношении и опасное для православного населения. В их учении есть космополитический характер. Так, Отечества для адвентистов нет, есть только братья, живущие в Западной Европе, в Америке, в Африке и в Австралии. Они утверждали, что национальность не должна иметь никакого начала. Адвентизм, как и баптизм, имеет зачатки анархизма, т.к. они считали, что власть – это необходимое зло и перестанет существовать, когда люди проникнутся духом учения Христова. В общественном отношении адвентизм должен быть признан нездоровым явлением. Главный пункт их учения – скорое пришествие Иисуса Христа. Последствия такого учения особенно ярко выразились в тех местностях Южной России, где адвентизм получил некоторое распространение, крестьяне-адвентисты отказывались от общественных должностей и не хотели заниматься собственным хозяйством»²⁰.

По мнению православного пастыря, в экономически-бытовом отношении адвентисты также представляют «явление крайне безотрадное в среде простого народа, вносящее в народную жизнь некоторое разочарование, апатию, ослабление жизненной энергии и пренебрежение крестьянским трудом. В своем вероучении адвентизм делает открыто кощунственные выступления против православного вероучения. Так, критическое отношение к учению Православной церкви о бессмертии души приводило к нравственному развращению народа»²¹. Таким образом, с точки зрения Саратовского епископа Гермогена, адвентизм должен быть признан особенно вредной сектой с точки зрения политических, экономико-бытовых и религиозно-нравственных отношений.

Отношение власти к баптизму резко ухудшилось накануне и в годы Первой мировой войны. Нарастание напряженности между Германией и Россией положило начало процессам массовых арестов членов позднепротестантских общин по обвинению их в прогерманской пропаганде. Уже в 1910 г. Министерством внутренних дел были изданы новые правила по проведению баптистами (в документе – сектантами) богослужений, которые значительно ограничивали деятельность последних. По новому закону, например, требовалось от пасторов каждый раз заявлять о проведении своих собраний в местные органы полиции.

Начавшаяся Первая мировая война еще более осложнила положение религиозных организаций, относимых властями к сектантам. После объявления войны с Германией МВД стало трактовать общины баптистов, евангельских христиан и адвентистов седьмого дня как организации, руководимые из Германии и проникнутые настроениями антимилитаризма и германофильства. Поводом послужил тот факт, что среди представителей вышеназванных объединений встречались лица, отказывавшиеся от военной службы по религиозным мотивам, и некоторые из проповедников получили богословскую подготовку в Германии. В связи с подобными фактами деятельность многих общин была приостановлена. В июле 1916 г. МВД возбудило вопрос о привлечении к уголовной ответственности всех лиц, входящих в состав правления Российского Униона адвентистов седьмого дня; учредителей Всероссийского Союза евангельских христиан и Всероссийского Союза русских баптистов²².

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в конце XIX в. баптизм как религиозное течение был легализован, так как сформировался на основе протестантизма и представлял меньшую угрозу для Православной церкви, чем другие религиозные секты. Данные льготы распространялись только на последователей баптизма иностранного происхождения. В начале XX в. было узаконено существование адвентизма. В то же время, несмотря на официальное признание данных религиозных направлений протестантского характера, их права нередко нарушались и ограничивались, особенно в сфере образовательной деятельности. Отношение российского правительства к данным течениям ухудшилось накануне и в годы Первой мировой войны по причине обвинения баптистов в антироссийской

пропаганде и шпионаже в пользу Германии, что привело к еще большему ограничению прав последователей данных организаций.

Примечания

- 1 См.: Анте К. Влияние губернских властей и евангелическо-лютеранского духовенства Курляндской губернии на формирование законодательства по отношению к баптистам Российской империи (вторая половина XIX века) // 105 лет легализации русского баптизма : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 5–7 апреля 2011 г.). М., 2011. С. 123.
- 2 Амбарцумов И. В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 6.
- 3 Амбарцумов И. В. Русский штундизм, общество и власть в XIX – начале XX в. // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II : История Русской Православной Церкви. 2011. № 5(42). С. 32
- 4 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 2. Оп 1. № 8022. Л. 1.
- 5 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 812. Л. 47.
- 6 Павлюк Г. Влияние губернской власти и православного духовенства Волынской губернии на формирование законодательства по отношению к баптистам Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) // 105 лет легализации русского баптизма : материалы междунар. науч.-практ. конф. С. 85.
- 7 Баптист. 1907. № 2. С. 14.
- 8 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 812. Л. 47.
- 9 Русанов В. А. Адвентизм в мире, в России, в Саратовской губернии. Саратов, 2011. С. 40.
- 10 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. № 10270. Л. 8.
- 11 Там же. № 10454. Л. 29.
- 12 Там же. Л. 30.
- 13 Там же. Л. 31.
- 14 Там же. Л. 32.
- 15 Там же. № 8968. Л. 134.
- 16 Там же. Л. 135.
- 17 Там же. Л. 136.
- 18 Там же. Л. 138.
- 19 Там же. Л. 137.
- 20 Там же. Л. 54.
- 21 Там же.
- 22 ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1410. Л. 48.

Образец для цитирования:

Руфин С. М. Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 104–108. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-104-108>

Cite this article as:

Rufin S. M. The Question of the Legal Status of Religious Sects of Baptists and Adventists in of the Russian Empire at the End of the 19th Century – the Beginning of the 20th Century (Based on Saratov's Province Sources). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 104–108 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-104-108>

УДК 9(410.III)«13/15»

Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы)

В. Г. Корнелюк

Корнелюк Виталий Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, zrumljowa@mail.ru

Саратовская губерния была одной из более чем трёх десятков губерний России, в которой на протяжении 1915 – начала 1916 г. оказались и находились до 1923 г. тысячи беженцев-белорусов. Материалы Государственного архива Саратовской области позволили составить целостное представление о масштабах, характере и условиях оказания помощи беженцам. Обращено внимание на взаимоотношение местного населения и вынужденных мигрантов. Автор делает вывод о том, что как для самих вынужденных мигрантов, так и для местного населения, в том числе местных властей, эта страница мировой войны стала тяжелейшим, драматическим испытанием.

Ключевые слова: беженство, вынужденная миграция населения, Беларусь, Первая мировая война, Саратовская губерния.

Migration State Policy and the Refugees of the First World War from Belarus in the Saratov Province (1915–1918)

V. G. Korneluk

Vitaliy G. Korneliuk, <https://orcid.org/0000-0002-4062-7428>, Yanka Kupala Grodno State University, 22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus, zrumljowa@mail.ru

Saratov province was one of more than 30 provinces in Russia, where since 1915 – early 1916 till 1923 there have been thousands of refugees from Belarus. Materials of the state archives of Saratov region helped to get a clear understanding about the scope, peculiarities and terms of assistance to refugees. Special attention is drawn to relationships between the local population and forced migrants. The author comes to the conclusion that this chapter of global war has become the hardest and the most tragic challenge for forced migrants, the local population and the authorities as well.

Keywords: refugees, forced population migration, Belarus, World War I, Saratov province.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-109-115>

Первая мировая война была не только на полях сражений. Война была в судьбах сотен тысяч вынужденных мигрантов – эвакуированных и беженцев, сорванных в 1915 г. со своих родных мест и отправленных в десятки губерний империи. Саратовская губерния оказалась среди тех регионов России, куда попали беженцы из белорусских земель. В основном они были из Виленской и Гродненской губерний. По данным на 1 апреля 1917 г., в Саратовской губернии общее число беженцев составляло 135 604 человека. В это число мигрантов

входили, в частности, 93046 «русских» беженцев, 21851 поляк и 7472 еврея¹. Соотнесём эти цифры с показателями общего количества населения в Саратовской губернии на 1 января 1917 г., которое, по данным Статистического ежегодника 1916 г., с прибавлением годового прироста и с учётом беженского населения составляло 3 389 123 человека. Беженцы в этом количестве – это более 4% населения губернии². Этот показатель выше, чем в целом по европейской части России, где беженцы составили 2,05% к местному населению³. Уже этот демографический показатель даёт основание для целенаправленного анализа истории беженства в границах Саратовской губернии.

Такому исследованию способствует содержательный архивный материал Государственного архива Саратовской области: Саратовского губернского совещания по устройству беженцев при Саратовском губернаторе, Главноуполномоченного Министерства внутренних дел по устройству беженцев в Саратовской и Астраханской губерниях, комитетов Всероссийского земского союза по оказанию помощи семьям призванных на военную службу и устройству беженцев, Саратовского городского комитета помощи беженцам Всероссийского особого совещания по устройству беженцев, волостных подкомитетов, уездных и губернского отделений Комитета великой княгини Татьяны Николаевны по оказанию помощи беженцам в Саратовской губернии, Саратовского губернского отделения Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны.

Эти архивные материалы дополняются источниками тогдашней саратовской прессы. На сегодняшний день существует определённый круг исследований истории беженства Первой мировой войны, авторы которых на примере различных регионов России изучали различные аспекты этого явления. Для нашего исследования важны работы И. Б. Беловой, С. Ф. Лапановича, В. В. Хасина, И. П. Щерова⁴.

До начала августа 1915 г. никакой массовой миграции в Саратовской губернии не было⁵. В Саратовской губернии вынужденные мигранты появились в середине 1915 г. в результате наступательных действий германских войск, когда с территории театра военных действий была преимущественно насильственно выселена значительная часть населения. Только из Гродненской губернии беженцами стало более семисот тысяч человек⁶.

Как известно, 4 августа 1915 г. по инициативе Ставки Верховного Главнокомандующего было принято решение о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии империи⁷. С 2 ноября 1915 г. для централизованной деятельности по благоустройству беженцев 31 губерния России была поделена на 12 районов во главе с управляющими МВД⁸. В одиннадцатом таком районе была Саратовская губерния.

С самого начала в Саратовскую губернию планировалось прибытие 100 тысяч беженцев. В Саратове планировалось оставить 20 тыс. человек, в уездах – 30 тыс., в уездных городах – 10 тыс. Эти цифры были первым осторожным предложением со стороны уездов⁹. Ведь появление тысяч потерпевших от войны людей стало во многом событием, о котором не было ясного представления, как для местной администрации, так и для остального населения.

Стремительный темп миграции требовал оперативных решений по вопросам благоустройства мигрантов. Ускоренными темпами вырабатывался закон о беженцах¹⁰. С. Лапанович подчеркивает, что только в окончательную версию утвержденного 30 августа 1915 г. закона «Об обеспечении нужд беженцев» попали пункты о порядке создания и деятельности местных беженских комитетов¹¹. По закону руководство беженским движением возлагалось на губернские, уездные, земские и другие общественные учреждения¹². Утвержденный закон стал краеугольным правовым камнем в системе помощи пострадавшим от войны вынужденным мигрантам. Хотя нельзя не согласиться с В. В. Хасиным в том, что «вся миграционная структура, созданная в июле – августе 1915 г., была далека от совершенства»¹³. Тем не менее в ходе огромной организационной работы во всей империи была создана региональная государственная структура, которая включала в себя 71 городской комитет, 42 губернских, 10 фронтовых, 67 национальных и прочих организаций¹⁴. В их числе были и саратовские беженские учреждения и организации.

В Саратове начали проходить Особые Совещания о беженцах под председательством губернатора С. Д. Тверского и вице-губернатора С. А. Римского-Корсакова. В этих совещаниях принимали участие представители города, губернского и уездного земства, петроградского и московского еврейских комитетов и действующих городских организаций. С самого начала властями губернии приветствовалась тесная связь с губернской земской организацией¹⁵.

Был поставлен вопрос о необходимости съезда уполномоченных губернских земских комитетов при главном комитете всероссийского земского союза для выработки единообразных мероприятий¹⁶. С самого начала беженства ставились задачи постоянного контроля за средствами для помощи беженцам, исполнением различных форм экономии этих средств. Это и стимулиро-

вание интереса беженцев к трудоустройству, и осуществление учёта беженцев, и регулирование выдачи беженского пайка, и рациональное регулирование деятельности представительств организаций помощи, и тщательное планирование смет расходов всех структур-участников решения «беженского вопроса»¹⁷. С самого начала нахождения беженцев на новых для них землях осуществлялась работа по организации отправки призывников на военную службу¹⁸.

Губернские служащие занимались распределением между местными организациями опеки за беженцами средств кредитов, получаемых из Особого Совещания при МВД; разработкой и представлением на утверждение смет расходов местных организаций, рассмотрением жалоб беженцев, публиковали распоряжения и законы; помогали в поисках затерявшегося багажа; распределяли беженцев по губернии, выселяли беженцев из города и направляли их на сельскохозяйственные и иные работы, в том числе на фронт на земляные строительные работы в распоряжение Полевого строительного управления, выдачей экстренных вызовов беженцам и просто различных справок. В зимний период в день в кабинетах саратовской канцелярии насчитывалось до восьмидесяти просителей¹⁹.

Занимались губернские и уездные учреждения помощью беженцам в получении компенсации за утраченное в ходе реквизиций и эвакуации имущества. Эта работа шла в связке с четырьмя ликвидационными комиссиями, созданными 6 октября 1916 г. и располагавшимися в Смоленске (1-я и 3-я) и Минске (2-я и 4-я)²⁰.

Известно, что первыми в дело помощи беженцам включились общественные, в том числе национальные, организации. В Саратовской губернии это были, в частности, отделения «Татьянинского комитета». С августа 1915 г. для помощи беженцам-евреям своих членом мобилизует еврейская община г. Саратова²¹. В самом губернском городе сформировалось два еврейских очага беженцев²².

Достаточно оперативно формируется целая структура для обеспечения самых разных сторон помощи беженцам. Так, организацией питания беженцев занималась продовольственная комиссия городского комитета о беженцах, встречами – вокзальная комиссия, расселением – квартирная. В структуре той же продовольственной комиссии действовали соответствующие секции, например, молочная, для организации питания детей, стариков и больных беженцев. Молоко приобреталось у местных сельских поставщиков. Заметим, что постепенно происходила перестройка довоенного режима работы организаций. Например, не сразу удалось установить сотрудничество с такой местной организацией помощи кормящим матерям, как «Капля молока»²³. Конечно, государственные местные органы власти стремились к координации действий разных организаций. Но даже

«Татьянинский комитет», возглавляемый супругой саратовского губернатора, занимался помощью беженцам в отрыве от гороского комитета помощи беженцам. Для удобства планирования действий «Татьянинский комитет» разделил Саратов на участки, каждый из которых имел своего попечителя. Усилиями последних с участков собирались пожертвования²⁴. Также самостоятельно действовал и еврейский комитет помощи беженцам. У всех была нужда в добровольцах из числа местных жителей, готовых от имени общественных организаций помогать беженцам²⁵.

Первые дни и даже первые месяцы были периодом наплыва беженцев без всякого плана и каких-либо предписаний. Например, городской голова и земская управа г. Камышина узнали о прибытии поезда с 600 беженцами за два часа до его прибытия²⁶. Интенсивность прибытия беженцев в осенний период 1915 г. была наибольшей. Только в Саратов за три дня с 15 по 17 августа прибыла тысяча беженцев²⁷. А в середине декабря того же года количество беженцев составляло 113 667 человек²⁸. На 24 августа 1915 г. в Саратове состав проживающих (3 500 беженцев) включал, в частности, 31% украинцев (малоросов) (в т. ч. сотрудники и студенты Киевского университета), 39% великоросов (которые в действительности преимущественно состояли из беженцев-белоросов), 24% поляков, 4% евреев²⁹. Для помощи беженцам не хватало ни людей, ни средств. Домовладельцы нередко отказывались сдавать беженцам свои дома или же запрашивали слишком высокие цены за съём жилья³⁰. По причине того, что больницы не принимали заразных больных из числа беженцев, последние концентрировались на вокзале, превращая здание вокзала в лазарет³¹.

И всё-таки, несмотря на внезапность для местного населения появления масс беженцев, история сохранила много примеров бескорыстной помощи пострадавшим от войны людям. В ноябре 1915 г. священник Амассийский, путём воздействия на прихожан, устроил в селе Давыдов Саратовской губернии приют для пятисот беженцев. В той же губернии священник села Вязовки склонил многих из своих прихожан к приёму беженцев в числе 80 человек в свои дома, большей частью бесплатно или за самую ничтожную плату³².

Довольно быстро в городах стали появляться убежища беженцев. Ими становились доходные дома, здания учебных заведений, специальные бараки или приюты. Весной 1916 г. в Саратове имелось не менее 47 таких зданий в ведении городского комитета помощи беженцам³³. Особое место концентрации беженцев – Дегтярная площадь, на которой было организовано несколько деревянных бараков с необходимыми к ним постройками. Это стоило городу более 300 тыс. рублей³⁴. Для поддержания порядка в этих убежищах создавались домовые попечительства³⁵. На июнь 1916 г. в беженском городке на Дегтярной площади насчитывалось 737 человек, среди кото-

рых было 225 семей, находящихся на попечении Саратовского городского комитета помощи беженцам³⁶. Из этого числа 56% беженцев не имели никаких доходов и существовали за счёт пайков³⁷. Подобная статистика есть по саратовскому доходному дому Лаптева: 294 беженца, среди которых работающих – 9 человек, остальные взрослые – неработающие, причём, 50 (17%) фигурируют как больные³⁸. Такое состояние беженцев делало их группой населения, требующей особого внимания как со стороны местных властей, так и со стороны медицинских организаций.

Для оценки ситуации в Саратове и губернии на первом этапе прибытия беженцев важна информация о работе губернского съезда земских врачей в декабре 1915 г. Врачи съезда договорились о едином размере пайка для беженцев на сумму 7 руб. 50 коп. Норму месячного питания беженская комиссия определила в 1 пуд 10 фунтов муки, 10 фунтов мяса, полведра капусты, полпуда картофеля, 10 фунтов пшена, 5 фунтов муки, 3 фунта масла постного, 2 фунта сахара, восьмушка чая, 1 фунт соли. В Кузнецком уезде такой продуктовый набор обходился в 7 руб. 11 коп.

Определение собственной нормы пайка и её ориентировочной стоимости в губернии было нормой для всей страны, так как согласно закона от 25 июня 1912 г. стоимость пайка определялась каждым губернским руководством исходя из экономического состояния губернии. Нормами питания, которых стоило придерживаться, были следующие: 1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли, 1 фунт масла подсолнечного³⁹. Заметим, что вопрос о лишении пайка трудоспособных беженцев не получил поддержки большинства земцев-врачей из-за опасения распространения эпидемических заболеваний на почве недоедания. Также было признано необходимым как минимум в два раза увеличить количество бань. Дискуссия на съезде о немцах-колонистах, высланных с западных губерний России с подозрением в шпионаже, показала, что среди делегатов съезда преобладали трезвые рассуждения о невозможности видеть во всей массе выселенцев шпионов и, следовательно, неприемлемости не оказания помощи, в том числе и материальной, этой категории вынужденных мигрантов⁴⁰.

Нередкие вспышки заразных заболеваний среди беженцев вызывали беспокойство среди горожан. Причинами заболеваний были крайне неухаженные бараки беженцев: «заплесневелые стены, от сырости капала вода с потолка, а положенная на нары промокательная бумага за ночь становилась мокрой, ... в отхожих местах по ночам часто не горят лампы, поэтому беженцы стараются туда не ходить, ... а отнесенная в парильню их одежда прогорает и теряет свою прочность. ...А если ему (беженцу) придется попросить карболового раствора для примитивной дезинфекции постели, попросить обед или что-нибудь другое, его всегда сопровождают криком,

бранью и угрозами...»⁴¹ Названные детали быта беженцев усиливались общей психологической подавленностью вынужденных мигрантов, что вместе вело к трудности взаимоотношений беженцев с представителями местной власти.

Прежде всего эта трудность проявлялась в вопросе трудоустройства. Нежелание беженцев идти на новую работу современными исследователями объясняется рядом причин: малый заработок, постоянные мысли о возвращении домой, ожидание заботы о себе со стороны властей, в качестве оправдания самого факта их беженства⁴². Кроме того, «беженцы, – как отмечали в местной российской прессе, – это бывшие хозяева, работающие на земле, на родине имели своё хозяйство, домашних животных ..., а теперь попавшие в батраки, обрабатывающие чужое поле, нередко слышащие упреки в свой адрес, низкую оценку своего труда»⁴³.

Драматическое положение беженцев замечалось тогдашней саратовской прессой. Санитарный врач Н. Добрейцер на страницах «Саратовского вестника» написал о жизни беженцев на Дегтярной площади. Такие замечания медика, как «в городке нет постоянного медицинского персонала», «всё население в 800 человек поручено наблюдению одного врача, который живёт где-то в городе и сюда приезжает в известные часы» или «Саратову грозит развитие самой грозной эпидемии» (где речь шла о таких заболеваниях, как оспа, холера, скарлатина, дифтерия, сыпной тиф), должны были привести в действие соответствующие службы⁴⁴. Это возымело своё действие, и 26–28 декабря 1915 г. на совещании саратовских врачей по борьбе с сыпным тифом было решено не только стараться ликвидировать скученное проживание беженцев, предоставляя им дополнительную жилую площадь (было таких 1200 человек), но и назначить в «беженском» городке постоянную должность врача с широкими полномочиями⁴⁵. Эти и подобные им действия различных земских и других управленческих ведомств свидетельствуют о постепенном совершенствовании действий властей, направленных на помощь и поддержку вынужденных мигрантов.

Пребывание беженцев в различные населённые пункты Саратовской губернии всё время сопровождалось непрерывным процессом перемещения беженцев как в границах губернии, так и за её пределы. Предпосылками такой внутренней миграции были, с точки зрения В. В. Хасина, хроническое опоздание правительства в организации помощи, ошибки в прогнозировании длительности этого явления и неравномерное распределение вынужденных мигрантов по внутренним губерниям⁴⁶. Причинами таких внутренних переездов отдельных беженцев и целых семей были прежде всего экономические: поиск работы или движение к месту её исполнения, движение в сторону лучших условий проживания. Также беженцы стремились к воссоединению с

родственниками. Для мотивированных переездов беженцы имели льготы на проезд. Регуляторами поездок выступала выдача губернскими властями экстренных отзывов беженцам и прямой запрет на самовольное перемещение, под угрозой лишения беженского пайка⁴⁷. По правилам с ноября 1916 г. экстренные отзывы во внутренних губерниях, какой была и Саратовская, давались только для перемещения на сельскохозяйственные и иные работы, при неотложной необходимости явиться беженцам в эвакуированные правительственные и общественные учреждения, на соединение со своими семьями в экстренных обстоятельствах⁴⁸. До саратовских чиновников и сотрудников отделений «Татьянинского комитета», национальных беженских организаций эти правила дошли в начале декабря 1916 г.⁴⁹

Экономический кризис вслед за политическим в 1917 г. полностью поменял обстоятельства прибытия беженцев, толкая их искать лучшие условия жизни в новых районах российских губерний, и к возвращению домой. Известно, что и сами беженцы, и необходимые для помощи им инвентарь, припасы и представители беженских организаций могли перемещаться железнодорожным путём по льготным тарифам⁵⁰. Всё это в полной мере было применимо для Саратова и Саратовской губернии – железнодорожного узла Среднего и Нижнего Поволжья.

Опись экстренных вызовов, выданных Саратовским губернским совещанием по устройству беженцев за период с 16 июня по 21 сентября 1917 г., показывает интенсивность беженских перемещений. По трёмстам таким выданным экстренным разрешениям большинство мигрантов выезжали из Саратова (81%), остальные – из разных станций губернии⁵¹. Каждая третья поездка этого 961 беженца была за её пределы, а география конечных станций охватывала 49 различных городов всей страны. Станциями прибытия беженцев были: Москва, Брянск, Томск, Нижний Новгород, Тверь, Одесса, Оренбург, Луганск, Казань, Евпатория, Харьков. Астрахань, Уфа, Екатеринослав, Екатеринодар, Красноярск, Никополь, Тула, Кисловодск, Самара, Луцк, Вологда, Иваново, Пенза, Тифлис, Челябинск, Могилёв, Барнаул, Жиздра, Тамбов, Елец, Воронеж, Рига, Петроград, Ростов-на-Дону, Новониколаевск, Витебск, Рыбинск, Тихвин, Рязань, Кострома, Самарканд, Иркутск, Калуга, Омск, Ставрополь, Киев, Курск, Чита. Власти на местах практически не имели рычагов воздействия на это движение масс⁵².

Чувствительным знаком ухудшения экономического положения становится существенное уменьшение размера беженского пайка в отдельных частях губернии. В том же Балашове и его уезде в феврале 1917 г. пайки уменьшили с 7 руб. до 4 руб. на 4 человек семьи и до 2 руб. (вместо прежних 4 руб.) на остальных членов беженской семьи⁵³. Это противоречило решению Саратовского губернского совещания от 3 июня 1917 г., по

которому паёк должен стоить 7 руб. 40 коп.⁵⁴ Да и цены в июне 1917 г. отличались от рыночных цен 1915 г.

1917 г. принёс существенную активизацию национальных беженских организаций. Был образован Саратовский комитет помощи беженцам русской национальности, создание которого вытекало из активизации польских, литовских, еврейских беженских организаций. «Русские» беженцы, состоявшие преимущественно из белоруссов и украинцев, оказывались без такого возросшего национального внимания. Усиление национального беженского движения было составной частью общего в масштабах России расцвета национального освободительного движения и влияло на многонациональную массу беженцев. Показательной в этом отношении была служба в марте 1917 г. в местном костёле по случаю 100-летия со дня смерти руководителя освободительного восстания 1794 г. Тадеуша А. Костюшки⁵⁵. Примером непростых решений этой стороны организации беженцев может служить следующий эпизод: в ходе губернского совещания по устройству беженцев (июнь 1917 г.) в Вольский комитет помощи беженцам русской национальности попросились беженцы из числа белоруссов-католиков, аргументируя своё решение незнанием польского языка⁵⁶. Отметим, что просьба беженцев была удовлетворена.

О существовании национальных беженских организаций говорят данные распределения беженцев Саратовской губернии между всеми организациями помощи пострадавшим от войны на 1 октября 1918 г. Из 142 064 учтённых беженцев 110 034 (77,4%) составляли «русские», 7 472 (5,2%) еврей были под контролем еврейских организаций, более 19 655 (13,8%) поляков – польских, 1 471 (1,0%) литовец – литовских, 1 751 (1,2%) латыш – латвийских, также фигурирует 1 681 (1,1%) лютеранин⁵⁷.

О преобладании «русских» беженцев в общем числе мигрантов говорят и дифференцированные сведения по отдельным уездам губернии. Например, в Балашовском уезде из общего числа беженцев на 1 января 1917 г. (русские, поляки, латыши, старообрядцы, евреи) – 17 522 чел., беженцы в графе «русские» составляли 12 175 человек (69,4%)⁵⁸. Поэтому национальные беженские организации были активны на протяжении всего периода вынужденной миграции. С конца 1917 г. усилия национальных беженских активистов были направлены на ускорение отправки своих беженцев на родину. Беженцы-белоруссы в этот период стали объектом столкновения интересов Комитета беженцев русской национальности и представителей белорусских партий и общественных организаций Петрограда и Москвы, которые инициировали подготовку беженского съезда⁵⁹. Уже позже интересы белорусских мигрантов будет стремиться защитить Белорусский Национальный Комиссариат при НКДН РСФСР. Однако, как от-

мечает В. Ляховский, Белнацком в конечном итоге не смог организовать планомерной реэвакуации на родину беженцев⁶⁰.

Особой страницей истории беженцев является феноменальный процесс знакомства мигрантов разных национальностей и местного населения. Мнения людей определялись их собственным жизненным опытом, уровнем образованности, жизненными ценностями и ориентирами. Для крестьянина Конана Михальчука из Гродненской губернии это были впечатления детства от казаков. «А як тыя людзі ездзілі!... Казак ехаў канём, заўсёды спяваў, а вецер падымаў яго чуб», – вспоминал много десятилетий спустя бывший беженец⁶¹. Крестьянский взгляд сразу же обращал внимание на природу края, так отличную от белорусской местности: «Лесов вокруг не было. Квартыры согревали кизяком – сухим коровьим навозом»⁶². А пожилой беженец-поляк, комментируя свои свежие впечатления о саратовской земле, давал различные оценочные суждения о русских людях и их жизни: «даровитый народ», «в искусстве вы прокладываете новые пути», «ваше театральное искусство стоит на большой высоте», «я полюбил страну... за нею будущее», и одновременно – «грязь, сор, вонь, жалкие хибарки», «музыкальное воспитание публики в Саратове стоит так низко», «невоспитанность публики, которая срывается за 2–3 минуты до окончания, наступая на ноги...»⁶³.

В целом же общее впечатление об отношении местных жителей к беженцам красноречиво показывают воспоминания бывших беженцев Гродненской губернии (а теперь Белостокского воеводства Республики Польша). Из общего числа респондентов (155 чел.) 38, 7% через десятки лет вспомнили о фактах помощи и поддержке со стороны местного населения в России⁶⁴. Память об оказанной помощи в 1915–1916 гг. осталась сильнее впечатлений об изменившемся отношении со стороны населения, вызванном катастрофическими процессами революционных лет и времени Гражданской войны (1917–1923 гг.). Разнообразные свидетельства лет смуты напоминают о том, что из-за экономической разрухи, голода, революционных реквизиций местное население начало видеть в беженцах лишнюю обузу и разным образом толкало последних к скорейшему возвращению домой⁶⁵.

В результате анализа истории беженства из Беларуси и государственной миграционной политики, которая проводилась в 1915–1917 гг. в Саратовской губернии, можно утверждать, что как для самих вынужденных мигрантов, так и для местного населения, в том числе местных властей, эта страница мировой войны стала тяжелейшим, драматическим испытанием. Выдержать этот период вынужденного изгнания всем беженцам, в том числе из белорусских губерний, во многом помогла разносторонняя помощь как государственных, так и общественных организаций, а

также поддержка местного населения. А довольно продолжительный контакт с местным населением разных регионов России, в том числе Саратовской губернии, стал своеобразным катализатором для беженцев-белорусов в росте их национального самосознания, в их ощущении этнической отличности. И это было ещё одним из значимых последствий беженства, вызванного Первой мировой войной.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 1. Д. 85. Л. 2–6.
- 2 Там же. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 241. Л. 3.
- 3 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну : по документам Нижнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999. С. 83.
- 4 См.: *Белова И. Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М., 2014. 432 с.; *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи...; *Щеров И. П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. 316 с.
- 5 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи. С. 97.
- 6 См.: *Корнелюк В.* Гістарычная дэмаграфія І сусветнай вайны: бежанства з заходніх губерняў Расійскай імперыі (1914–1917) // *Bialoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 1999. № 12. S. 22–44.
- 7 См.: *Белова И. Б.* Указ. соч. С. 113.
- 8 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи. С. 35.
- 9 Там же. С. 96.
- 10 См.: *Лапановіч С. Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). М-ва унутраных спраў Рэсп. Беларусь, «Акад. М-ва унутраных спраў Рэсп. Беларусь». Мінск, 2010. С. 47.
- 11 Там же. С. 48–49.
- 12 См.: *Белова И. Б.* Указ. соч. С. 124.
- 13 *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи... С. 59.
- 14 См.: *Хасин В. В.* Власть, общество, социальные институты в решении миграционных проблем в России в Первую мировую войну на общегосударственном уровне и в региональном преломлении // *История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2014. Вып. 10. С. 66.
- 15 См.: Особое Совещание о беженцах // *Саратовский вестн.* 1915. № 177. С. 5.
- 16 См.: Съезд председателей земских управ // *Саратовский вестн.* 1915. № 178. С. 5.
- 17 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 611. Оп. 2. Д. 7. Л. 13–16 об.
- 18 См.: Освидетельствование беженцев призыва 1914–1916 гг. // *Саратовский вестн.* 1915. № 224. С. 5.
- 19 ГАСО. Ф. 611. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–1 об..
- 20 Там же. Л. 90.
- 21 См.: Правление Саратовской еврейской общины // *Саратовский вестн.* 1915. № 177. С. 1.
- 22 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи ... С. 108.
- 23 Питание детей беженцев // *Саратовский вестн.* 1915. № 181. С. 5.
- 24 См.: Вопрос о беженцах в санитарном обществе // *Саратовский вестн.* 1915. № 181. С. 5.
- 25 См.: Воззвание Комитета Императорского Высочества Великой Княгини Татьяны Николаевны // *Саратовский вестн.* 1915. № 224. С. 1.
- 26 См.: Съезд председателей земских управ // *Саратовский вестн.* 1915. № 177. С. 5.
- 27 Там же.
- 28 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи... С. 99.
- 29 См.: Вопрос о беженцах в санитарном обществе // *Саратовский вестн.* 1915. № 181. С. 5.
- 30 См.: Наплыв беженцев // *Саратовский вестн.* 1915. № 182. С. 4.
- 31 См.: В городском комитете о беженцах // *Саратовский вестн.* 1915. № 184. С. 4.
- 32 См.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 719. Л. 5 об.
- 33 См.: ГАСО Ф. 615. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.
- 34 См.: *Бор-ов Д.* В «городке» для беженцев // *Саратовский вестн.* 1915. № 281. С. 5.
- 35 См.: В городском комитете о беженцах // *Саратовский вестн.* 1915. № 184. С. 4.
- 36 См.: ГАСО Ф. 611. Оп. 2. Д. 2. Л. 31.
- 37 Там же. Л. 27–31. (Подсчёт наш. – В. К.).
- 38 Там же. Л. 35–39 об.
- 39 См.: Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: доклад Главным комитетам уполномоченного, председателя отдела М. М. Щепкина, март 1916 г. / Всероссийские земский и городской союзы, Отд. по устройству беженцев. Пг., 1916. С. 76.
- 40 См.: Губернский съезд врачей // *Саратовский вестн.* 1915. № 276. С. 5.
- 41 См.: О беженцах (письмо в редакцию) // *Саратовский вестн.* 1915. № 281. С. 5.
- 42 См.: *Попова А. Р., Тимофеева Т. С.* Проблема переселения беженцев из Украины: социально-экономические последствия для России // *Фундаментальные исследования*. Пенза, 2015. № 11. С. 181; *Уфимская жизнь*. 1915. № 201. С. 4.
- 43 См.: Тамбовский земский вестн. 1916. № 1. С. 4.
- 44 См.: *Добрейцер Н.* Обречённые (беженский городок) // *Саратовский вестн.* 1915. № 282. С. 4.
- 45 См.: Совещание врачей по борьбе с сыпным тифом // *Саратовский вестн.* 1915. № 285. С. 5.
- 46 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи... С. 95.
- 47 См.: ГАСО Ф. 611. Оп. 2. Д. 7. Л. 2–2 об.
- 48 Там же. Л. 4.
- 49 Там же. Л. 8 об.
- 50 Там же. Л. 1.

- ⁵¹ ГАСО Ф. 611. Оп. 2. Д. 7. Л. 79–84 об. (Подсчёт наш. – В. К.).
- ⁵² Там же. Л. 169–169 об.
- ⁵³ См.: Беженцы // Саратовский вестн. 1917. № 28. С. 4.
- ⁵⁴ См.: ГАСО Ф. 611. Оп. 2. Д. 3. Л. 1 об.
- ⁵⁵ См.: Памяти Костюшко // Саратовский вестн. 1917. № 56. С. 5.
- ⁵⁶ См.: ГАСО. Ф. 611. Оп. 2. Д. 3. Л. 1 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 2–2 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 5. Л. 16–17 об.
- ⁵⁹ См.: Среди беженцев // Саратовский вестн. 1917. № 251. С. 5; Вниманию беженцев русской национальности // Саратовский вестн. 1917. № 253. С. 5.
- ⁶⁰ См.: *Ляхоўскі У. В.* Ад гоманаўцаў да гайсакаў. Чыннасць беларускіз моладзевых арганізацый у 2 палове XIX ст. – 1 палове XX ст. (1939 г.). 2-к выданне, папраўленае і дапоўненае. Смаленск : Інбелкульт, 2015. С. 104.
- ⁶¹ См.: Беженства 1915 года. Беласток: Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2015. С. 270.
- ⁶² Там же. С. 123.
- ⁶³ См.: Беседа // Саратовский вестн. 1917. № 24. С. 5.
- ⁶⁴ См.: *Карнялюк В.* Успаміны былых бежанцаў (1915–1923) Беласточчыны як крыніца па гісторыі Беларусі п.п. XX ст. (па матэрыялах зборніка Бежанства 1915 года) // *Bialoguskie Zeszyty Historyczne*. Białystok. 2002. № 18. S. 187–188.
- ⁶⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 8. Л. 65, 180; Д. 10. Л. 181, 182, 252.

Образец для цитирования:

Корнелюк В. Г. Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-109-115>

Cite this article as:

Korneluk V. G. Migration State Policy and the Refugees of the First World War from Belarus in the Saratov Province (1915–1918). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 109–115 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-109-115>

УДК 947.084

Лесной фонд Саратовской губернии в 1920-е годы

Е. В. Воейков

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, evgenijvoeikov@yandex.ru

В статье преимущественно на основе архивных материалов исследуется состояние лесного фонда Саратовской губернии в годы новой экономической политики. Приводятся сведения о площади лесов губернии и степени обеспеченности населения лесными материалами. Рассматривается борьба с пожарами и насекомыми-вредителями леса. Наиболее подробно исследована проблема незаконных порубок. Проанализированы причины, которые вызывали массовые хищения леса местным населением. Доказывается, что условия труда и быта служащих лесничеств в 1920-е гг. не позволяли проводить эффективную борьбу с незаконной вырубкой леса. Показаны динамика и результативность мероприятий по восстановлению лесных площадей.

Ключевые слова: лесной фонд, лесозаготовки, посадки леса, самовольные порубки, лесная стража.

The Forest Fund of the Saratov Province in the 1920s

E. V. Voeikov

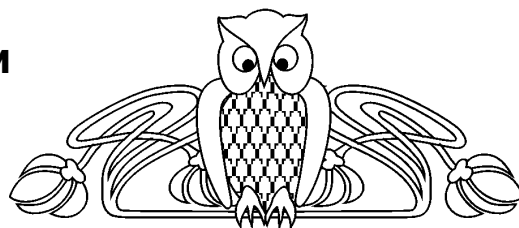
Evgenij V. Voeikov, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, Penza Subsidiary of Financial University under the Government of the Russian Federation, 33B Kalinina Str., Penza 440031 Russia, evgenijvoeikov@yandex.ru

The condition of forest Fund of the Saratov province in the years of new economic policy on the basis of archival materials is investigated in the article. Some data on the area of the woods of the province and degree of cover of the population with forest materials are provided. The article examines the fight against fires and pests of the forest. The problem of illegal cuts has been studied in detail. The reasons that caused massive forest theft by the local population are analyzed. It is proved that working and living conditions of forest officials in the 1920s did not allow effective combat of illegal logging. The dynamics and effectiveness of measures to restore forest areas are shown.

Keywords: forest fund, timber harvesting, forest planting, unauthorized cuts, forest guards.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-116-121>

В 1990–2000-е гг. в отечественной исторической науке наметилась тенденция к формированию отдельного направления исследований, анализирующего историческую эволюцию освоения лесных ресурсов¹. Чаще всего внимание специалистов привлекали наиболее лесные регионы России². История лесного хозяйства Поволжья на сегодняшний день является слабо изученной темой.

Внимание региональных исследователей социально-экономической истории Среднего и Нижнего Поволжья первой половины XX в. в последние десятилетия привлекают, в частности, история крестьянства и кооперации, состояние провинциального общества в годы Первой мировой войны, лагерей ГУЛАГа³. Менее интенсивно разрабатывается история индустриализации⁴. Развитие лесного хозяйства в XX в. как Поволжья в целом, так и Саратовской области в частности не получило должного отражения в работах историков, имеются только отдельные публикации. Так, в монографии В. С. Тонких дан краткий очерк основных этапов политики по эксплуатации и охране лесов Мордовской АССР. Состояние лесного фонда Мордовской АССР было также рассмотрено в диссертации Е. И. Денискина⁵.

Значительные по площади лесные массивы Татарии, Чувашии и отдельных уездов Симбирской губернии постепенно к югу переходили на территории Пензенской и Самарской губерний в лесостепь, а в южной и юго-восточной частях Самарской и Саратовской губерний – в степь. Подобные природные условия делали леса на территории Поволжья особо ценным природным и хозяйственным ресурсом. Поволжье по запасам лесов было «малолесным».

В Саратовской губернии площадь лесов в 1920-е гг. превышала 800 тысяч га. Лесистость, то есть отношение лесной площади ко всей площади губернии, равнялась 11%. По отдельным частям губернии этот параметр колебался от 32% в Кузнецком уезде до 4% в Камышинском уезде⁶.

По данным середины 1920-х гг., наилучшую обеспеченность лесом городского и сельского населения в Европейской России имели Карельская АССР – 33,6 га на душу населения, Уральская область – 6,1 га. В Ульяновской губернии данный показатель составлял 0,6 га. В Средне-Волжском районе, включавшем Пензенскую, Самарскую, Ульяновскую губернии, на одного человека приходилось 0,4 га удобной лесной площади, в Саратовской губернии – 0,27 га⁷. В Поволжье на каждый крестьянский двор для обеспечения потребностей в строительных материалах и топливе должно было приходиться несколько га лесной площади. Таким образом, даже в относительно богатой, по меркам Поволжья, лесами Ульяновской губернии обеспеченность лесом местного населения была недостаточной. В Саратовской губернии ситуация с удовлетворением потребностей местных жителей в древесине была неблагоприятной.

В сводке Саратовского губплана 1924 г. о лесном хозяйстве указывалось: «Почти все спелые насаждения в пределах 13-вёрстной полосы по обе стороны линии жел. дор. и сплавных рек вырублены. Вырублены все леса около крупных центров, как, например, около Саратова в 25-вёрстном радиусе»⁸. Саратовский лесовод Н. Н. Кураев в опубликованной статье проанализировал эффективность постановлений об охране леса: «Саратовский губисполком 12–13 августа 1920 года, в целях охраны леса от истребления, издал обязательное постановление, сурово карающее порубщиков. Он же обратился к населению с прекрасно написанным воззванием, прося беречь лес. Судя по результатам, ни воззвание, ни декрет успеха не имели – истребление лесов продолжалось. В чём же причина неуспеха? Русский крестьянин, как хлебопашец, искони враг леса: он всегда стремился превратить его в другой вид угодий – пашню, луг, пастбище. Поэтому к воззванию он остался глух. Что же касается декрета, то в жизнь он воплощён не был, у него не нашлось исполнителей: судьи не судили, милиция не взыскивала, стража не преследовала»⁹.

Значительный ущерб лесам нанесли в 1920–1921 гг. крупномасштабные пожары. В Саратовской губернии в 1920 г. пожаров было 320 на площади 4,7 тысячи десятин¹⁰; в 1921 г. – 495 на площади 12,2 тысячи десятин¹¹. В расположенных севернее Самарской и Симбирской губерниях в 1921 г. площадь пожаров достигала 28 и 25 тысяч десятин соответственно¹².

В результате проведённого комплекса противопожарных мероприятий в годы нэпа количество лесных пожаров в Саратовской губернии сократилось с 376 случаев на 2551 га в 1923/24 гг. до 94 случаев на 102 га в 1925/26 гг.¹³ В 1926/27 гг. пожаров насчитывалось только 35 случаев на площади 136 га¹⁴.

В лесах Поволжья в годы нэпа началось проведение телефонной связи для экстренных сообщений о пожарах. В частности, в Татарской АССР к началу 1927/28 гг. протяжённость телефонной сети в лесничествах составила 282 км¹⁵. В Самарской губернии в 1926 г. телефонизированы были восемь лесничеств Бузулукского Бора, линия была проложена на протяжении 108 км¹⁶. Саратовская губерния по данному показателю значительно отставала: в отчёте гублесзага за 1925/26 гг. отмечалось, что телефонная сеть в лесничествах отсутствовала¹⁷. Также строились пожарные вышки. Так, в лесах Самарской губернии в 1925/26 гг. их насчитывалось 12¹⁸. По данному показателю Саратовская губерния также отставала, по сведениям отчёта губернского лесного отдела (ГЛЮ) за 1925/26 гг. пожарных вышек было всего шесть¹⁹.

Наличие значительных площадей повреждённого пожарами леса в рассматриваемый период способствовало массовому распространению насекомых – вредителей леса. В сводке Саратовского губплана 1924 г. констатировалось: «После пожаров в неубранных гарях развивались в

большом количестве короеды, лубоеды и другие вредители леса, которые заражали здоровые насаждения»²⁰. В отчёте Саратовского ГЛЮ за 1925/26 гг. отмечалось: «Наибольшей силы процесс размножения вредителей достиг к моменту начала нэпа, когда в связи с почти полным упадком народного хозяйства ощущалась колоссальная депрессия в сбыте лесопродукции; лесной рынок начал формироваться и оживать лишь с 1924 г. Это обстоятельство не давало возможности развить работы по вырубке повреждённого леса, закладке ловчих деревьев, а также понуждению покупателей к выполнению основных правил лесохозяйственной санитарии»²¹. Наиболее опасными считались причинявшие вред хвойным насаждениям короеды и шелкопряд-монашенка. К концу 1926 г. лесная площадь, поражённая короедами, в Саратовской губернии достигала 11 тысяч га, в том числе сильно заражённой была одна тысяча га в Белореченском, Кузнецком, Чибирлейском лесничествах. Работниками ГЛЮ применялись такие средства борьбы, как снятие коры с заражённых деревьев и сжигание коры с яйцами вредителей. Также вредители лиственных насаждений – непарный шелкопряд, златогузка, дубовый шелкопряд, дубовая листовёртка – наблюдались в 1926 г. на площади 18 тысяч га, борьба с ними из-за недостатка средств не велась²².

Ещё одной причиной самовольных порубок было желание заработать на продаже незаконно добытых лесоматериалов. Саратовский лесовод Н. Н. Кураев писал в статье: «...безжалостно уничтожают лес главным образом не лица, нуждающиеся в топливе, а те сравнительно немногие, которые создали себе из этого доходный промысел. Достаточно побывать несколько раз на дровяных базарах, чтобы убедиться в этом»²³.

В отчёте Саратовского ГЛЮ за 1926/27 гг. отмечалось: «Причиной общего характера, вызывающей самовольные порубки, является недостаток древесины в значительной части губернии... Существует род промысла продажи краденого леса на рынки ближайших городов и населённых мест... Частными причинами порубок является: слабость аппарата лесной стражи количественно и качественно; текучесть стражи; недостаточное и несвоевременное преследование правонарушителей»²⁴.

Малочисленность лесной стражи также способствовала росту нарушений лесного законодательства.

По подсчётам ГЛЮ, в 1924 г. средняя величина закреплённой лесной площади составляла для лесной стражи лесничеств: у обходчика – 870 десятин, у объездчика – 4380 десятин. При этом подчёркивалось, что «нормальной величиной по условиям Саратовской губернии следует считать для объезда 2500 десятин, и для обхода 500 десятин»²⁵. Таким образом, саратовские обходчики были в среднем перегружены по сравнению с оптимальным объёмом работ на 57,5%, объездчики – на 43%.

Сами работники лесничеств осознавали недостаток работников для охраны леса. Например, на губернской профсоюзной конференции секции работников леса 15 февраля 1923 г. в постановлении по докладу о положении лесного хозяйства губернии было записано: «...2) признать необходимым расширение сети лесничеств до 50, увеличить штаты лесной стражи и технического персонала, сообразуясь с местными условиями»²⁶.

Вместо ожидаемого увеличения численности служащих лесничеств последовали так называемые «чистки» лесной стражи, что привело к уменьшению количества работников лесного хозяйства. На 1 октября 1923 г. численность персонала лесничеств России по сравнению с 1 октября 1922 г. сократилась: специалистов – на 12%, служащих – на 31%, лесной стражи – на 20%²⁷. В 1923/24 гг. произошло новое сокращение: в 34 губерниях и автономных областях было уволено лесников 6,7 тыс. (27,3% их количества), объездчиков – 1,7 тыс. (31,3%)²⁸. Кадровые чистки и сокращения лесной стражи проводились в русле кампаний борьбы за экономию государственных средств и удаления из рядов служащих «чуждых элементов». В частности, в постановлении губернской конференции Саратовского отдела профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих в феврале 1923 г. указывалось: «Произвести пересмотр состава работников леса в отношении целесообразности подбора их на основе усиления кадрового пролетарского элемента и удаления враждебных кулацких»²⁹. Специалисты лесного хозяйства выражали опасения и протестовали. Так, например, на совещании при лесном отделе Саратовского губземуправления в августе 1923 г. высказывалось соображение, что «лесная стража и администрация сокращены сверх меры»³⁰. Но голоса трезвомыслящих профессионалов услышаны не были. В Саратовской губернии в 1919 г. насчитывалось 2500 служащих лесничеств, к 1924 г. их осталось 1319; только за 1925/26 гг. количество объездчиков снизилось с 251 до 209 и лесников – с 900 до 800 человек³¹. Результаты плохо продуманной кампании сокращений не замедлили дать отрицательный результат. В годовом отчёте Саратовского ГЛЮ за 1925/26 гг. подчёркивалось, что на рост порубок повлияло проведение массовой «чистки» стражи в 1923 г.³²

Серьёзной проблемой для работников лесного хозяйства 1920-х гг. стал низкий размер заработной платы. Впервые эта проблема остро встала в годы Гражданской войны и продолжала существовать на протяжении всех 1920-х гг. В Саратовской губернии в 1923 г. имела место задержка зарплаты служащим лесничеств Кузнецкого уезда с октября 1922 г. по май 1923 г.³³

Неблагоустроенность и отсутствие в достаточном количестве жилья для работников лесничеств негативно отражались на охране лесов. Дома лесной стражи ещё в дореволюционный период отличались многочисленными недо-

статками³⁴. В годы Гражданской войны средства на ремонт и строительство новых домов для работников лесного ведомства не выделялись; в 1920-е гг. финансирование осуществлялось в недостаточных размерах. В Саратовской губернии на конференции месткомов и рабочкомов союза работников земли и леса в июне 1923 г. один из выступавших жаловался, что «караулки лесничеств более семи лет не ремонтируются, хозяйственных пристроек никаких нет, даже негде сложить небольшие запасы продуктов...»³⁵. На состоявшемся при лесном отделе губернского земельного управления в середине августа 1923 г. совещании констатировалось, что «лесные караулки и кордоны разрушены на 50–75 процентов»³⁶. В отчёте ГЛЮ за 1923/24 гг. указывалось, что обеспеченность квартирами работников лесничеств выражается в 55% необходимого; при этом подчёркивалось, что «из числа 650 наличных казённых построек около 75% негодны и требуют основательного ремонта»³⁷.

Жилищный вопрос в лесничествах Саратовской губернии в 1920-е гг. так и не был решён. В годовом отчёте ГЛЮ за 1926/27 гг. приводились следующие данные: в казённых квартирах размещались 49% лесничих и их помощников, 35% канцелярских служащих, 61% объездчиков и 57% лесников. При этом подчёркивалось: «...из кордонов для стражи, в коих она размещена, 34 совершенно непригодны даже и для капитального ремонта, 172 квартиры требуют капитального ремонта, 234 квартиры – текущего ремонта, и только 138 квартир можно считать вполне исправными»³⁸.

В статье о самовольных порубках в лесах Саратовской губернии была наиболее чётко сформулирована взаимосвязь расположения жилища работника лесной стражи и его отношения к охране леса: «Лесник, живущий в лесу в казённом кордоне, и лесник, живущий вне леса, в деревне, часто в своём доме, весьма различны как профессионалы. Первый с утра до глубокой ночи дни, месяцы и годы всегда находится в лесу. Лес своей жизнью действует на его психику, привлекает к себе, изошряет его слух и зрение и роднит себя с ним так, что он считает себя как бы неотъемлемой частью леса. Другое дело, лесник, живущий в обстановке деревни. Он – гость в лесу, вернувшись домой в деревню, он находится под другими впечатлениями и влияниями. Первый с уходом со службы переходит за порог кордона и теряет всё, а второй остаётся в своём доме и продолжает крестьянствовать»³⁹.

Сложные условия труда и быта в лесничествах в 1920-е гг. вызвали уход со службы значительного количества работников лесного хозяйства. Так, в Саратовской губернии в 1926/27 гг. стаж работы от года до пяти лет имели 53% объездчиков и 48% лесников; до одного года – 14% объездчиков и 27% лесников⁴⁰.

Усилило хищение лесных материалов местным населением выделение в середине 1920-х гг.

так называемых лесов местного значения (ЛМЗ). Планировалось, что переход этих лесных массивов в бесплатное и бессрочное пользование сельских обществ значительно упростит процедуру получения крестьянами лесных материалов. В губернских газетах в середине 1920-х гг. публиковались статьи, разъясняющие смысл выделения ЛМЗ. Например, саратовская газета писала: «...передавая лес в местные руки, государство говорит: «Обращайся с ним по-хозяйски, береги его, не расхищай...»⁴¹. Подобные призывы большей частью оставались безрезультатными. Крестьяне восприняли переданные им леса местного значения в качестве неожиданного подарка от государства и бесплатного источника строевого леса и дров, которые надо срочно заготовить и складировать у себя рядом с домом, пока власть не передумала и не отобрала лес обратно.

По данным Саратовского ГЛЮ, в Балашовском, Петровском, Сердобском и Аткарском уездах стража в ЛМЗ была «на 20% неграмотна, а в большинстве случаев малограмотна и, следовательно, совершенно неспособна к исполнению возложенных на неё обязанностей»⁴². В результате, по утверждению документа, «самовольные порубки» в ЛМЗ начали переходить «в сплошную незаконную вырубку переданного леса или же в изреживание насаждений дач путём выборки лучших деревьев на 40–70%»⁴³. Автор газетной заметки писал летом 1926 г.: «Леса местного значения вырубается самым хищническим беспощадным образом нередко на глазах у сельсоветов... Причина кроется в том, что сторожа, нанимаемые обществом, получают крайне мизерное вознаграждение. Бывали случаи, когда при найме сторожей общество устраивало своего рода аукцион, кто согласится за более низкую плату охранять лес, того и нанимали. Поэтому в сторожа шли калеки, глухие и слабые старики, которые ничего не могли сделать с самовольными порубщиками»⁴⁴. В январе 1927 г. губернская газета сообщила: «Недавно гублесотдел обследовал состояние лесов местного значения. Выявили, что самовольные порубки не только не уменьшились, а увеличились. Происходит главным образом из-за того, что крестьянин смотрит на общественное имущество как на своё личное. Также слаба карательная политика. Штрафы зачастую бывают меньше стоимости срубленного дерева»⁴⁵.

В резолюциях второго пленума Саратовского губернского отдела союза работников земли и леса, проходившего в октябре 1923 г., подчёркивалось: «Губпленум считает, что невооружённость лесной стражи имеет своим следствием невозможность охранения ею в должной мере леса от самовольных порубок и повлекло за собою целый ряд случаев убийств хищниками леса лесной стражи при исполнении ими служебных обязанностей, а поэтому пленум признаёт необходимым поручить ГЛЮ принять немедленно

меры к вооружению лесной стражи»⁴⁶. В отчёте Саратовского ГЛЮ за 1923/24 г. указывалось, что за год произошло: «случаев убийств 7, ранений 4, избиений 15, неудавшихся покушений 11, поджогов 20»⁴⁷. В 1926/27 гг. случаев нападений на работников лесничеств было зафиксировано меньше, чем в первые годы нэпа. Избиты были трое, умер после избиения один, поджогов произошло шесть⁴⁸. Можно предположить, что на положительную динамику снижения криминальных насильственных действий в отношении лесной стражи повлиял возврат ей оружия в середине 1920-х гг. Впрочем, с вооружением работников лесничеств далеко не всё обстояло благополучно. В годовом отчёте ГЛЮ указывалось, что «вооружение стражи винтовками “Гра” вызывает массу нареканий ввиду громоздкости и тяжести винтовок, и необходимо перейти к более лёгкому типу вооружения»⁴⁹.

В силу вышеизложенных обстоятельств лесная стража просто не могла задержать всех порубщиков. В дореволюционный период количество неизвестных порубок определялось величиной 4%, в 1922 и 1923 гг. неизвестные порубки составляли 26,9 и 23,5%⁵⁰.

Если, несмотря на все неблагоприятные факторы, лесной страже всё же удавалось задержать лиц, осуществлявших незаконные порубки, оформить протоколы, передать дело в суд, то никакой гарантии привлечения нарушителей к ответственности не существовало. Например, в 1923/24 гг. в Петровском уезде из направленных в суд 2231 дела было рассмотрено только 387 дел⁵¹. В годовом отчёте Саратовского ГЛЮ за 1925/26 гг. приводилась статистика рассмотрения дел судами: за год было рассмотрено 8942 дела, вынесено 7539 обвинительных приговоров, 1403 оправдательных, 3047 было приведено в исполнение⁵². При анализе приведённой статистики, во-первых, вызывает недоумение значительное количество оправдательных приговоров (1403 или 15,7% общего количества дел). Во-вторых, нельзя не отметить, что количество приведённых в исполнение приговоров составило только 40,4% общего количества обвинительных приговоров. Но больше всего удручает итоговая строчка в отчётности по данному разделу: число дел, оставшихся нерассмотренными судами губернии, – 7304, что немногим меньше годового количества рассмотренных дел. В других губерниях и республиках Поволжья ситуация зачастую была ещё хуже, чем в Саратовской губернии. Так, по подсчётам Самарского лесного отдела, в 1924/25 гг. направили в нарсуды и волисполкомы 15447 дел о самовольных порубках, из которых было рассмотрено только 1470; в 1925/26 гг. из 20062 дел решения вынесли по 7152⁵³.

В результате указанных выше объективных факторов лесная стража не смогла защитить леса своей губернии от незаконной вырубki, достигавшей в отдельные годы значительных

размеров. В 1925 г. самовольные порубки составили 60,2 тыс. кубометров, в 1926 г. – 62,3 тыс., в 1927 г. – 42 тыс. кубометров⁵⁴. В расположенных севернее губерниях Поволжья ситуация в 1920-е гг. была ещё более неблагоприятной. Так, в Ульяновской губернии в 1923/24 гг. зафиксировали 10,5 тыс. случаев самовольных порубок с массой древесины 99,2 тыс. кубометров; в 1925/26 гг. – уже 13,2 тыс. случаев и 109,4 тыс. кубометров⁵⁵. В Самарской губернии самовольные порубки выросли с 12,1 тыс. случаев и 69,1 тыс. кубометров древесины в 1923/24 гг. до 17,5 тыс. случаев и 110,8 тыс. кубометров в 1924/25 гг.⁵⁶

Леса, которым был нанесён значительный ущерб в годы Гражданской войны и нэпа, требовали восстановительных мероприятий. В Саратовской губернии с 1910 г. по 1913 г. в среднем ежегодные посевы и посадки составляли только по казённым лесам 1155 га, вместе с бывшими удельными и частновладельческими лесами – 2500 га⁵⁷. В 1922–1927 гг. было посажено и посеяно 1739 га, то есть в среднем за год культивировалось только 289,8 га. Особенно трудно процесс лесовосстановления шёл в первые годы нэпа. Так, в 1922 г. было посеяно 34 га и посажено 114 га, всего 148 га; в 1923 г. – 13 и 58 га, всего 71 га. В 1924 г. эти показатели составили 70 и 95 га, всего 165 га⁵⁸. Между тем во второй половине 1920-х гг. ежегодно в Саратовской губернии вырубалось до 500 га только основных насаждений, которые естественным путём почти не возобновлялись⁵⁹.

В результате восстановить образовавшиеся за годы Гражданской войны и нэпа непокрытые лесом лесные площади не удалось. В Саратовской губернии в 1926/27 гг. вырубки, гари, пустыри занимали 27,9 тыс. га⁶⁰, что соответствовало 3,2% к общей площади лесов губернии (877 тыс. га). В соседней Пензенской губернии в 1927 г. площадь необлесившихся лесосек, пустырей и гарей достигла 21,9 тыс. га, что составляло к общей лесной площади в 950,1 тыс. га только 2,3%⁶¹. В примыкающей с севера к Саратовской Самарской губернии ситуация была гораздо хуже. По отчёту Самарского ГЛЮ за 1925/26 гг., в данной губернии имелось необлесившихся вырубок 24,5 тыс. га, гарей – 21,8 тыс., прогалин – 33,6 тыс. га; общая площадь пустырей равнялась 79,9 тыс. га⁶². С учётом того, что лесная площадь была 1 млн 92,6 тыс. га, пустыри занимали 7,3%.

Таким образом, несмотря на отдельные достижения, период нэпа стал для лесного хозяйства Саратовской губернии временем упущенных возможностей. В 1920-е гг. так и не удалось существенно улучшить условия труда и быта работников лесного хозяйства, провести в необходимом объёме комплекс лесовосстановительных мероприятий и прекратить массовые хищения леса. Улучшения ситуации удалось добиться только в конце 1930-х гг. после создания территориальных управлений лесоохраны⁶³.

Примечания

- 1 См.: Гусев Н. Н. История лесоустройства Российского. М., 1998; Двухсотлетие учреждения лесного департамента 1798–1998 : в 2 т. Т. 2 (1898–1998). М., 1998; Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992; Писаренко А. И., Страхов В. В. Лесное хозяйство России : от пользования к управлению. М., 2004; Редько Г. И., Редько Н. Г. История лесного хозяйства России. М., 2002.
- 2 См.: Тихонов П. Т. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары, 2001; Юричев Е. Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда, 2009.
- 3 См., например: Белоусов С. В., Сухова О. А., Юдин С. О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза, 2015; Власов В. А., Тишкина А. В. Выселение раскулаченных крестьян Пензенского края // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 338–344; Захарченко А. В., Репинецкий А. И. Узники Безымянлага : состав, трудовая деятельность (1940–1942 гг.) // Вестн. архивиста. 2006. № 4–5. С. 116–137; Семенова Е. Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.) : социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012; Ягов О. В. Власть и кооперация Поволжья в условиях нэповского эксперимента (организационный аспект) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та имени В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1154–1157.
- 4 См., например: Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Подготовка рабочих кадров в Поволжье : проблемы и итоги. 1920-е – 1930-е годы. Пенза, 2004; Чолахян В. А. Индустриальная модернизация Саратовского края в годы второй пятилетки (1933–1937 годы) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2, ч. 2. С. 114–120; Он же. Роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920–1930 годы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 180–186; Шарошкин Н. А., Кузьмина Т. Н. Спиртовая промышленность Поволжья. 1917–1932 гг. // Гуманитарные и общественные науки в XXI веке : состояние и перспективы развития : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Ягова. Пенза, 2015. С. 77–81.
- 5 См.: Денискин Е. И. Лесное хозяйство Мордовии в 1920–1950-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Тонких В. С. Леса Мордовии. Саранск, 1976. С. 66–73.
- 6 См.: Тенета И. Опыт статистического обследования порубок в Саратовской губернии // Нижнее Поволжье. 1924. № 7. С. 77.
- 7 См.: Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии. Ульяновск, 1927. С. 86; Селибер Б. И. Леса и лесная промышленность СССР. Т. 1. Леса СССР и их эксплуатация. Л., 1930. С. 148–149; Тенета И. Лесной фонд Нижне-Волжского края // Нижнее Поволжье. 1928. № 10. С. 81.
- 8 Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.

- ⁹ Кураев Н. Н. Лес гибнет // Известия. Саратов. 1922. 14 января.
- ¹⁰ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1434. Л. 2 об.
- ¹¹ См.: Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- ¹² См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 9. Д. 1567. Л. 6 об.; Отчётный бюллетень Симбирского губернского исполнительного комитета Советов. К XI губернскому съезду Советов Симбирской губернии 15 августа 1921 г. Симбирск, 1921. С. 61.
- ¹³ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 39; Д. 4043. Л. 90 об.
- ¹⁴ Там же. Д. 4568. Л. 25.
- ¹⁵ См.: Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 220. Л. 55.
- ¹⁶ См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 4694. Л. 50.
- ¹⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 49.
- ¹⁸ См.: ЦГАСО. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 4694. Л. 50.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 49.
- ²⁰ Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- ²¹ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 43 об.
- ²² Там же. Л. 44–45.
- ²³ Кураев Н. Н. Указ. соч. 1922. 14 января.
- ²⁴ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 25.
- ²⁵ Там же. Д. 3017. Л. 5 об.
- ²⁶ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6180. Оп. 2. Д. 135. Л. 13.
- ²⁷ См.: Мальков В. Технический персонал в лесном хозяйстве РСФСР // Лесовод. 1924. № 1. С. 22.
- ²⁸ См.: Шульц А. Предварительные итоги работы Управления лесами за 1923–24 год // Лесовод. 1925. № 1. С. 7.
- ²⁹ ГАНИСО. Ф. 6180. Оп. 2. Д. 135. Л. 13.
- ³⁰ Полуэктов М. Лесное хозяйство губернии // Известия. Саратов. 1923. 13 сентября.
- ³¹ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 10 об.; Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- ³² См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 50 об.
- ³³ См.: ГАНИСО. Ф. 6180. Оп. 2. Д. 142. Л. 16 об., 30, 59 об.
- ³⁴ См.: Овсянников В. О казённой лесной страже // Лесной журнал. 1916. Вып. 7–8. С. 876–877.
- ³⁵ ГАНИСО. Ф. 6180. Оп. 2. Д. 142. Л. 59 об. – 60.
- ³⁶ Полуэктов М. Указ. соч.
- ³⁷ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 6 об.–7.
- ³⁸ Там же. Д. 4568. Л. 7–7 об.
- ³⁹ Тенета И. Опыт статистического обследования порубок в Саратовской губернии... С. 77.
- ⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 6 об.
- ⁴¹ Лес крестьянам // Известия. Саратов. 1925. 15 мая.
- ⁴² ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 35 об.
- ⁴³ Там же. Л. 36.
- ⁴⁴ Павлов. Необходимо упорядочить охрану лесов // Известия. Саратов. 1926. 27 июля.
- ⁴⁵ Самовольные порубки не прекращаются. Необходимо увеличить штрафы // Известия. Саратов. 1927. 1 января.
- ⁴⁶ ГАНИСО. Ф. 6180. Оп. 2. Д. 135. Л. 130 об.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 6 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 4568. Л. 25 об.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: Тенета И. Опыт статистического обследования порубок в Саратовской губернии... С. 78.
- ⁵¹ См.: Зоркий. С лесом неблагополучно // Известия. Саратов. 1925. 17 марта.
- ⁵² См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 92 об.
- ⁵³ См.: ЦГАСО. Ф. Р-3547. Оп. 1. Д. 41. Л. 311.
- ⁵⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 25 об.
- ⁵⁵ См.: Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 98. Л. 203 об.; Д. 186. Л. 68 об.
- ⁵⁶ См.: ЦГАСО. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 4694. Л. 50.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 41; Д. 4568. Л. 18 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 4568. Л. 18.
- ⁵⁹ Там же. Л. 18 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 55.
- ⁶¹ Подсчитано по: Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 3558. Л. 26, 29.
- ⁶² См.: ЦГАСО. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 3785. Л. 6.
- ⁶³ Подробнее см.: Воейков Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 481–486.

Образец для цитирования:

Воейков Е. В. Лесной фонд Саратовской губернии в 1920-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 116–121. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-116-121>

Cite this article as:

Voyeikov E. V. The Forest Fund of the Saratov Province in the 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 116–121 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-116-121>

УДК 94(47).084.8

Специализированная медицина в селах Саратовской области во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов

Ю. В. Ищенко

Ищенко Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины), Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, ishenko1978@yandex.ru

В статье анализируется деятельность здравоохранительных учреждений в части оказания специализированных видов медицинской помощи в отношении трудовых ресурсов села, выявляются проблемы и противоречия, связанные с реализацией предпринимаемых государственным и партийным руководством мер на данном направлении. Проведенное исследование позволило ввести в научный оборот новые данные, ранее оставшиеся за рамками научных исследований, сделать обобщающие выводы, отразить оригинальное авторское видение затронутых проблем.

Ключевые слова: здравоохранение, врач, коечный фонд, профилизация, специализированное отделение, послевоенные годы, трудовые ресурсы, сельское население.

Specialized Medicine in the Villages of the Saratov Region in the Second Half of the 1940s – Early 1950s

Yu. V. Ishchenko

Yuri V. Ishchenko, <https://orcid.org/0000-0002-4259-5423>, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112 Bolshaya Kazachia Str., Saratov 410012, Russia, ishenko1978@yandex.ru

In the article the activity of health care institutions in the sphere of specialized types of medical assistance in relation to rural labor resources is analyzed. The problems and contradictions associated with the implementation of measures taken by the state and party leadership in this direction are identified. The research carried out made it possible to introduce into scientific circulation new data that had previously remained beyond the scope of scientific research, to draw the generalizing conclusions, to reflect original author's vision of the touched issues.

Keywords: health care, doctor, bed fund, profilization, specialized branch, post-war years, labor resources, rural population.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-122-128>

В исследуемый период происходит противоречивый, но неуклонный процесс восстановления и развития производительных сил российского села, эффективность использования которых в значительной, если не в большей степени, зависела от состояния их главной составной части – трудовых ресурсов. Немаловажное значение в этом плане приобретали предпринимаемые государством меры по совершенствова-

нию их психологического и физиологического здоровья, которое, в свою очередь, определялось многочисленными факторами – условиями труда, быта, состоянием социокультурной сферы, общим психоэмоциональным фоном и т. д. Непосредственно профилактикой и лечением занимались здравоохранительные учреждения, некоторые аспекты деятельности которых в контексте заявленной темы уже затрагивались в ряде работ советского и постсоветского периодов¹. Вместе с тем целый ряд из них до сих пор остается за рамками исторических исследований либо их освещение носит несколько поверхностный и фрагментарный характер и не формирует целостного представления о состоянии специализированной медицинской помощи в российской деревне. По этой причине сохраняет свою актуальность введение в научный оборот новых касающихся обозначенной темы данных, что, несомненно, будет способствовать более глубокому изучению истории России в целом и, кроме того, анализу теоретических и практических проблем системы отечественного здравоохранения.

Для нашей темы важно отметить то обстоятельство, что еще с довоенных лет организация медицинской помощи сельскому населению стала рассматриваться как фактор подъема производительности труда, снижения потерь рабочего времени. Послевоенные годы характеризовались практически всего деревенского населения – начиная от трудоспособных мужчин и женщин и заканчивая подростками, престарелыми, инвалидами и даже детьми, о чем свидетельствуют представленные ниже данные (табл. 1).

Как показывают данные табл. 1, практически все трудоспособные женщины и мужчины, а также большинство подростков принимали участие в колхозном производстве. При этом в том же году из всех работников колхозов области 18,8% составляли престарелые колхозники, мужчины с частичной потерей трудоспособности (инвалиды) и другие нетрудоспособные³. Таким образом, вовлеченность в аграрное производство практически всего сельского населения обуславливало то обстоятельство, что от деятельности здравоохранительных учреждений в отношении последнего зависело качественное состояние его составной части – трудовых ресурсов.

Крайне негативно на деятельности здравоохранительных учреждений, особенно в первые

Таблица 1

Соотношение трудоспособного населения колхозов Саратовской области к численности участвующих в производстве колхозников в 1952 г.²

Показатель	Трудоспособные		Подростки (от 12 до 16 лет)
	Мужчины	Женщины	
Общая численность категории населения	81598	149 955	70391
Численность принимающих участие в производстве	78263	140634	48023
Принимающие участие в производстве к общей численности, %	96	94	68

послевоенные годы, сказались последствия Великой Отечественной войны. В период военных действий в целом по Союзу было уничтожено и разорено 40 тыс. больниц, поликлиник и других лечебно-профилактических учреждений. Общий ущерб, причиненный сети здравоохранения СССР, оценивался в 6,6 млрд руб.⁴

Несмотря на ежегодно увеличивающиеся объемы средств, выделяемых государством на обеспечение здравоохранения, финансирование не обеспечивало потребности лечебно-профилактических учреждений в связи с оскудением их ресурсно-технической базы.

Многие здравоохранительные учреждения, особенно в сельской местности, располагались в ветхих зданиях и приспособленных на «скорую руку» помещениях, иногда на частных домах и квартирах. К крайней нехватке помещений добавлялся недостаток инвентаря, лекарственных средств и перевязочных материалов, вызванный медленным восстановлением медицинской промышленности в первые послевоенные годы. Еще более остро стоял вопрос с оснащением здравоохранительной сети дорогостоящей аппаратурой и инструментарием.

Деятельность здравоохранительных учреждений осложнялась рядом других факторов: разброшенностью сел, большим объемом сельскохозяйственных работ, к которым они привлекались, удаленностью полей от населенных пунктов и дефицитом транспортных средств. К концу 1952 г. на 3304 населенных пункта в районах Саратовской области приходилось 169 больниц, 34 амбулатории и пять роддомов для сельского населения, расположенных главным образом в райцентрах и крупных селах⁵. При этом работа сельских врачей носила разноплановый характер и не всегда позволяла заниматься им непосредственно лечебно-профилактической деятельностью. Так, им вменялась в обязанность заготовка лекарственно-технического сырья для аптечных пунктов. В ходе избирательных кампаний медработники прикреплялись к десятидворкам для ведения пропаганды и агитации. Много времени занимала профилактическая и просветительская работа: организация лекций, кружков, санитарных постов и т. д.

Проводимый с 1947 г. комплекс мероприятий по более масштабному охвату жителей российской деревни деятельностью здравоохранительных учреждений включал в себя не только

расширение их сети, но и меры по профилизации коечного фонда районных больниц, позволившие стать последним центром специализированной медицинской помощи сельскому населению. Приведенные в табл. 2 данные помогают получить более наглядное представление о сущности реформы сельского здравоохранения на данном направлении.

Таблица 2

Численность коек в сельских районных больницах СССР в 1947 – 1950 гг., тыс. шт.⁶

Профиль коек	Численность коек, тыс. шт.	
	1947 г.	1950 г.
Общие	36,2	11,2
Терапевтические	9,6	26,3
Хирургические	8,8	19,4
Родильные	11,7	17
Инфекционные	13,8	16,4
Детские (неинфекционные)	2,4	7,8
Прочих специальностей	6,0	14,8

Одним из видов специализированной медицинской помощи стали проводимые в послевоенный период широкие лечебно-профилактические мероприятия в отношении заболевания туберкулезом. В этот период наблюдается быстрый рост сети противотуберкулезных учреждений. В целом по СССР к концу 1950 г. число больничных коек для соответствующих больных в сельской местности увеличилось в 7 раз, а число туберкулезных диспансеров, диспансерных туберкулезных отделений, кабинетов в больницах и поликлиниках – в 5 раз⁷.

В практику лечения туберкулеза внедряются антибактериальные препараты (стрептомицин, парааминосалициловая кислота (ПАСК), тибон и др.), производство которых было освоено советской промышленностью. Широко применялся лечебный искусственный пневмоторакс. Так, повторное наложение искусственного пневмоторакса проводилось в 63 районных и в 4 сельских участковых больницах Саратовской области⁸.

В то же время эффективность работы противотуберкулезных отделений здравоохранительных учреждений по выявлению туберкулеза на его ранней стадии осложняли такие причины,

как их недокомплект медицинским персоналом, обусловленный нехваткой соответствующих специалистов, а также недостаток рентгеноаппаратов и соответствующего лабораторного оснащения⁹.

Последствия Великой Отечественной войны способствовали некоторому росту численности венерических заболеваний в военные и первые послевоенные годы, что, в свою очередь, актуализировало принятие необходимых мер по их снижению. Последнему обстоятельству способствовало наличие специализированных учреждений и отделений лечебно-профилактической сети, посредством которых проводилась борьба с кожно-венерическими заболеваниями.

К 1952 г. непосредственно в сельской местности Саратовской области имелось 11 венерологических кабинетов при больнично-поликлинических объединениях в ряде районов области (Алгай, Дергачи, Татищево и т. д.). В остальных районах сельской местности, не имеющих таких кабинетов и не обеспеченных врачами-специалистами, лечебно-профилактическая помощь соответствующим больным и необходимые мероприятия по борьбе с венерическими и заразными кожными заболеваниями проводились силами общемедицинской сети. В этих случаях из состава районных больниц назначались врачи, в задачу которых входило следить за проведением лечебно-профилактических мероприятий в отношении венерических заболеваний.

Больные из сельской местности, нуждающиеся в стационарном лечении, направлялись в областной и другие городские венерологические диспансеры. Однако даже в тех районных больницах, которые располагали специальными венерологическими кабинетами, для временной госпитализации кожно-венерических больных использовались койко-места в общих отделениях, что не могло не создавать угрозы заражения для остальных пациентов.

Своих лабораторий, физиотерапевтических и рентгеновских кабинетов у венерических кабинетов при районных больницах не имелось. Обслуживание таких больных проводилось другими лечебными учреждениями, оснащенными соответствующим оборудованием. Так, в районах сельской местности Саратовской области имелось 54 клинических и серологических лабораторий, проводящих диагностику кожных и венерических больных. Районы, не имеющие лабораторий, направляли больных в областной кожно-венерологический диспансер.

Кроме того, помощь со стороны последнего оказывалась путем выездов его врачей в сельские районы, а также через бюро заочной консультации. Однако остается вопрос: насколько значимыми в практическом отношении могли быть указанные виды помощи? Так, согласно архивным данным, в 1952 г. врачами облвендиспансера были сделаны выезды в 27 районов сельской

местности из 63 с общим пребыванием в 240 человеко-дней. Таким образом, более половины районов области оставались «обделенными вниманием» специалистов-венерологов, притом что даже без учета времени на дорогу средний срок их командировки составил менее одного дня. На этом фоне более существенными в обозначенном аспекте выглядели проводимые этим здравоохранительным учреждением лабораторные исследования присылаемых из сельских районов мазков чешуи, волос, а также сухой сыворотки.

В борьбу с венерическими и заразными кожными заболеваниями были вовлечены районные больницы, сельские врачебные участки и женские консультации, а также врачи детских учреждений, здравпунктов и санитарно-эпидемиологических станций. Однако если в городах периодически проводимые профилактические осмотры среди работников коммунально-бытовой сферы и учреждений были обычным явлением, то в сельской местности такая работа ограничивалась обследованием членов семьи больного и контактировавших с ним лиц, а также беременных женщин.

И, тем не менее, предпринимаемые здравоохранительными учреждениями меры по борьбе с кожно-венерическими заболеваниями давали свои результаты. Так, в 1952 г. наблюдалось снижение кожно-венерических заболеваний в сельских районах Саратовской области по сравнению с 1951 г. по сифилису – на 8%; по гонорее – на 14, по грибковым болезням волосистой части головы – на 6,1%¹⁰.

В 1945 г. был издан приказ Народного комиссариата здравоохранения СССР, знаменующий новый этап борьбы со злокачественными новообразованиями и мероприятий по выявлению ранних форм рака. С этого времени в числе главных задач здравоохранительной системы стало приближение специализированной онкологической помощи к населению путем развертывания соответствующих учреждений, в основу работы которых был положен диспансерный метод обслуживания больных. Однако, как свидетельствуют материалы Саратовской области, если в городах и рабочих поселках в проведении профилактических осмотров наряду с врачами общелечебной сети активное участие приняли врачи диспансеров и онкологических кабинетов, то в районах сельской местности специальных онкологических учреждений и врачей-специалистов не было. Лечебно-профилактическая помощь и необходимые мероприятия онкологическим больным проводились врачами общемедицинской сети. Широкая санитарно-просветительская работа среди сельского населения включала в себя чтение лекций, беседы, распространение брошюр, плакатов и других материалов, направленных на большую осведомленность населения с ранними проявлениями раковых заболеваний. Врачи выступали в клубах,

избах-читальнях, на радио и со страниц местных изданий. Однако главная трудность в диагностике раковых заболеваний заключалась в недостатке рентгеновских аппаратов – в лечебных заведениях 39 районов области их попросту не было. В связи с этим и другими обстоятельствами обращает на себя внимание крайне низкий процент выявляемых в ходе профилактических осмотров, проводимых в отношении сельского населения, онкологических больных. В 1952 г. по сельским районам Саратовской области он составил 0,07%¹¹. Данный факт дает основание сделать предположение о том, что в сложившихся условиях проводимые в отношении указанной категории населения обозначенные мероприятия далеко не всегда позволяли выявить раковые заболевания, особенно в их начальной стадии.

Что касается стационарной помощи онкологическим больным, то в сельских районных больницах специальных отделений не было, и она оказывалась за счет выделения койко-мест из общего их состава. Сложившаяся в послевоенные годы практика специализированного медицинского обслуживания показала, что чем меньше в сельских районах имелось учреждений и коек того или иного профиля, тем больше соответствующие учреждения и койки использовались сельским населением в городах. Не стала исключением в этом отношении и онкологическая помощь – как отмечалось выше, последняя оказывалась сельским жителям в диспансерах и специальных кабинетах лечебно-профилактических учреждений городов и рабочих поселков¹².

Активное вовлечение женщин в сферу сельскохозяйственного производства требовало от органов здравоохранения эффективной охраны материнства и младенчества, которая в значительной степени зависела от деятельности родовспомогательных учреждений.

В послевоенные годы акушерско-гинекологическая помощь в отношении тружениц российской деревни занимала важное место в системе советского здравоохранения. Осуществлялась она в основном восстанавливающейся и развивающейся сетью родильных домов, соответствующими отделениями районных и участковых больниц, а также колхозными родильными домами и фельдшерско-акушерскими пунктами. Численность последних, в том числе и за счет реорганизации сельских амбулаторий, особенно возрастала. В Саратовской области в 1952 г. она составила 768 против 434 в довоенном 1940 г.¹³ Это обстоятельство, несомненно, способствовало делу приближения к сельскому населению квалифицированной медицинской помощи в целом и охвату относительно качественным родовспоможением его женской части, которая в исследуемый период составляла едва ли не половину трудовых ресурсов российского села.

В исследуемый период фиксируется рост родильных коек в сельской местности, числен-

ность которых сильно сократилась за годы войны. Однако его темпы оставляли желать лучшего и в целом к началу 1950-х гг. едва ли покрывали потребности женской части населения российской деревни. Так, в 1952 г. в роддомах, отделениях районных больниц и участковых больницах Саратовской области была развернута 591 родильная койка при плане 616¹⁴.

Несмотря на то что койко-мест в лечебных учреждениях не всегда хватало, даже функционирующие не всегда были загружены на полную мощность. Данное обстоятельство касалось практически всех сельских здравоохранительных учреждений, но особенно невыполнялся план по загруженности коек в роддомах и родильных отделениях сельских больниц. Отсутствие транспорта, бездорожье осложняло возможность своевременной госпитализации рожениц, вследствие чего процент проведенных на дому родов продолжал оставаться весьма высоким, а в тех местах, где были более или менее подходящие условия для госпитализации и проведения родов, койко-места работали с большой перегрузкой.

Одним из основных недостатков работы родовспомогательных учреждений, как и в случае с другими сельскими лечебными учреждениями, являлось их размещение в непригодных помещениях, не отвечающих основным санитарно-гигиеническим требованиям и отличающихся малой площадью и плохой оснащенностью твердым и мягким инвентарем. Периодически проводимый текущий ремонт несколько улучшал их санитарно-гигиеническое состояние, однако большинство сельских родучреждений нуждались в капитальном ремонте.

Во многих из них роженицы не обеспечивались достаточным количеством предусмотренного нормами Минздрава белья. Матрасы и подушки в большинстве родильных стационаров были изношенными. Не доставало и твердого инвентаря – мебели (смотровых кушеток, тумбочек, стульев), а также хозяйственной посуды (ведер, кастрюль, тазов) и т. д. Почти во всех родильных учреждениях ощущался недостаток медицинских инструментов и предметов ухода, а при организации в них операционных медперсонал сталкивался с нехваткой столиков для хирургического инструментария, автоклавов для стерилизации белья, другого специализированного медицинского оборудования и препаратов.

Особенно тяжелое положение с обеспеченностью медицинским оборудованием и необходимым инвентарем сложилось в колхозных родильных домах, которые в условиях разбросанности населенных пунктов имели важное значение в деле приближения стационарной акушерской помощи к сельским труженицам. В то же время, как свидетельствовали данные по Саратовской области, при проведении родов акушеры из колхозных роддомов пользовались

в основном акушерской сумкой, набор которой включал в себя некоторое количество инструментария, предметов ухода и перевязочного материала. Если летом работали почти все колхозные роддома, то зимой работала лишь небольшая их часть и то, как фельдшерско-акушерские пункты, так как они не были обеспечены достаточным количеством топлива из-за невыполнения колхозами своих финансовых обязательств перед районными отделами здравоохранения. Видимо, данное обстоятельство зачастую являлось основной, если не главной, причиной отсутствия в колхозных роддомах организованного питания, в то время как в родотделениях и роддомах сельской местности оно находилось на должном уровне. Все это ограничивало возможности родовспомогательных заведений охватить стационарной помощью тружениц российской деревни, с одной стороны, и сокращало срок их пребывания в роддомах и соответствующих отделениях – с другой. Так, в 1952 г. в Саратовской области при охвате квалифицированным родовспоможением на селе практически всех рожениц, в колхозах было госпитализировано 58,2%, а в целом стационарным родовспоможением на селе было обслужено 85,5% всех рожениц. При этом план сельскими родовспомогательными учреждениями по проведению койко-дней был выполнен на 87,6%¹⁵. Интересно будет отметить то обстоятельство, что Саратовская область в этом плане находилась не в худшем положении – в целом по стране даже к середине 1950-х гг. охват сельских тружениц родовспоможением еще не достигал 100%¹⁶.

Серьезным препятствием на пути внедрения квалифицированной медицинской помощи при родах в сельских местностях был недостаток медицинских кадров. Притом что к концу 1952 г. в районах Саратовской области работало 44 врача, занимавших должности акушера-гинеколога, 859 акушерок и 54 патронажных сестры, в двенадцати районах области должности акушера-гинеколога занимали врачи общей практики, а в восьми акушеров вообще не было, что считалось недопустимым явлением даже в условиях послевоенного лихолетья. Недостаток квалифицированных врачей не могла покрыть и удовлетворительная работа санитарной авиации с систематическими выездами специалистов по первому же требованию районных и участковых больниц для оказания экстренной помощи при родах.

В целях повышения квалификации сельских врачей проводились специальные областные совещания, посвященные вопросам борьбы с токсикозами при беременности, затяжными родами, мертворождаемостью, родовым травматизмом и т. д. Согласно приказу Минздрава СССР была организована прерывистая подготовка в 5 межрайонных базах, которая предусматривала повышение квалификации врачей путем самосто-

ятельной работы над усвоением руководства по акушерству и гинекологии и получение практических навыков при периодических 3-дневных выездах на межрайонную базу. Для проведения занятий на межрайонные базы выезжали ассистенты акушерско-гинекологической клиники Саратовского медицинского института, при лечебном факультете которого проводились специальные курсы для врачей из сельских больниц. Средний медперсонал родовспомогательных учреждений специализировался на базе межрайонных больниц. В том же году, например, свою квалификацию повысили 150 акушерок из сельской местности, а 734 человека прошли аттестацию.

Однако условия работы сельских врачей зачастую не позволяли им выезжать на подготовку, кроме того, далеко не всегда была возможность выделить средства на оплату командировочных расходов из скудного бюджета сельских медучреждений. Недостаток медперсонала на местах обуславливал невозможность в ряде случаев обеспечивать замену врачей в случае их отъезда на курсы. В числе основных причин, препятствующих прохождению сельскими врачами курсов повышения квалификации, была и такая, как отсутствие мест в общежитиях при медицинском институте в г. Саратове.

Недостаток опытного и квалифицированного медперсонала в сельских здравоохранительных учреждениях приводил к ряду серьезных методических ошибок при родовспоможении и обуславливал случаи затянувшихся родов без их надлежащей и своевременной стимуляции, что, в свою очередь, вело к случаям материнской смертности, недоношенности, а также мертворождаемости. В 1952 г. указанные показатели по сельским районам Саратовской области составили 0,09%, 2% и 1,5% соответственно. Данные явления имели место главным образом в тех учреждениях, где роды проводились врачами без специальной акушерской подготовки. Самой большой проблемой было отсутствие хирургического опыта у сельских акушеров, что нередко требовало привлечения соответствующих специалистов для проведения родов путем кесарева сечения и других операций¹⁷.

Обращает на себя внимание рост абортот на селе в начале 1950-х гг., более 30% которых относились к разряду криминальных, т. е. совершенных без надлежащих медицинских показателей, которые свидетельствовали бы об угрозе жизни и здоровью женщины в случае разрешения от бремени. Можно сделать вывод о том, что тяжелые условия труда и быта сельских тружениц, с одной стороны, приводили к такому ухудшению их здоровья, в результате которого они не могли выполнять свои репродуктивные функции без угрозы для собственной жизни. С другой стороны, неразвитость социокультурной сферы села, бесперспективность тяжелого труда в условиях неэквивалентного изъятия ресурсов

из колхозной деревни и в целом непрестижность социального статуса жителя российской глубинки побуждали юных девушек и молодых женщин прибегать к криминальным абортam в случае нежелательной беременности, которая могла стать серьезным препятствием для миграции в город через брак, устройство на фабрику, завод и т. д.

Определенную нишу в деле медицинского обслуживания сельского населения занимала стоматологическая помощь. К 1952 г. данный вид медицинской помощи населению Саратовской области оказывался в основном зубными врачами и частично стоматологами в 29 городских и районных больницах городов, 27 зубных кабинетах рабочих поселков, 39 райбольницах сельской местности, 49 зубных кабинетов сельских участковых больниц, в четырех зубных кабинетах сельских необъединенных врачебных амбулаториях. Кроме того, соответствующая помощь оказывалась больным в зубоучастковой школе.

Одной из специфических черт стоматологической помощи в исследуемый период было то обстоятельство, что в довольно заметной своей части, в том числе и для жителей российской глубинки, она оказывалась на платной основе. В том же году в области имелось 36 «хозрасчетных» зубных кабинетов, девятнадцать из которых располагались в городах и рабочих поселках и семнадцать – в сельской местности.

Стоматологическая помощь осуществлялась в основном амбулаторно. Если соответствующие больные нуждались в операциях, то они проводились в хирургических отделениях тех районов и городов, где имелись стоматологи. Однако специализированного коечного фонда для стоматологических больных не имелось.

В обозначенном нами аспекте важным будет отметить тот факт, что к началу 1950-х гг. в рамках оказания стоматологической помощи населению проводились профилактические осмотры. В 1952 г. в зубных кабинетах сельской местности Саратовской области профилактически было осмотрено 50 894 чел., городов и рабочих поселков – 61376 чел.¹⁸ Согласно располагаемым нами данным, в 1951 г. численность сельского населения области составляла 948 тыс. человек¹⁹. Учитывая несущественные изменения данного показателя в следующем году и даже прием некоторой части сельского населения зубоучастковыми кабинетами городов и рабочих поселков, можно сделать вывод о том, что в начале 1950-х гг. такими профилактическими осмотрами в области было охвачено лишь 5–7% её деревенских жителей. Однако даже этот скромный показатель свидетельствовал о приближении стоматологической помощи к населению российской глубинки.

Вместе с тем не все сельские участки были укомплектованы зубными врачами. Несмотря на наличие протезистов при зубопротезных каби-

нетах, количество и качество последних, равно как и протезных лабораторий, не удовлетворяло потребности населения в этом виде специализированной медицинской помощи. В большинстве сельских районов оснащение зубных кабинетов и протезных лабораторий специальным оборудованием, электромоторами и другой аппаратурой оставляло желать много лучшего, однако наиболее остро стояла проблема с обеспечением их зубоучастковой сети специальными медикаментами и протезными материалами²⁰.

Таким образом, как показывает исторический анализ, к началу 1950-х гг. население саратовской деревни начинает охватываться основными видами специализированной медицинской помощи, которая ему оказывалась как сельскими, так и городскими здравоохранительными учреждениями. Вместе с тем в силу нехватки врачей, слабости материальной базы сельских здравоохранительных учреждений, разбросанности населенных пунктов и ряда других факторов охват сельского населения специализированными видами медицинской помощи оставлял желать лучшего. Данное обстоятельство нашло свое выражение в низких показателях выявляемых онкологических больных, относительно небольшом проценте сельских жителей, охваченных профилактическими осмотрами в рамках того или иного вида специализированного медобслуживания. А главное, в том, что зачастую специализированное медицинское обслуживание на селе осуществлялось врачами общемуедицинской сети без специальной подготовки.

Как свидетельствует практический опыт деятельности сельских здравоохранительных учреждений, эффективное решение проблем последних в значительной степени зависит от целенаправленной политики государства и его комплексного подхода в деле укрепления материально-технической базы и кадрового состава лечебно-профилактической сети.

Примечания

- ¹ См.: Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972; Романченко В. Я. Деятельность КПСС по повышению эффективности и качества труда в совхозах. Саратов, 1985; Кузнецова Н. В., Иващенко Г. С. Проблемы медицинского обслуживания сельского населения Нижнего Поволжья в первые послевоенные годы (1945–1948) // Власть. 2012. № 4. С. 122–125; Ищенко Ю. В. Медицинское обслуживание трудовых ресурсов российской деревни во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. На материалах Саратовской области // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 140–147; Фирсова Л. И. Проблемы финансирования развития регионального здравоохранения // Регион: системы, экономика, управление. 2015. № 3 (30). С. 123–128. и др.

- 2 Подсчитано по: Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Саратовской области» (далее – ОГУ ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 2936. Л. 274–277.
- 3 См.: *Ищенко Ю. В.* Развитие производительных сил села в послевоенный период: середина 1940-х – начало 1950-х гг. (На материалах Саратовской и Сталинградской областей) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. С. 102.
- 4 См.: 70 лет советского здравоохранения : 1917–1987 гг. / под ред. Е. И. Чазова. М., 1987. С. 57 ; *Трофимов В. В.* Здравоохранение в Российской Федерации за 50 лет. М., 1967. С. 58.
- 5 Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области» (далее – ОГУ ГАСО). Ф. Р-2302 (Отдел здравоохранения Саратовского областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся). Оп. 5. Д. 19. Л. 5, 16 а.
- 6 См.: Сорок лет советского здравоохранения. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 1917–1957 / гл. ред. М. Д. Ковригина. М., 1957. С. 208.
- 7 Там же. С. 214.
- 8 ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 166, 168.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Л. 174–177.
- 11 Там же. Л. 178–181.
- 12 Там же. Л. 177.
- 13 Там же. Л. 242.
- 14 Там же. Л. 118.
- 15 Там же. Л. 119.
- 16 См.: Сорок лет советского здравоохранения ... С. 251.
- 17 ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 125.
- 18 Там же. Л. 78–79.
- 19 См.: Народное хозяйство Саратовской области : (Краткий стат. сб.). Саратов, 1987. С. 3.
- 20 ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 81.

Образец для цитирования:

Ищенко Ю. В. Специализированная медицина в селах Саратовской области во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 122–128. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-122-128>

Cite this article as:

Ishchenko Yu. V. Specialized Medicine in the Villages of the Saratov Region in the Second Half of the 1940s – Early 1950s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 122–128 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-122-128>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

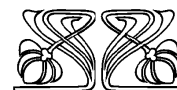
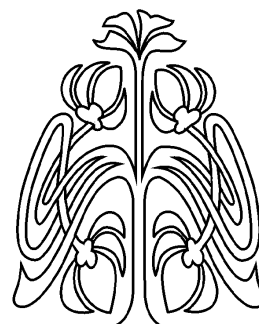
Рецензия на книгу: *Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 гг.): от общей Победы к кризису межэтнического доверия.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2017. 196 с.

В монографии известного исследователя истории национальной политики, межнациональных отношений и взаимодействия власти и этносов в нашей стране обосновываются выводы, к которым автор впервые пришел в своей аспирантской работе 1986 г.¹ В 2004 г. был издан обстоятельный труд, в котором рассматривалась национальная политика Советского государства в 1945–1991 гг. через призму деятельности Совета Национальностей Верховного Совета СССР. В нем внимание автора было сосредоточено на этноязыковых и этнокультурных аспектах послевоенной истории и на механизме взаимодействия власти и народа². В 2015 году опубликовано учебное пособие А. П. Мякшева с изложением основных этапов становления и реализации национальной политики Российского государства в XX и начале XXI в.³ Помимо освещения основных проблем истории распада Российской империи и образования СССР, национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг. и эволюции национальной политики в годы Великой Отечественной войны, в книге анализировались противоречия в национальной сфере в послевоенный период и причины распада единого государства.

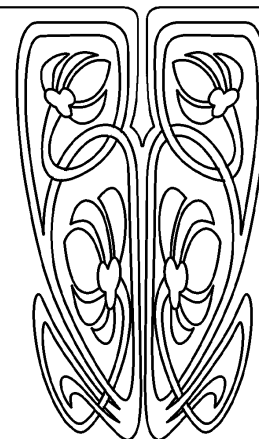
Во всех работах А. П. Мякшев не соглашается с отрицанием существования в СССР новой исторической общности. Он отстаивает позицию, согласно которой, несмотря на свою противоречивость и незавершенность, советский народ обладал признаками, позволявшими рассматривать его как уникальную общность, не имеющую аналогов в мировой истории.

Появление своей новой книги автор объясняет «желанием на конкретно-исторических материалах аргументировать вывод о сепаратизме и эгоизме национальных элит как главной причине распада Советского Союза». В процессе многолетнего исследования межэтнических связей и взаимодействий у него «созрело стойкое убеждение» в том, что в самой природе этноса «заложены» как «стремление сохранить и укрепить свою национальную идентичность», так и «объективное движение к консолидации и единению с другими этносами». Историк предлагает читателю свое понимание того, что «взаимоотношения национальных элит являются квинтэссенцией экономических, политических, социальных связей, проблем собственности, ресурсов», «этнических территорий», и утверждает, что «национальные элиты по характеру космополитичны» и для них вопросы власти и собственности «гораздо важнее, чем вопросы национального языка, культуры, образования». По мнению автора, «практика так называемых «этноконфликтов» в социально расколотых обществах», к коим он относит и современное российское общество, «демонстрирует легкость и доступность «облегчения» протеста против кричащих социальных и экономических противоречий и неравенств в форму этнической мобилизации». Поэтому можно согласиться с А. П. Мякшевым, считающим свое исследование «своеобразным предупреждением о подобной опасности в сегодняшней политической жизни».

Рецензируемая монография содержит обстоятельный и квалифицированный экскурс в историю вопроса. Трудно не согласиться с автором, предположившим, что большинству проблем истории взаимодействия советских этносов и власти присущи дискуссионность, сам процесс взаимодействия государства и народов как на общесоюзном, так и местном, региональном уровнях изучен недостаточно. Его привлекают строго научные и аргументированные оценки, лишённые политизации и «ненаучной ангажированности». Не случайно для характеристики реализуемой советской национальной стратегии А. П. Мякшев заим-

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

ствуется термин «империя положительной деятельности», введенный в научный оборот профессором Гарвардского университета Т. Мартином. Да и уровень достигнутого за годы советской власти национального единства А. П. Мякшев предлагает «измерять» степенью межэтнического доверия, в рамках одной из наиболее популярных тем современного гуманитарного знания, исследующего взаимосвязь между социальными феноменами риска и доверия. «Межэтническое доверие» выступает в монографии как инструментальный и ресурс национальной безопасности, разрешения рисков, средство разрешения межэтнического конфликта, в частности.

В целом теоретическая значимость проведенной А. П. Мякшевым работы заключается в попытке показать, как практически работают подходы сторонников инструментализма, которые этничность понимают как эффективное средство преодоления социального отчуждения, восстановления униженной национальной гордости, разрушенной национальной идентичности. При этом этничность понимается как некий «способ» сохранения этносом своей особенности, «своего дома» в условиях тотального отчуждения и нарастающей унификации. Приняв эту точку зрения, автор объективно вынужден был увязывать этничность с крайне своеобразным явлением, так называемым «землячеством», как мощным ресурсом мобилизации политической власти и энергии этноса, помогающий ему отстаивать свои собственные «национальные» интересы.

В то же время автор не скрывает своих научных пристрастий к конструктивистскому подходу, определяющему этничность как социальную идентичность, как особую форму социальной организации, которая чаще всего интерпретируется «как своего рода социальный манипулятор», в котором культурные связи выступают с меньшей очевидностью, нежели «социальная идентичность». Собственно, попытка автора использовать различные подходы в качестве теоретико-доказательной базы для формулирования выводов и заключений по исследуемой проблеме доверия в межэтнических отношениях в СССР показывает, что все подходы к этничности актуализируют какую-то одну сторону данного феномена. Сложность этничности, ее системность, довольно жесткая привязка к культурным и социальным контекстам не предполагают ее однозначного толкования. Появление подобных монографических работ, безусловно, будет способствовать дальнейшему изучению и глубокому пониманию сути и содержания этничности и реализации потребности в её научно аргументированной и точно зафиксированной дефиниции.

Автор монографии ограничивает свое исследование 1985 г. временной гранью, отделяющей «перестройку» от так называемого «развитого социализма». По его мнению, даже «ранняя» стадия развития социализма способствовала

появлению в СССР признаков «социального государства», правда, из-за крайне ограниченных экономических возможностей так и не «распространившихся» на все советское общество. Зато к моменту перестройки, как показано в монографии, этноэлитами титульных этносов союзных республик были созданы все условия для борьбы за власть и собственность на «своих этнических территориях». Поэтому он полагает, что «национальный взрыв», «последовавший во второй половине 1980-х годов, являлся, по сути, главным методом ликвидации власти федерального Центра и уничтожения единого государства», а «этнический фактор выступил в качестве мощного оружия политэлит», «реализовавших программу «конвертации» уже захваченной ими в предшествующий период власти в собственность». Событиям в национальной сфере общественных отношений периода «горбачевской перестройки» и их роли в разрушении великой державы автор предполагает посвятить отдельное исследование. Хочется пожелать удачи в реализации замысла.

Автор также обосновывает необходимость научной разработки еще одной темы – «русского вопроса», которого историки по-прежнему предпочитают «не замечать». Сам же А. П. Мякшев, опираясь на многочисленные источники из архивных фондов, пишет «о реальной национальной дискриминации русского этноса, вызвавшейся не столько в широко укоренившейся и нарастающей русофобии в национальных республиках, сколько в финансовой, ценовой, экономической дискриминации России», а также об «укоренившейся практике эксплуатации ресурсов русского народа для достижения фактического равенства советских народов, для создания и укрепления новой исторической общности людей». По мнению автора, такая политика привела к тому, что «русский мир просто расчленили», а «самые беззащитные его части подвергли унижительной и принудительной ассимиляции».

Исследование А. П. Мякшева представляет собой уникальное явление в постсоветской историографии, в которой под влиянием господствующих политических дискурсов зачастую отвергается положительный опыт решения национальных проблем в СССР и преувеличиваются негативные моменты (насильственное переселение народов, национальные репрессии в годы террора 1930-х гг. и др.). Подобные подходы пронизывают школьное и вузовское образование, формируя групповые формы доверия и недоверия. Нигилистическое отношение к совместному историческому прошлому в постсоветских государствах углубляет межэтнические расколы и кризис политических институтов, как это уже произошло в Грузии и Украине. Все это обуславливает необходимость объективных междисциплинарных исследований истории национальной политики и их использования в работе по формированию доверия в межэтнических и межгосударственных отношениях.

Рецензируемая монография – яркое свидетельство такой научной потребности.

Выводы, обобщения и заключения А. П. Мякшева – результат многолетнего осмысления эмпирического материала, в том числе выявленного в столичных архивохранилищах. Использованы материалы Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива экономики.

Можно согласиться с автором в том, что недооценка национальной политики в послевоенный период, замалчивание и игнорирование советским руководством реальных проблем в сфере межэтнических взаимодействий способствовали кризису доверия и распаду советского общества. Не менее важной причиной утраты доверия между советскими этносами автор называет идею «двойного суверенитета», интерпретируемую этноэлитой в духе «двойных стандартов»: «наличие государственности – главное средство сохранения и укрепления национальной идентичности», а претензия иных этносов на государственную автономию внутри союзной республики «разрушает национальное единство и идентичность». Вооружившись этой незамысловатой формулой, этноэлиты, как пишет А. П. Мякшев, принялись крушить единый Союз и «созидать» этнократические государства.

«Полными хозяевами» страны национальные кланы, по мнению А. П. Мякшева, «ощутили» себя в период «развитого социализма», когда они «беззастенчиво и открыто формировали аппараты власти из представителей своего клана». Политика кланов «неизбежно должна была привести к нарастанию сепаратизма в их действиях, стремлению освободиться от опеки центра и получить полную свободу в управлении своей республикой». По сути, заключает историк, «в интересах пришедших к власти национальных кланов в республиках подпитывался не только национализм, но и откровенная русофобия». Для понимания причин распада СССР важен также вывод А. П. Мякшева о том, что «стремление к национальной замкнутости и ограниченности объективно усиливалось параллельно возрастанию коррупции и других признаков морального разложения национальных руководящих элит, делало их независимыми от центра, создавая тем самым реальные предпосылки дезинтеграционных процессов в СССР».

Интересен подход автора к оценке советской национальной политики в целом. По мнению ученого, «временные союзы и уступки позволили большевикам найти возможные пути решения национального вопроса и завоевать доверие национальностей за счет программ нацстроительства и нативизации органов управления». Однако, считает он, решение национального вопроса в том виде, в котором оно было реализовано, привело к созданию новых иерархий этнических коллективов и дискриминации нетитульных на-

родов, что вело к новым виткам межэтнических конфликтов. «Советская национальная политика, предполагавшая помощь “отсталым” народам в достижении уровня развития европейской части страны, политическое и правовое равенство граждан страны “поверх” этнических границ, и впервые в мировой практике позволившая на принципах доверия выстроить вертикальные и горизонтальные связи, а также интегрировать советское общество – одновременно создавала и предпосылки для разрушения этих связей».

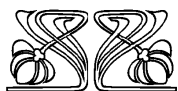
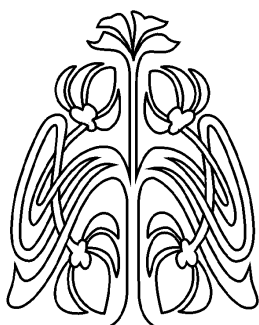
Новизна работы А. П. Мякшева проявляется в обращении к недостаточно изученным в научной литературе проблемам: межэтнические адаптации, политика коренизации и ее последствия, конкурентная борьба этнических элит, а также удачно реализованный опыт комплексного – этнологического, социологического и исторического анализа процесса реализации советской национальной политики в союзных республиках. Тщательный и детальный анализ проблем – от национально-государственных до этноязыковых, от изучения этноконфликтов до анализа специфики насильственных перемещений населения после войны, от исследования роли национальных элит в создании предпосылок распада СССР до формирования национальных движений – позволил автору прийти к выводу, что традиции сотрудничества и толерантности, заложенные в советский период истории, в настоящее время «блокируются» растущей ксенофобией и межнациональной рознью во многих постсоветских государствах.

Выход в свет рецензируемой монографии о создании предпосылок и условий распада единой страны вызывает особый интерес к заявленной работе А. П. Мякшева о «национальном взрыве» периода перестройки и процессе распада единого государства. Такая работа придала бы концепции автора завершенность и необходимую цельность.

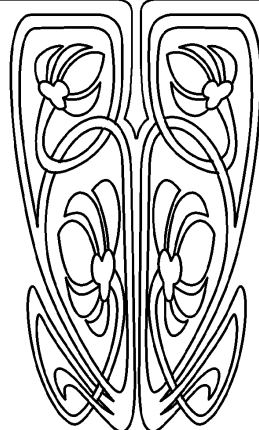
Примечания

- 1 Мякшев А. П. Историография советского народа как новой исторической общности. 1960–1977 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 24 с.
- 2 Мякшев А. П. Власть и национальный вопрос : Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 364 с.
- 3 Мякшев А. П. Власть и национальный вопрос в новейшей истории России. XX – начало XXI века : учебное пособие для магистрантов Института истории и международных отношений СГУ. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 128 с.

А. И. Вдовин,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России XX–XXI вв.
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2019 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>